

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 1

2014

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2014

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), Л.А. Петрова, д.ф.н., проф. (Украина, Одесса), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., доц. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, проф. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

Т.Н. Василенко, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.

Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovnet01@filo.asu.ru

Эл. адрес журнала на сайте АлтГУ:

http://www.asu.ru/structure/faculties/philology/nauk/philology_journal/

Эл. адрес журнала в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Л.А. Козлова. О трех способах манифестации культурно-специфического в лексиконе языка.....	7
Л.И. Шелепова. Данные диалектов и история русского слова (словообразовательный и семантический аспекты)	16
Т.В. Чернышова. Типологические признаки речевого жанра дискредитации в медиадискурсе	31
Т.Г. Пшенкина. Междисциплинарность перевода как отражение интегративных процессов в современной лингвистике.....	39
А.Н. Байкулова. Периферийная зона неофициальной коммуникации: общение знакомых.....	52
И.А. Бедарева, Т.И. Орехова. Фаунистическая лексика Алтая в региональном пространстве (семантические модели и этимология)	63
В.Н. Аристова. Вербальные расистские оскорбления в современном французском обществе.....	74
Л.Н. Демченко. Творчество Чингиза Айтматова в аспекте художественной антропологии.....	83
Э.П. Хомич. Скромное обаяние детской книги Алтая	92

Научные сообщения

Ю.В. Трубникова. Лексико-деривационная структура и семантика поэтического текста	108
Д.А. Кожанов. Фреймовая структура организации знаний в научной картине мира	115
Я.А. Дударева. Нейминговый словарь русского языка (слова-бионимы как фирменные наименования): концепция и технический проект	121
Е.И. Клиник. Варьирование модели жанра имиджевой статьи по параметру «предмет отображения»	126
С.С. Барсукова. Приемы создания эффекта обманутого ожидания на уровне предложения	134
Е.В. Головенкова. Отражение языковой манеры журналистов и специализации российских газет в выборе тактик адресации	138
С.Н. Германов. Репрезентация понятия «странный» в предложении в английском языке.....	145
А.И. Матяшевская. Функции и способы введения сниженной лексики в британских газетах	151

К.А. Воротынцева, И.В. Силантьев. Повседневность как категория нарративной поэтики	157
Е.В. Белогурова. Комедийно-сатирическая версия «квартирного вопроса» в творчестве М. Булгакова: «Зойкина квартира»	164
Г.Х. Абдрафикова. Художественные искания башкирской детской литературы 20-х годах XX века	171
Н.Л. Павлюк. Экзистенциал страха в исторической прозе Ю. Мушкетика	180
О.А. Сысоева. «Детская книга» Б. Акунина: проблемы жанрового пародирования сказочного канона	186
Резюме	193
Наши авторы	215

CONTENTS

Articles

L.A. Kozlova. Three ways of manifestation of the culturally-specific in the lexicon of the language	7
L.I. Shelepova. Dialects Data and Russian Word History (Derivation and Semantic Aspects)	16
T.V. Chernysheva. Typological features of the speech genre of discredit in the media discourse	31
T.G. Pshenkina. Multidisciplinary aspect of translation as an outcome of integration processes in modern linguistics	39
A.N. Baikulova. Marginal sphere of informal communication: acquaintance interaction	52
I.A. Bedareva, T.I. Orekhova. Faunistic vocabulary in the region of Altai (semantic models and etymology).....	63
V.N. Aristova. Verbal racist abuses in the contemporary French society	74
L.N. Demchenko. Chingiz Aitmatov's creativity in the aspect of art anthropology	83
E.P. Khomich. The Discreet Charm of Children Literature of Altai	92

Scientific reports

Yu.V. Trubnikova. Derivational structure and semantic of poetic text.....	108
D.A. Kozhanov. Frame structure of knowledge in the scientific picture of the world	115
Ya.A. Dudareva. Naming dictionary of the Russian language (word-bionimy as trade names): concept and technical design.....	121
E.I. Klink. Varying of image article's model by a parameter of represented object	126
S.S. Barsukova. Ways of the defeated expectancy effect's realization at the sentential level.....	134
E.V. Golovenkova. Reflection of Journalists' Language Manner and Specialization of Russian Newspapers in Choice of Addressing Tactics	138
S.N. Germanov. Representation of the concept «strange» in the sentence in the English language.....	145
A.I. Matyashevskaya. Substandard Vocabulary in British Newspapers: Functions and Ways of Introducing	151

K.A. Vorotyntseva, I.V. Silantyev. Daily Routine in Narrative Structure.....	157
E.V. Belogurova. Comic-satirical version of «housing problem» in M. Bulgacov's plau «Zoya's Apartment»	164
G.Kh. Abdrafikova. Literary quest in Bashkir literature for children in the 20 ^s of the XX th century	171
N.L. Pavlyuk. Existential of fear in Yu. Mushketik's historical prose.....	180
O.A. Sysoeva. «Children book» of B. Akunin: the problem of parody genre of the fairy canon.....	186
Summary	193
Our authors	215

СТАТЬИ

О ТРЕХ СПОСОБАХ МАНИФЕСТАЦИИ КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОГО В ЛЕКСИКОНЕ ЯЗЫКА

Л.А. Козлова

Ключевые слова: культурно-специфическое, лексикон, реалия, образы сознания, культурная коннотация, эмоционально-ассоциативная аура.

Keywords: culturally specific, lexicon, realia, mental images, cultural connotation, emotional-associative aura.

Метафорическое определение языка как зеркала культуры предполагает, что в языковых единицах различных уровней находят отражение и своеобразное преломление особенности мировосприятия этноса, национальные культурные ценности и особенности менталитета лингвокультурного сообщества, говорящего на том или ином языке. Как подчеркивает В.И. Карасик, любые попытки уйти от выяснения культурной (культурно-исторической) специфики языка лишь обедняют лингвистику [Карасик, 2012. с. 34].

При этом единицы разных уровней выполняют свои специфические функции в отображении национальной картины мира и культурных ценностей нации и обладают разной степенью культурной чувствительности. Наибольшей степенью культурной чувствительности обладают лексикон языка и его фразеологический фонд. Неслучаен тот факт, что именно с фразеологии началось изучение языка в лингвокультурологическом ракурсе. Как отмечает В.Н. Телия, фразеологический состав языка представляет собой «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996, с. 9]. Как подчеркивает Т.Г. Пшенкина, фразеология языка отражает и фиксирует формирование культурных стереотипов, так как в языке закрепля-

ются и фразеологизируются именно те единицы, которые связаны с национально-культурными эталонами, стереотипами, мифологемами и, таким образом, несут на себе отпечаток менталитета нации [Пшенкина, 1998, с. 66].

Как лексикон языка, так и его фразеологический фонд являются своего рода «картой», на которой находят свое отражение особенности географического положения и ландшафта, климата и основного рода занятий людей, относящихся к той или иной нации, что находит свое отражение в тех образах сознания, которые формируют когнитивную базу и лежат в основе фразеологических единиц. Нагляднее всего это проявляется в конвенциональных эталонных сравнениях, в которых за основу наиболее яркого проявления качества принимается эталон, существующий в культуре той или иной лингвокультурной общности. Именно эталоны формируют в сознании ту базу, на основе которой «образно измеряется мир» [Маслова, 2010, с. 44]. Сопоставление конвенциональных сравнений в различных языках позволяет увидеть как общность, так и существенные различия в выборе реалий, служащих эталоном того или иного качества в разных лингвокультурных сообществах. Так, эталоном синевы во многих культурах выступает небо или море, эталоном белизны – молоко или снег. Однако в лингвокультурных сообществах, где снег является редкостью, эталоном белизны может служить хлопок (например, в узбекском языке). Приведем еще примеры. Так, особенности английского климата находят свое отражение в частотности использования образа дождя и смежных с ним образов в фразеологии языка: Ср. ср. русское «*Нет худа без добра*» и английское «*Ever cloud has a silver lining*»; русское «*Бедя никогда не приходит одна*» и английское «*It never rains but pours*»; русское «*Будь, что будет*» и английское «*Rain or shine*». Примечательно, что в русской пословице «*Будь, что будет*» находит свое отражение специфика мировосприятия русских, вера в неизбежность судьбы, случая. Русские откладывают сбережения на «*черный день*», а англичане – на «*дождливый*» (*for a rainy day*). Метафора дождя нашла свое косвенное отражение (в результате принципа метафорической аттракции, в соответствии с которым центральный образ метафоры втягивает в свою сферу другие, ассоциативно связанные с ним образы) и в таком лингвистическом термине, как «*umbrella term*» (*зонтиковый термин*). И в русском, и в английском языках преодоление трудностей в жизни, сопротивление обстоятельствам ассоциируется с преодолением водной стихии, но тот факт, что в русском сознании водное пространство ассоциируется прежде всего с рекой, а в английском – с морем, находит свое отражение в варьировании исходного образа: в

русском языке – *плыть против течения (реки)*, в английском – *to swim against the tide* (дословно: *против морского прилива*).

При этом следует учитывать тот факт, что фразеологический фонд языка является своего рода хранилищем, в котором отражается не столько современное состояние культуры и содержание определенных концептов, стоящих за фразеологизмом, сколько их содержание в ту историческую эпоху, в контексте которой появился тот или иной фразеологизм. В этой связи фразеологизмы могут и должны служить тем фактологическим материалом, по которому можно изучать эволюцию тех или иных концептов как в рамках одной культуры, так и «поверх границ культур». Так, например, известная русская пословица «*Курица – не птица, баба – не человек*» отражает положение женщины лишь в определенной исторической эпоху, но далеко не ее положение в современном российском обществе.

Лексикон языка, напротив, фиксирует не только прошлое, но и настоящее языка и культуры, моментально откликаясь на необходимость именовать новые реалии или давать вторичные наименования старым. Именно возникновением новых реалий обязаны своим появлением многочисленные неологизмы, ежедневно пополняющие язык. Так, в 50-е прошлого века в английском языке появилось слово *teenagers* для именования подростков - акселератов как новой культурной и социальной реальности, которое было быстро заимствовано во многие языки. Во второй половине XX века в английском языке появилась лексема *dinks* (*double-income-no-kids*) для номинации супружеских пар, в которых оба супруга работают и не могут пожертвовать семейным доходом ради детей. В начале XXI века появилась новая большая социальная группа общества – взрослые люди, которые стремятся быть частью молодежной культуры и иметь такие хобби, как компьютерные игры, чтение комиксов и просмотр мультфильмов, то есть более свойственные детям, чем взрослым, что привело к появлению термина *kidult* для обозначения данного лингвокультурного типажа (более подробно об этом лингвокультурном типе см.: [Евтушенко, Прохорова, 2013]). Помимо создания новых слов, язык может использовать и уже имеющиеся резервы для обозначения новых концептов. Поскольку концепт – это, прежде всего, достояние индивида, он первоначально появляется в сознании отдельной личности, а затем, получив поддержку лингвокультурного сообщества, может стать коллективным достоянием. Проиллюстрируем сказанное на примере. В популярном романе Джеффа Дайера, современного британского писателя-экзистенциалиста, герой, мужчина в том возрасте, когда незаметно подкрадывается старость, журналист по профессии, перед

поездкой на биеннале в Венецию, решил покрасить волосы. Сидя в парикмахерской и наблюдая за собой в зеркале, он «целиком поглощен последствиями превращения в *мужчину-который-красит-волосы* [Дайер, 2010, с. 24]. Авторское написание данного словосочетания через дефис, а также курсив, используемый автором, позволяют предположить, что в сознании автора формируется данный концепт как представление о человеке, который стремится бороться с одним из симптомов старения, «не самым, возможно, худшим, но уж точно, самым заметным» [Дайер, 2010, с. 25]. Читателю таким образом предлагается одно из имен лингвокультурного типажа, которое также имеет все шансы закрепиться в лингвокультурном сообществе для именованной данной социальной группы людей и для которого автор использует уже имеющиеся ресурсы языка, образуя сложное слово, построенное на основе свободного словосочетания.

Значимость того или иного концепта и стоящей за ним реалии той или иной культуры обуславливают его «лексическую проработанность», то есть наличие множества его именованных в языке. И вряд ли данный факт можно рассматривать как «надуманную лексическую экстравагантность» («*the alleged lexical extravagance*»), как это квалифицирует, например, Дж. Пуллэм (G. Pullam), полемизируя с Б. Уорфом (цит. по: [Pinker, 1994, p. 64]). Мы разделяем точку зрения А. Вежицкой, которая неоднократно отмечала тот факт, что, если концепт обладает большой значимостью в определенной культуре, язык буквально «осаждают его лексически», предлагая множество имен данного концепта [Wierzbicka, 1988; Wierzbicka, 1992]. Именно этот факт объясняет межъязыковую количественную асимметрию, то есть разное количество имен для репрезентации близких концептов. Так, например, концепт ДОЖДЬ находит свою репрезентацию в двух существительных в русском языке: *дождь* и *ливень*, а в английском – в четырех: *rain, shower, drizzle, down-pour*: концепт ВЫБОР представлен в русском языке одной лексемой, а в английском – тремя: *choice, option, alternative*. И, напротив, если концепт и стоящая за ним реалья не играют значительной роли в культуре этноса, они не находят подробного картирования в языке. В качестве примера, подтверждающего данный тезис, лингвисты приводят тот факт, что в языке племени *tasadau*, живущем в полной изоляции от остального мира на одном из островов Филиппинского архипелага, отсутствуют слова со значением «*враг*», «*война*», «*ненавидеть*». Подобное отсутствие объясняется тем фактом, что члены этого племени, как свидетельствуют наблюдения, научились жить в полной гармонии не только с природой, но и с самими собой, а потому данные концепты, не являясь для них ак-

туальными, не получили именованья в их языке [Норманн, 1996, с. 58–59].

Специфика культуры имеет различные формы своей манифестации в лексиконе языка. Во-первых, она находит отражение в именовании предметов и явлений, характерных только для определенного этноса и не имеющих аналогов в других культурах, что приводит к существованию так называемых слов-реалий типа русского «*самовар*», итальянского «*пицца*», польского «*бигус*» и т.п. Подобные реалии служат своеобразными материальными знаками культуры наряду с историческими достопримечательностями, памятниками и т.п. Слова-реалии обычно не переводятся, а заимствуются в другие языки, иногда вместе с самими реалиями, и их усвоение в таком случае не вызывает каких-либо трудностей. К этой же группе можно отнести слова, именующие реалии внутреннего мира, то есть ключевые культурные концепты. Подобные единицы получили название ключевых слов культуры [Wierzbicka, 1997]. Традиционно к ключевым словам русской культуры исследователи относят такие единицы, как «*судьба*», «*душа*», «*авось*»; специфику немецкого менталитета точнее всего отражает слово «*Ordnung*»; британской культуры – «*fair play*», «*fact*», «*evidence*», «*reasonable*», «*bias*», «*impartial*», «*commitment*», «*compromise*», «*opportunity*», «*efficiency*», «*presumably*», «*alleged*», «*exactly*», «*precisely*», «*really*» [Wierzbicka, 2006, p. 10–17], американской – «*challenge*», «*privacy*», «*community*», «*competitive*», «*goal-oriented*», «*achiever*». О значимости концепта PRIVACY для западной культуры говорит сегодня реакция западного мира на факт прослушивания телефонных разговоров американскими спецслужбами. Примечательно, что людей западного общества возмущает при этом сам факт прослушивания как вторжение в их личную жизнь, в отличие от России, где, по крайней мере, представителей старшего поколения, помнящего 1937 год, ужасает не столько вторжение в их личную жизнь, сколько возможные последствия прослушивания их разговоров.

Говоря о частотности вышеперечисленных слов в английском языке, Анна Вежбицка отмечает, что, хотя они употребляются носителями языка почти автоматически, в них содержится огромное число исторических сведений (*a wealth of history*), связанных с культурным наследием Британской нации [Wierzbicka, 2006, p. 10–11].

Во-вторых, слова, именующие одни и те же концепты, могут отличаться по своему семантическому содержанию и объему, что, в свою очередь, свидетельствует о различиях в содержании и объеме концептов, именуемых данными словами. В качестве примера можно привести слова «*счастье*» и «*happiness*» и стоящие за ними концепты в русской и

американской культуре. Как показывают специальные исследования, данный лингвокультурный концепт имеет сложную структуру и включает целый ряд компонентов, проецируемых в семантику слов – имен концепта и их производных [Воркачев, 2004]. Как показывает анализ словарей, лексема «счастье» включает такие компоненты, как 1) «участь, доля, судьба», 2) «успех, удача», 3) «душевное состояние» (производное от 1 и 2). В семантике производного прилагательного «счастливей» содержатся значения всех трех семантических компонентов имени «счастье»: счастливый – это тот, у кого благополучно складывается судьба, кому сопутствует удача и тот, кто испытывает счастье. Как показывают наблюдения над употреблением данной лексемы, в русском языке наиболее частотным является ее употребление в значении «душевное состояние», причем его причиной часто является не столько удовлетворение материальных, сколько духовных и эмоциональных потребностей (Как говорит М. Задорнов, «наши простые мужики умеют быть счастливыми на рыбалке»).

В английском языке прилагательное «*happy*» содержит семантический компонент «*satisfied*» – довольный, удовлетворенный чем-то (Ср: *Are happy about my answer?* – стандартная фраза, которую можно услышать в американской университетской аудитории). Причины подобных семантических различий следует искать в области культурных ценностей, в том представлении о счастье, которое исторически сформировалось в данных лингвокультурных сообществах.

Большой интерес в этом плане представляет английская лексема *commitment*, именуемая очень сложный концепт, имеющий долгую и сложную эволюционную историю. Как показывают специальные исследования, первоначальным значением данной лексемы в начале XVII века было «арест, заключение под стражу», то есть ограничение свободы. Затем, на основе метонимического расширения исходного значения появилось значение «обещание, обязательство, долг». При этом исходное значение не исчезло полностью, а нашло свое отражение в специфике семантики данного слова: в семантической структуре значения данной лексемы присутствует сема «ограничение свободы действий», связанное с выполнением обязательства или долга. Таким образом, этимологический анализ данной лексемы и специфика ее семантики позволяет установить тесную взаимосвязь двух концептов: COMMITMENT и FREEDOM (более подробно см.: [Шалыгина 2013]. Таким образом, английская лексема *commitment* отличается большим семантическим объемом, чем ее русский эквивалент, в котором не находит отражения компонент «ограничение свободы действий». Данные семантические расхождения в

значениях лексем отражают различия на концептуальном уровне: соответствующий концепт британской культуры включает компонент «ограничение свободы».

Подобные различия можно проследить между такими лексическими единицами, как «друг» и «friend», «свобода» и «freedom», «совесть» и «conscience», «mind» и «ум» и т.п. Как считает Е.Г. Беляевская, различия в семантическом объеме подобных лексем обусловлены различиями, выявляемыми в их концептуальной внутренней форме, под которой она понимает «схематизированное представление, которое структурирует признаки обозначаемого, выделяя наиболее важные вершинные признаки на фоне других, менее важных для обозначения признаков» [Беляевская, 2007, с. 48]. Именно в концептуальной внутренней форме содержится культурно-специфичная информация, которая и обуславливает различия в семантике подобных лексем в разных языках.

Различия в семантическом объеме подобных слов, манифестирующие различия в объеме и содержании называемых ими концептов, зачастую ведут к трудностям в выборе наиболее точного иноязычного эквивалента. Нередко естественные билингвы, интуитивно ощущая различия в семантическом объеме подобных слов, предпочитают перейти на родной язык, поскольку слово второго языка неточно передает смысл концепта, сформированного в рамках родной культуры и именуемого словом родного языка. Приведем пример подобного употребления: *My table was from my family and was of a very fragrant red wood, not what you call rosewood, but **hong mu**, which is so fine that there's no English word for it (Amy Tan).*

Третий способ кодирования культурной информации в семантике лексических единиц заключается в наличии в лексическом значении так называемой «культурной коннотации», под которой понимается «интерпретация денотативного или образно-мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры» [Телия, 1996, с. 214]. Подчеркивая опасность незнания культурных коннотаций в межкультурной коммуникации, незнания, которое может привести к непониманию и даже конфликту, С.Г. Тер-Минасова прибегает к метафоре оружия и говорит о том, что культурные коннотации представляют собой изысканный вид оружия (из выступления на конференции в Томском государственном университете в 2006 году). Многочисленные примеры социокультурных коннотаций, содержащихся в зоонимах и цветообозначениях, анализируются в книге С.Г. Тер-Минасовой «Война и мир языков и культур» [Тер-Минасова, 2007, с. 148–163].

Ярким примером различий в культурной коннотации может служить английское прилагательное «*ambitious*» и его русский эквивалент «*амбициозный*». Английское прилагательное имеет положительные коннотации, а его русский эквивалент до недавнего времени имел отрицательные коннотации. Причины подобных различий кроются в особенностях культуры и культурных ценностей. В деятельностном и маскулинном типе культуры, к которому относятся американская и британская культуры, поощряется соревновательность, стремление к успеху, что и обуславливает наличие положительных коннотаций в прилагательном «*ambitious*». Русская культура традиционно относится к культурам бытия, в основе которых лежит желание не столько изменить мир, сколько осознать свое место в нем, а также феминным культурам, которым свойственна низкая степень соревновательности и стремления к личному успеху и благополучию, что и объясняет наличие отрицательных коннотаций в прилагательном «*амбициозный*». Вместе с тем следует признать, что изменения в социальном строе и менталитете людей, произошедшие в последние десятилетия, привели к изменению культурных коннотаций в данном прилагательном. Большинство представителей молодого поколения россиян относят амбициозность, стремление к успеху, соревновательность к положительным качествам личности, а потому производное прилагательное «*амбициозный*» в речи представителей этого поколения не имеет отрицательных коннотаций.

Культурный опыт человека, запас его знаний и эмоциональных переживаний, зачастую связанный с произведениями искусства, способствует формированию так называемой эмоциональной ауры слова (термин Д.С. Лихачева [Лихачев, 1997]), точнее, эмоционально-ассоциативной ауры, то есть того комплекса эмоций и ассоциаций, связанных со стоящим за словом концептом, которые хранятся в сознании/памяти индивидуума и актуализируются при встрече со словом, именующим концепт.

Эмоционально-ассоциативная аура слова представляет собой особый вид культурных коннотаций, существенно отличающихся от коннотаций, рассмотренных выше. Мы усматриваем это различие в том, что коннотации относятся к сфере языковой семантики, а потому могут фиксироваться словарями. Эмоционально-ассоциативная аура – это тот комплекс эмоций и ассоциаций, который индуцируется словом в сознании, но он относится не к самому значению слова, а к стоящему за словом концепту, сформированному на основе индивидуального опыта, в условиях определенной культуры, а потому и не находит отражения в словарных дефинициях или сопровождающих дефиниции словарных пометах. Эмоционально-ассоциативная аура слова представляет собой образ

сознания и связанные с ним эмоции и ассоциации, восходящие к личному чувственному опыту и связанным с ним переживаниям. Вот как это описывает Е. Хоффман, ретроспективно переосмысливая собственный опыт освоения другого языка и другой культуры: *«The words I learn now don't stand for things in the same unquestioned way they did in my native tongue. 'River' in Polish was a vital sound, energized with the essence of riverhood, of my rivers, of my being immersed in rivers. 'River' in English is cold – a word without an aura. It has no accumulated associations for me, and it does not give off the radiating haze of connotation. It does not evoke»* (E. Hoffman).

Особая роль в создании такой ауры принадлежит мастерам искусства и литературы, то есть «высокой культуре». Так, например, слова и сочетания типа «*мимолетное виденье*», «*береза*», «*рябина*» или «*калина красная*» не имеют коннотаций, отраженных в словарях, но они обладают мощной эмоционально-ассоциативной аурой в русскоязычной культуре, поскольку они связаны с именами и произведениями А. Пушкина, С. Есенина, М. Цветаевой и В. Шукшина. В данном случае можно скорее говорить о феномене прецедентности, который участвует в формировании эмоционально-ассоциативной ауры слов и образует особого рода культурные коннотации (более подробно об эмоционально-ассоциативной ауре слова см.: [Козлова, 2007]).

Таким образом, сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что особенности культуры и менталитета нации могут находить различные способы своей манифестации в лексиконе языка, и выявление культурно-специфической составляющей семантики слова имеет как общетеоретическое, так и прикладное значение.

Литература

- Беляевская Е.Г. Культурологическая информация в семантике языковых единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4.
- Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.
- Евтушенко Е.В., Прохорова Л.П. Ценностная составляющая лингвокультурного типажа kidult (на материале опроса респондентов) // Вестник Кемеровского государственного университета). 2013. № 2 (54) Т. 2.
- Карасик В.И. Биосоциальная сущность языка в лингвокультурологическом аспекте // Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования. Кемерово, 2012. Вып. 17.
- Козлова Л.А. Эмоционально-ассоциативная аура слова и ее учет при переводе // Филология и человек. 2007. № 3.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М., 1997.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2010.
- Норман Б.Ю. Основы языкознания. Минск, 1996.

Пшенкина Т.Г. Национально-культурная специфика фразеологических единиц // Формирование социолингвистической компетенции: проблемы и перспективы. Барнаул. 1998. Ч. 2.

Телия В.Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и культурологический аспекты. М., 1996.

Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М., 2007.

Шальгина А.А. Этимология базовой лексики – репрезентанта концепта COMMITMENT // Проблемы языка и культуры: поликультурализм и мультилингвальность. Кемерово, 2013.

Pinker S. The Language Instinct. N.Y., 1995.

Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. N.Y., 1988.

Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition. N.Y., 1992.

Wierzbicka A. Understanding Cultures through their Key Words : English, Russian, Polish, German, and Japanese. N.Y., 1997.

Wierzbicka A. English. Meaning and Culture. N.Y., 2006.

Список источников цитируемых примеров

Дайер Д. Влюбиться в Венеции, умереть в Варанаси. М., 2010.

Hoffman E. Lost in Translation. A Life in a New Language. N.Y., 1989.

Tan Amy. The Joy Luck Club. N.Y., 1989.

ДАННЫЕ ДИАЛЕКТОВ И ИСТОРИЯ РУССКОГО СЛОВА (СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Л.И. Шеленова

Ключевые слова: диалекты, русское слово, история, словообразование, семантика.

Keywords: dialects, Russian word, history, derivation, semantics.

В литературе неоднократно указывалось на невозможность восстановить историю («биографию») слов, опираясь лишь на свидетельства памятников письменности. Причина тому – «довольно узкий спектр жанров письменной речи, обусловленный заметной тематической и функциональной ограниченностью памятников, особенно относящихся к древним эпохам, неполнота и случайность многих словесных фиксаций» [Бабаева, Журавлев, Макеева, 1997, с. 35]. Воссоздание «биографии» слова (с реконструкцией его древнейших формы и семантики, восстановлением промежуточных звеньев в фонетическом, сло-

вообразовательном и семантическом развитии) возможно только с учетом показаний различных источников, среди которых немаловажное значение имеют данные живой народной речи (диалектов). Статья посвящена выявлению значимости языковых фактов, зафиксированных в диалектных источниках (главным образом, в сводном «Словаре русских народных говоров» и его картотеке, хранящейся в Словарном секторе Института лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге), для построения словообразовательной и семантической истории слов современного русского литературного языка.

Данные диалектов и словообразовательная история русского слова

Целью словообразовательного анализа при исследовании истории слов является установление их исходной словообразовательной структуры. Под исходной словообразовательной структурой в данном случае понимается деривационная история слова, совокупность всех тактов его порождения [Тихонов, 1971, с. 21]. Как показал анализ, значимость языковых фактов, содержащихся в диалектных источниках, для историко-словообразовательных реконструкций (исследования деривационной истории слов) заключается в следующем.

1. С помощью диалектных лексических единиц, сохранивших, в отличие от своих литературных параллелей, первообразную (безаффиксную) форму, можно восстановить непосредственно производящие для слов, переживших в литературном языке опрощение и дегтимологизацию, и тем самым выявить поверхностную словообразовательную структуру литературных лексем, созданных в русском языке на первой ступени словообразования и утративших в ходе исторического развития связь с «базовыми основами». Здесь учитывается такая специфическая черта диалектного словообразования, как архаизация словообразовательной структуры некоторых диалектных лексем (осознание их производности в связи с сохранением в говорах в употреблении корневых слов). Среди лексем, исходную словообразовательную структуру которых могут прояснить лексические данные говоров, выделяются разного рода образования: деминутивные (*будка* – диал. *буда* «будка»); *галька* – диал. *галя* «галька», «галька более крупных размеров»; *улица* – диал. *уля* «улица», *мешок* – диал. *мех* «мешок»); префиксальные (*нелепый* – диал. *лепый* «красивый»; *изнурить* – диал. *нурить* «понукасть; изнурять»; *исказить* – диал. *казить* «портить»); суффиксальные (*бледный* – диал. *бледый* «бледный»; *поздний* – диал. *поздый* «поздний»;

¹ Диалектный материал здесь и далее извлечен, как указывалось выше, из «Словаря русских народных говоров» [Словарь русских народных говоров, 1965–2011] и его картотеки. Локальные пометы в целях экономии места не приводятся.

прыщ – диал. *прыскать* «прыгать»); суффиксально-префиксальные (*запястье* – диал. *пясть* «кисть руки»; *ожерелье* – диал. *жерело* «отверстие; горло, пасть»); композиты (*туняедец* – диал. *туне, тунно* «даром, бесплатно»; *долговязый* – диал. *вяза* «шейные позвонки; шея»; *водоем* – диал. *ем* «большой запас чего-либо»).

2. Привлечение лексического материала говоров способствует реконструкции «глубинной» словообразовательной структуры (собственно деривационной истории) слов, являющихся результатом словопроизводства на 2-й, 3-й, 4-й ступенях. Основным методом историко-словообразовательного анализа лексем, к которым от исходных слов ведут многоступенчатые связи, является метод построения словообразовательных цепей, образуемых генетически родственными словами, последовательно связанными друг с другом отношениями производности [Тихонов, 1971, с. 196]. Особенности построения словообразовательных цепей связаны с важнейшей закономерностью русского словопроизводства – его ступенчатым характером, проявляющимся в том, что «в процессе словопорождения словообразующие аффиксы присоединяются к непроемной форме – корню в строгой последовательности по законам нанизывания их на корень слова» [Тихонов, 1971, с. 276]. Обращение к лексическому материалу говоров позволяет в данном случае выполнить одно из важнейших требований, предъявляемых к анализу словообразовательной структуры слова – учесть последовательность словообразовательных процессов.

Так, ход словообразовательного развития прилагательного *назойливый*, реконструируемый на диалектном материале, представляется следующим образом.

Полагаем, что в основе анализируемого прилагательного лежит глагол *зеть*, отмеченный в костромских говорах в значении «петь». Более же древнее значение данного глагола, видимо, – «раскрывать рот, зевать». В подтверждение этого можно привести зафиксированные И.И. Срезневским древние формы: *зѣти, зѣяти, зѣяти* «раскрывать рот, зевать» [Срезневский, 1989, I, ч. 2, с. 980, 1014]. На этимологическую связь прилагательного *назойливый* с глаголом *зять* указал еще А.Г. Преображенский, предположив здесь индоевропейский корень (этимон) **ghei* «зять, быть пустым» [Преображенский, 1959, I, с. 252].

От глагола *зеть* (<*зѣти*) образовалось существительное *зой*, которое, судя по данным исторических словарей русского языка, не попало на страницы памятников письменности XI – XVII вв., но фиксируется, начиная с середины XIX в., в русских диалектах с разнообразными взаимосвязанными значениями: «крик, шум», «спор, ссора, драка»,

«громкий собачий лай», «отголосок, эхо», «о маленьком, веселом ребенке», «о том, кто вечно хлопочет, досаждаёт другим своими хлопотами». *Зѣти* > *зой* подобно тому, как **zлѣti* > *зной* [Этимологический словарь русского языка, 1975, с. 103] и, возможно, **rѣti* > *рой*.

Существительное *зой* явилось производящим для глагола *зоить*, записанного в севернорусских говорах в значениях: «громко говорить, кричать, ругаться», «громко стонать, охать». *Зой*, кроме *зоить*, дало еще такие диалектные производные, как *зойный* «шумный, крикливый», «беспокойный, суетливый, хлопотливый» и *зойливый* «назойливый».

Следующим этапом в словообразовательном развитии прилагательного *назойливый* явился глагол *назоить*, произведенный от *зоить* способом префиксации (префикс *на-*) и записанный в ярославских говорах в конце XIX в. со значением (предположительно) «норовить». Дериват *зоиться* (также образованный от глагола *зоить*) в говорах зафиксирован в значениях: «жить не в ладу, задира́ться, ссориться», «шалить, резвиться», «хлопотать».

От глагола *назоить* произведено диалектное существительное *назой* «неотступность, настойчивость; наглая требовательность», от которого, в свою очередь, были образованы прилагательные: *назойливый* (известное сейчас в литературном языке) и *назойный*, *назоистый* «назойливый», записанные в русских говорах.

Таким образом, реконструируется (моделируется) словообразовательная цепь, звеньями которой по преимуществу являются диалектные слова: *зѣти* (*зеть*) > *зой* > *зоить* > *назоить* > *назой* > *назойливый*.

Существенно отметить, что с помощью лексического материала говоров можно подтвердить и предполагаемое семантическое развитие анализируемого прилагательного (методом семантических параллелей). Так, к развитию значения «раскрывать рот, зевать» > «крик, шум» (*зеть* > *зой* > *зоить*) ср. в говорах: *жерело* «открытый рот, пасть» и «крикливый, обычно глупый человек»; *жерелить* «кричать, браниться»; *жерелистый* «с большим, широким отверстием» и «обладающий крикливым, слишком сильным голосом», а также «склонный к ссоре, брани». К развитию значения «шуметь, кричать» > «быть назойливым» (*зоить* > *назоить* > *назой* > *назойливый*) ср. диал. *буторовый* «очень шумный» и «надоедливый, назойливый».

Подобным же образом восстанавливается исходная словообразовательная структура (деривационная история) и таких «многоступенча-

тых» слов литературного языка, как *ботва*, *былинка*, *выкрутасы*, *вычурный*, *лощина*, *лягушка*, *нерадивый*, *обаятельный*, *опрятный*, *повадка*, *привередливый*, *проворный*, *прогалина*, *ресница* и др. [Шелепова, 1994].

3. Достоверности и доказательности историко-словообразовательных реконструкций способствует не только учет данных диалектного словаря (словообразовательных архаизмов), о чем до сих пор шла речь, но и опора на особенности диалектной словообразовательной системы, которые были выявлены путем сопоставления и обобщения языковых фактов, извлеченных из различных диалектных источников. Выяснилось, что словообразование в говорах, совпадая в своей основе с системой словопроизводства литературного языка, имеет и свои отличительные особенности, которые охватывают все стороны деривационной системы.

Так, специфичной для говоров оказывается такая единица словообразовательной системы, как словообразовательное гнездо, то есть «упорядоченная отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня» [Тихонов, 1985, с. 36]. Диалектам свойственна широкая система словообразования в пределах однокоренных слов, нередко более многочисленных и разнообразных, чем в литературном языке. Помещение лексемы, известной в современном литературном языке с опрошенным морфемным составом, в диалектную словообразовательную «семью», существование которой в говорах объясняется сохранением лексических архаизмов, выпавших из системы литературного языка, возникновением инноваций, искони характеризующихся территориальной ограниченностью в употреблении [Сороколетов, 1966, с. 158], может способствовать выявлению ее исходной словообразовательной структуры. Тем более, что методикой словообразовательного анализа при определении словообразовательной структуры слова предусматривается «всесторонний анализ слов в широком лингвистическом контексте» [Шанский, 1968, с. 42]. Такой языковой контекст для каждого анализируемого слова в данном случае представляет словообразовательное гнездо, все члены которого являются структурно и семантически зависимыми друг от друга (в том числе и с исторической точки зрения). При помощи словообразовательных гнезд, «комплектующихся» на диалектном материале, может быть выявлена исходная словообразовательная структура слов: *былинка* (< *былина* < *быль*; ср. однокорневые образования в диалектах: *быль* «стебель травы, травинка», *былина* «название растения», *былец* «растение, трава», *былица* «название травы», *былка* «травинка, былинка», *быльник* «по-

лынь», *былье* «растение», «сорная прошлогодняя трава», *былочка* «стелек травы», *былинник* «сорная трава», *былочный* (лук) «лук с длинными стрелками, лук-порей», *былчистый* «представляющий собой длинный стебель, без ветвей и листьев (о травянистом растении)» и др.); *втулка* (< *втуло* < *втулить* < *тулить*; ср. диал. *втуло* «втулка», *втулить* «вложить внутрь, вставить в плоть, заткнуть», *втулиться* «спрятаться, укрыться, скрыться где-либо», *тулить* «крыть, укрывать», *тула* «скрытное, недоступное место для защиты или заточения», *затулить* «прикрыть, скрыть», «закрыть, затворить», *затула* «растягиваемая рыбаками на лодке заслона из рогожи для охранения от ветра», *затулка* «место, где можно спрятаться», «передник», «замок», «запор», *тульчивый* «робкий, застенчивый» и др.); *забота* (< *зобота* < *зобь*; ср. диал. *зобать* «клевать, жадно хватать клювом», «есть», «грызть (семячки)», «хлепать (жидкое)», «брать, хватать (что-либо мелкое, сыпучее)», «жадно и много пить (водки, вина); много курить», *зобь* «пища, еда», *зобаться* «есть, наедаться до отвала», «заботиться, беспокоиться, тревожиться», *зобачиться* «заботиться», *зобить* «есть», *зобиться* «заботиться, беспокоиться о ком-либо», *зобливый* «заботливый», *зоблить* «есть что-либо мелкое, сыпучее (ягоды, горох, крупу и т.п.)», беря их по одной или небольшими порциями», *зоблиться* «заботиться, беспокоиться», *зобля* «забота», *назобаться* «позаботиться», *назоблены* «добро, имущество, нажитое трудом, заботами», *незобливый* «беззаботный» и др.) и многих других.

Для словообразовательных систем говоров характерна и такая черта, как интенсивное словообразовательное варьирование. Значение данного диалектного явления для практики историко-словообразовательных исследований можно доказать на примере анализа словообразовательных вариантов, которые «появляются в связи с тенденцией говоров дать более развернутое морфологическое оформление уже имеющимся, но безаффиксным образованиям по аналогии с другими предметными образованиями, имеющими суффиксальное оформление» [Сахарный, 1964, с. 51]. Отмеченной тенденцией, действующей в современной словообразовательной системе говоров и характерной для ранних этапов развития языка, объясняются некоторые детали, особенности словообразовательной структуры объясняемых слов, а именно: повторение в слове одних и тех же по значению суффиксов, присоединение к производящей основе слова суффикса, не вносящего изменения в его семантику, а лишь в большей степени выражающего классификационный признак слова. Видимо, рассматриваемое явление отразилось в словообразовательной

истории таких слов, как *смородина* (диал. *сморода* – то же), *багульник* (диал. *багул* – то же), *папоротник* (диал. *папороть* – то же), *жилище* (диал. *жило* – то же), *прогалина* (диал. *прогала* – то же), *хижина* (диал. *хижа* – то же), *туловище* (диал. *тулово*, *туло* – то же) и многих других.

В говорах функционируют словообразовательные типы (модели), неизвестные литературному языку либо отличающиеся от соответствующих типов (моделей) литературного языка большей регулярностью и продуктивностью. Учет словообразовательных моделей, действующих преимущественно в системе диалекта, позволил уточнить или обосновать реконструкцию исходной словообразовательной структуры ряда лексем. Ограниченные рамки статьи позволяют привести анализ лишь одного из таких слов.

Относительно происхождения слова *знахарь* Н.М. Шанский пишет следующее: «Образовано с помощью суф. *-арь* от *знати* с интервокальным *-х-* (вместо *зна-арь*), ср. *жить* – диал. *жихарь* «житель», *баять* – диал. *бахарь* «болтун». Менее убедительна реконструкция словообразовательной цепочки *знать* > *знаха* > *знахарь*, так как помина *agentis* на *-арь* не образуются от слов, уже имеющих значение деятеля» [Этимологический словарь русского языка, 1975, с. 101–102]. Не отрицая возможности интервокального происхождения элемента *-х-* в слове *знахарь*, следует, однако, обратить внимание на то, что в диалектах словообразовательная цепочка *знать* > *знаха* > *знахарь* подтверждается рядом образований, созданных по той же словообразовательной модели: основа глагола + суф. *-ах-* со значением действующего лица + суф. *-арь* с аналогичным значением: *бать* «говорить» [Опыт областного великорусского словаря, 1852, с. 7], > *бах* «говорун, краснобай», «хвастун» и *баха* «человек, совершивший бесстыдные поступки, ведущий непристойные разговоры» > *бахарь* «говорун, краснобай», «человек, умеющий хорошо рассказывать сказки; сказочник», «знахарь»; *взять* > *взях* «взяточник, тот, кто берет что-либо от кого-либо» и *взяха* «взяточница» > *взяхарь* – то же, что *взях*; *дать* > *дах* «тот, кто дает или дарит что-либо» > *дахарь* – то же.

В литературном языке с суф. *-ах-*, как известно, образуются существительные общего рода, обозначающие лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом; тип ограничен образованиями от префиксальных глаголов на *-терять*, *-вирать*, *-бирать* и *-пивать* [Грамматика современного русского литературного языка, 1970, с. 58]. В системе диалекта данная словообразовательная модель обнаруживает большую регулярность. Кроме отмеченных выше *баха*,

взяха, знаха, здесь можно привести и такие лексемы: *валяха* «ленивый человек», «неопрятный человек, неряха, пьяница», *враха* «лгунья», «говорунья, болтунья»; *барандаха* «бестолковый, вздорный человек; болтун, пустомеля»; *беспоряха, теряха, замараха, забияха* и др. Причем по указанной модели в говорах образуются имена и мужского рода, неизвестные в литературном языке: ср. приведенные выше *бах, взях, дах*, а также *валях* «лентяй», «неопрятный человек», *грах* «прозвище шумливого крестьянина». Присоединение к некоторым именам со значением лица, образованным с помощью суф. *-ах-*, суф. *-арь* обусловлено стремлением подчеркнуть, выразить более ярко значение *nomina agentis*. Любопытно отметить, что некоторые говоры в этом «стремлении» пошли еще дальше: в петербургских говорах в начале XX века было записано слово *бахарун* «говорун, болтун, краснобай», образованное от *бахарь* с помощью продуктивного суффикса *-ун*, характерного для существительных со значением лица (ср. *бегун, прыгун, скакун, болтун, хвастун* и мн. др.)

Данные диалектов и семантическая история русского слова

Семантическая реконструкция предполагает выяснение древнего значения слова, которое дает возможность истолковать его внутреннюю форму, а также восстановление звеньев семантической эволюции (от «этимона» до современного лексического значения), если таковые имели место в «биографии» анализируемой лексемы. Ценность диалектных данных при исследовании семантической истории слов определяется следующими обстоятельствами.

1. Благодаря действующей в говорах (особенно периферийных областей) тенденции к сохранению внутренней формы, этимологической прозрачности слова, происходит архаизация смысловой структуры ряда диалектных лексем, что выражается в сохранении диалектными словами древних значений, унаследованных от древнерусской эпохи. Семантические архаизмы, выявляемые в диалектном словаре, способствуют реконструкции:

а) исходного значения, утраченных или затемненных смысловых связей и сближений объясняемых слов (ср. диал. *замечательный* «такой, который следует замечать, запоминать»; *воспитать* «кормить, питать», *нужный* «находящийся в нужде, бедности», *резкий* «способный порезать, *обыденный* «однодневный, сделанный в один день», *город* «огороженное место», *деревня* «пахотное поле, *дородный* «густой, урожайный», *жестокый* «жесткий», *изумиться* «сойти с ума, обезуметь» и многие другие);

б) последовательности смыслового развития объясняемых слов

– от «исходного» до «конечного» пунктов, с восстановлением промежуточных звеньев семантической эволюции. Вопрос о возможности и необходимости изучения развития семантики слова “в естественной последовательности, шаг за шагом” поставил Ш. Балли еще в 1909 году [Балли, 1961, с. 80]. Теоретическое обоснование роли лексических данных говоров в восстановлении последовательности семантических процессов, образцы использования диалектного материала в смысловых реконструкциях содержатся в работах В.Ф. Житникова, А.И. Корнева, Б.А. Ларина, И.А. Попова, Н.И. Толстого и др. Особенно активно вопросы методики исследования семантической истории слова (с учетом в том числе и диалектных лексем) обсуждаются в настоящее время в связи с подготовкой «Исторического словаря современного русского языка» [Бабаева, 1998]. Приведем анализ семантической эволюции слова *жеребий* (*жеребий*), которая, насколько нам известно, не была до сих пор предметом специального исследования.

Авторы этимологических словарей русского языка (Н.В. Горяев, А.Г. Преображенский, М. Фасмер, П.Я. Черных, Н.М. Шанский.) сходятся в том, что слово *жеребий* заимствовано из старославянского языка и является родственным др.-прусс. *gīrbīn* «число», ново-в.-н. *kerben* «делать зарубки, нарезать», англосакс. *ceorfan* «нарезать, резать», греч. *γρῶφω* «пишу» (старшее знач. – «рассекаю», «надрезываю»); приводятся исконные формы, сохранившиеся в диалектах (например, *жерёб*, *жерёбок* «кусочек свинца или чего-либо другого»; *жерёбей* «отрезанный кусок металла или чего-либо»), и делается вывод о первоначальном значении слова – «нечто отрезанное», «отрезок». И.-е корень **gerbh-*».

Развитие значения анализируемой лексемы подтверждают сравнением с сербохорв. *број* «число, жребий» от *брѣти* «резать, брить».

Более широкое привлечение диалектного лексического материала позволяет внести некоторые уточнения и дополнения к предложенной семантической реконструкции. В говорах русского языка фиксируются значения, которые группируются вокруг нескольких семантических центров, являющихся, как представляется, звеньями смысловой эволюции слова *жеребий* – древнерусского варианта праслав. **ħerb-*, сохранившегося, как отмечалось, в диалектах.

Ближайшей к этимологическому значению является группа значений, связанных с понятием «резать, рубить»: *жерёбы* «нарубленные кусочки свинца или другого металла, употребляющиеся вместо пуль или дроби»; *жерёбей*, *жерёбь* «крупная дробь из рубленого свинцового прута»; *жерёбейка* «узкие нарезанные полоски хлеба,

теста, бумаги и т.п.); *жереб* – деревянная палочка с количеством зарубок, соответствующих числу отданных в обработку кож».

Данное значение послужило базой для развития другой группы значений, объединенных признаком «часть чего-либо»: *жеребей* и *жеребий* «небольшой кусок, часть чего-либо» (*Искрошив хлеб на жеребья, подсушить*); «осколок, черепок от чего-либо бьющегося»; *жеребьек* «кусок, осколок чего-либо» (*Дай мне жеребьек селедочки*); *жеребок* «обломок прута от веника».

Такие «жеребья» (кусочки бумаги, дерева и т.п.), видимо, стали использоваться в качестве условных значков, предметов, вынимаемых из числа одинаковых значков, предметов для разрешения спора, установления права на что-нибудь и т.п. (ср. в литературном языке: *тянуть, вынуть, бросать жребий, достаться по жребью*; в говорах: *жеребье* «жребий»; *жереб* – то же; *жеребей* и *жеребий* «номер при наборе рекрутов»), в том числе при распределении земельных и сенокосных участков (ср. *жеребовка* «в дореволюционное время дележ посредством жеребья сенокосных участков между казаками»). Отсюда и сам участок земли, сенокоса, пай, доставшийся по жребью, стал называться жеребьем: *Беда, не поспела свой жеребий до дождя выкопать*. Очевидно, по наименованию земельного участка и группы домохозяев деревни, получающие вместе земельные наделы, стали называться *жеребья*.

От значения «доля, пай, часть», доставшиеся по жребью (жеребью), по «велению судьбы», осуществился переход к значению «участь, судьба»: *От жеребья не уйдешь*. Подобное развитие значений наблюдается в словах *доля* и *счастье*. В словаре В.И. Даля *часть* «участь, доля, жребий, удел, счастье»: *Час придет и часть принесет* [Даль, IV, с. 583].

Итак, развитие значения анализируемого слова (*жеребий, жеребий*), реконструируемое с помощью лексических данных говоров, представляется следующим образом: «отрезанный, отрубленный кусок от чего-либо» > «часть чего-либо» > «условный значок, предмет, вынимаемый из числа одинаковых значков, предметов для разрешения спора, установления права на что-нибудь, порядка чего-нибудь и т.п.» > «нечто (часть, доля), доставшееся по жребью (например, земля)» > «участь, судьба».

Благодаря учету семантических особенностей диалектных слов восстанавливаются прежние смысловые связи чаще всего у лексем исконного происхождения. В ряде случаев лексические данные говоров (семантические архаизмы) способствуют убедительности семан-

тических реконструкций при объяснении заимствованной лексики, так как говоры, с их способностью удерживать архаические явления, сохраняют и те первоначальные значения, в которых слова заимствовались в древнюю эпоху (семантические архаизмы такого рода свойственны чаще всего тем говорам, которые непосредственно соприкасаются с языком-источником). Ср.: *ватага* (др.-тюрк. *otaγ* «палатка, шатер, семья»), в диалектах – «рыбачья избушка», «семья; большая семья; взрослые члены семьи»; *кавардак* (киргиз. *куурдак* «мелко искрошенная и зажаренная в прокипяченном масле баранина»), в диалектах – «жаркое из мелко нарезанной печени и сердца барана»; *магазин* (араб. *mahzan* «склад товаров»), в диалектах – «амбар для хранения общественных запасов зерна»; *товар* (уйг. *tavar* «имущество, скот»), в диалектах – «крупный рогатый скот» и т.д.

2. При реконструкции первоначального значения объясняемых слов важную роль играют и параллельные анализируемым образованиям дериваты, обнаруживаемые в диалектах, которые сохраняют более непосредственную связь с корнем, чем соответствующие слова литературного языка. Ср.: *авоська*, простор. «сетчатая сумка для продуктов» и *авоська*, диал. «кто делает все на авось»; *манишка*, литер. «нагрудник, преимущественно из белой ткани, пришитый или пристегнутый к мужской сорочке» и *манишка*, диал. «махалка, которую лоцман маячит, машет, манит, указывая с судна завозне, где бросать якорь», «чучело птицы для приманки уток, тетеревов»; *малина*, литер. «название ягоды» (по одной из версий, в основу названия был положен признак плода ягоды, состоящего из малых частей) и *малина*, диал. «малость», «малорослый мужчина или малорослая женщина», *малинка*, диал. «маленький катышек из пресного теста, протертый сквозь решето» и др.

3. В смысловой структуре диалектных слов развиваются (в результате разного рода метафорических и метонимических переносов) новые значения, несвойственные соответствующим словам древнерусского и современного русского литературного языка, что объясняется особенностями функционирования говоров: их устной формой бытования, обуславливающей меньшую скованность и большую активность и последовательность в развитии семантических процессов; относительной самостоятельностью и обособленностью говоров. Наблюдения над новыми тенденциями в развитии семантики диалектных слов оказываются очень существенными при семантических реконструкциях, так как позволяют с большей объективностью определять направление смысловой эволюции лексем, что можно показать

на примере анализа достаточно большого количества слов. Так, при установлении происхождения слова *веко* А.Г. Преображенский [Преображенский, 1959] и М. Фасмер [Фасмер, 1964], приведя параллели из других славянских языков, ограничиваются указанием на родство слова *веко* с лит. *vokas* «веко», *voka* «крышка», лтш. *vōks* «крышка», на что обратил внимание еще И.И. Срезневский [Срезневский, 1989]. Н.М. Шанский [Этимологический словарь русского языка, 1968], исходя из значения «покрышка», сохранившегося у слова *веко* в ряде славянских языков, в том числе в русских говорах, возводит его к глаголу с основой *ve-/vo-*, значение которой очевидно, - «покрывать». Данные говоров русского языка заслуживают в этом случае пристального внимания своей способностью развивать для некоторых слов (здесь слова *веко*) сложную систему переносных значений (по смежности функциональной и пространственной).

Наиболее близким к этимологическому значению «покрывать» является, как и указывали этимологи, значение «покрышка», известное не только в других языках, но и в говорах русского языка: *века* «крышка от хлебницы», «крышка на кадку»; *веко* «крышка от лукошка, плетеной корзинки, короба» («*Веко-то оторвалось, дак платком пришлошь завязать*»); «лубковая крышка на квашне или кадке»; «крышка, но не всякая, а от деревянной посуды», «холщовые покрывало на квашне». Таким образом, если первоначально *веко* – покрышка от корзины, то впоследствии, очевидно, от любой посуды (преимущественно, деревянной). И если в древности *веко*, вероятно, изготовлялось из луба, то затем *веко* – «любая покрышка, в том числе из холста».

«По смежности функций, выполняемых глазными веками и любой покрышкой, слово *веко* приобрело значение “глазное веко” [Этимологический словарь русского языка, 1968], закрепившееся в литературном языке, и значение “ресница”, известное в говорах: *веки* “ресницы”, *веко* “ресница”». По смежности (уже пространственной) у слова *веко* развилось значение «глаз, взгляд, зрение», отмеченное в «Материалах...» И.И. Срезневского [Срезневский, 1989].

На основе пространственной смежности словом *веко* стали называть не только покрышку от корзинки, но и самое корзинку, предназначенную для разных целей: *веко* «лукошко (для хранения хлеба и т.п.)»; «лукошко, корзинка с крышкой для ягод, грибов и т.п.»; «круглая лубковая коробка»; «корзина для торговли мелким товаром вразнос». При чем сначала, вероятно, веком называли корзинку с крышкой, затем – любую корзину, не обязательно с крышкой.

В некоторых говорах название *веко* перешло с корзины для торговли мелким товаром вразнос на ящик для товаров, продаваемых вразнос, для выставки мелких товаров на прилавке и далее - вообще на место, где продают мелочные товары. С этим связано рождение фразеологизма *сидеть на веках*, то есть торговать мелочными товарами на лотке, в лукошке и т.п., и производного *векошник* «торговец мелочными товарами на веке (столике, лотке)».

В ряде говоров словом *веко* называется любое вместилище («деревянный футляр, в котором находятся жернова на мельнице»; «чашка, в которой валяют хлеб перед выпечкой»), а также полка над лавками вокруг избы, на которую, очевидно, ставилась посуда (веко) [Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая, Вып. 2, с. 46–47].

4. Объективации семантических реконструкций способствует и обращение к основным единицам системности лексики - лексико-семантической группе диалекта и типам смысловых структур многозначных диалектных слов. Как выяснилось, в говорах некоторые конкретные проявления типовых отношений между лексико-семантическими вариантами слов отличаются большей регулярностью, чем в литературном языке, либо вообще несвойственны литературной форме национального языка. Например, перенос «название съедобного растения», «наименование супа из него» проявляет по говорам некоторую регулярность, ср.: *пучка* «трава» и «щи»; *бот* «ботва молодой свеклы, картофеля, тыквы» и «щи из ботвы свеклы или свежих овощей»; *ботва* «холодный суп из свеклы с огурцами и луком; свекольник»; *ботвинник* «стебли и листья свеклы и других овощей» и «окрошка, холодный борщ»; *морква* «морковь» и «суп из баранины, приправленный морковью». Представленный лексический материал способствует достоверности предполагаемого направления в семантической эволюции литературного существительного *борщ* – от первоначального значения «растение со съедобной зеленью» [Меркулова, 1967, с. 61-62].

Среди диалектных имен существительных с характеризующе-оценочным значением лица выделяется многочисленная группа семантических дериватов от названий плохой, ветхой или неуклюжей одежды: *малахай* «широкий, длинный кафтан», «плохо, не по росту сшитая одежда», «о человеке небрежно, неряшливо одетом», «растяпа»; *понява* «длинная, некрасивая одежда», «неуклюжий, неловкий человек»; *махор* «тряпье, изношенная одежда», «слабохарактерный человек»; *гуня* «одежда вообще», «старая, изношенная одежда», «раз-

гильдяй, неряха»; *балахна* «не в меру широкая одежда; балахон», «разиня, растяпа; неряха», «растеряха, неловкий человек»; *охлопок* «лохмотья, изношенная одежда», «об очень плохом человеке». Наблюдаемый семантический перенос позволяет сблизать разговорное существительное *олух* (с неясной до сих пор этимологией [Журавлев, 2003, с. 117–119]) со следующими диалектными лексическими единицами: *лохман* «ветхая изношенная одежда», *лохонь* «лоскут, клочок (материи); тряпка», *лохонье* «лохмотья, ветошь», *лоха*, *лохи* «тряпки, лохмотья». Лексема *олух* возникла, возможно, в результате развития *о* в начале слова *лох* (как в формах *обормот*, *оболтус*, *охота*) и изменения *о > у* в заударном слого. Первоначальная форма сохраняется также в говорах: *лох* «лентяй», «ротозей, простофиля, дуралей».

Та или иная лексико-семантическая группа (семантический класс слов) представлена в диалектах (особенно если учитывать материал многих говоров русского языка) несравненно большим количеством лексем, чем в литературном языке. Данное обстоятельство не может не содействовать большей объективности и обоснованности выводов о семантических связях слов, анализируемых в составе того или иного лексического объединения (ср., например, диалектные названия филина, имеющие звукоподражательный корень: *ухалица*, *ухало*, *бухало*, *бухалица*, *гугай*, которые делают более вероятным предположение об ономастопоэтическом происхождении слова *филин* - первоначально *хвилинь* - от *хвилить* «предполагать кого-либо к плачу»). Трудоемкость извлечения из существующих диалектных словарей (группирующих, как известно, слова не по значениям, а по алфавиту) семантических классов слов, чрезвычайно важных для установления регулярных семантических связей, делает настоятельно необходимым создание еще одного типа диалектных источников - сводного идеографического словаря (на материале многих говоров) [Востриков, 1991; Липина, 2000].

Обобщая наблюдения, приведенные в статье, можно выделить наиболее перспективные для воссоздания словообразовательной и семантической истории слов явления русских народных говоров: разного рода архаизмы, словообразовательные гнезда и модели, типы семантических структур и лексико-семантические группы (семантические поля). Существенно также подчеркнуть, что русские диалекты во все времена являлись одним из основных источников пополнения словарного состава литературного языка. Слова приходили из диалектов в огласовке, обусловленной особенностями фонетической системы говоров; рвались их связи с исконной лексико-семантической

группой, словообразовательным гнездом, что нередко являлось причиной деэтимологизации бывших диалектизмов. Восстановить прежние смысловые, словообразовательные связи, этапы в историческом развитии таких слов невозможно без широкого и последовательного привлечения материала из диалектных источников, демонстрации чего (на материале разного рода словообразовательных и семантических реконструкций) и была посвящена настоящая статья.

Литература

- Бабаева Е.Э. Кто живет в вертепе, или опыт построения семантической истории слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3.
- Бабаева Е.Э., Журавлев А.Ф., Макеева И.И. О проекте «Исторического словаря современного русского языка» // Вопросы языкознания. 1997. № 2.
- Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
- Востриков С.В. Диалектный идеографический словарь и этимологический анализ // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1991.
- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4-х тт. М., 1955.
- Журавлев А.Ф. К этимологии рус. *олух* // Этимология, 2000–2002. М., 2003.
- Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая / под ред. Л.И. Шелеповой. Барнаул, 2008. Вып. 2 : В–Г (вавилон – гыркать)
- Липина В.В. Региональный диалектный идеографический словарь : принципы построения и семантическая структура (на материале бытовой лексики говоров Среднего Урала) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
- Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
- Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка : В 2-х тт. М., 1959.
- Сахарный Л.В. Некоторые особенности диалектного словообразования // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Пермь, 1964.
- Словарь русских народных говоров. М.; Л./СПб., 1965-2011. Вып. 1-44.
- Сороколетов Ф.П. Из истории лексики (слова с корнем *лих-* в народных говорах и в литературном языке) // Лексика русских народных говоров. М.; Л., 1966.
- Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка : В 3-х тт. М., 1989.
- Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971.
- Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985. Т. 1.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4-х тт. М., 1964-1973.
- Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.
- Шелепова Л.И. Диалекты и этимология (источниковедческий аспект). Барнаул, 1994.
- Этимологический словарь русского языка. М., 1963-2010. Вып. 1-10.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА ДИСКРЕДИТАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Т.В. Чернышова

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, типологические признаки, псевдосоциальная оценочность, речевой жанр дискредитации, стратегия «игра на понижение», коммуникативная цель, базовые составляющие речевого жанра, инвариант, варианты наполнения жанровых форм.

Keywords: media discourse, media text, typological features, imaginary social evaluation, speech genre of discredit, the strategy of «shorting», communicative purpose, the basic components of a speech genre, invariant, filling options of genre forms.

В данной статье мы продолжаем рассуждение о возможностях жанровой типизации дискредитирующих медиатекстов [Чернышова, 2013, с. 161-174]. Актуальность данной проблематики обусловлена высокой степенью конфликтности текстов подобного типа, разнообразием наполнения их жанровой формы, а также недостаточной разработанностью методических процедур, позволяющих непротиворечиво выделять из них речевые единицы оценочного и фактологического характера, что часто требуется в ходе проведения лингвистического анализа текстов в лингвоэкспертной практике.

Анализ изучаемых текстов с целью выделения их типологических признаков проводился по следующей схеме, объединяющей несколько методических процедур, направленных на комплексное описание изучаемого объекта: 1) определение оценочного потенциала заголовочного комплекса как относительно самостоятельного элемента текста, который, с одной стороны, выполняет контактоустанавливающую функцию (то есть привлекает внимание читателя к публикации и поэтому должен как-то выделяться на общем нейтральном фоне своей необычностью, экспрессивностью), а с другой, – обозначает тему публикации (тематическое содержание – по М.М. Бахтину [Бахтин, 1996, с. 159-161]), то есть в своей структуре содержит языковые элементы, отсылающие к содержанию текста в целом; 2) констатация факта, послужившего основой для оценочного комментария. Оба эти пункта, а также пункт 6, как представляется, ориентированы на описание предметно-смысловой исчерпанности высказывания; 3) выделение на основе текстового анализа речевых актов (далее – РА), с помощью которых реализуется стратегия на

понижение (стратегия дискредитации), позволяющих установить речевой замысел или речевую волю говорящего; 4) описание структурно-логических и композиционных особенностей текста и их роли в формировании стратегии «на понижение»; 5) характеристика средств и способов, реализующих стратегию дискредитации (языковых и композиционных). Пункты 4 и 5 характеризуют типические композиционно-жанровые формы высказывания определенного речевого жанра; 6) учет единичности/множественности публикаций оценочного типа, посвященных одному и тому же субъекту речи [Чернышова, 2013, с. 167].

Выделенные типологические признаки позволяют охарактеризовать анализируемые тексты с позиций воплощенного в них речевого жанра дискредитации (РЖД). В качестве инструмента описания используем положения семантической теории элементарных смысловых единиц («semantic primitives») А. Вежбицкой [Вежбицка, 2007, с. 68-80], которые часто используются лингвистами для описания различных речевых актов, далее – РА (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, М.Я. Гловинская и др. [Логический анализ языка..., 1993, 1994]) и РЖ (А. Вежбицка, В.В. Дементьев, И.Г. Дьячкова, В.И. Жельвис, К.Ф. Седов и др. [Антология речевых жанров, 2007]), а также в юрислингвистике, когда есть необходимость доказать наличие в спорном высказывании того или иного конфликтного РЖ (К.И. Бринев, Т.В. Чернышова и др.)

Инвариантной формулой РЖ дискредитации в медиакommunikации может быть следующая:

- А. Мы (Я) знаем X о лице.
- Б. Думаем, что ты не знаешь X о лице.
- В. Думаем, что ты должен это знать.
- Г. Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал,
- Где X – негативная оценочная информация о лице.

Как следует из типологии текстов [Чернышова, 2013, с. 161-174], вариантов реализации этой типовой формулы может быть как минимум четыре – в зависимости от той информации о личной и общественной деятельности субъекта публикации, которой располагает автор медиатекста.

Иллокутивный элемент модели – общий для всех РЖД: «Субъект публикации – плохой человек; все, что он делает – плохо (X), так как делает это он ради собственной выгоды; он делал это плохо в прошлом, будет делать это плохо в будущем и т.п.».

Рассмотрим возможные варианты наполнения жанровых форм дискредитации в медиатексте.

Вариант 1.

А. Мы (Я) знаем X о лице.

Б. Мы знаем, что X является негативно ценным в социуме и осуждается (вариативный компонент модели РЖд).

В. Думаем, что ты не знаешь X о лице.

Г. Думаем, что ты должен это знать.

Д. Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал, где X – негативная оценочная информация о лице.

Стратегия дискредитации, маскируемая под личное мнение автора статьи, представленная в данном варианте РЖд, не содержит аргументации и фактологической информации, но изобилует негативной авторской оценочностью; построенное таким образом высказывание представляет собой обобщенное отрицательное суждение говорящего, опирающееся на национальные аксиологические представления и не поддерживаемое в медиатексте системой доказательств (фактов) [Чернышова, 2013, с. 166].

Например, в публикации «Мертвые сраму не имут?» (Московский комсомолец на Алтае, 6-13 июля 2011 года), повествующей об очередной олимпиаде сельских спортсменов, проходившей в минувшие выходные в одном из районов края, говорится о том, что нехватку средств для проведения этого спортивного мероприятия местные власти *«пытались решить с помощью своего высокопоставленного земляка – депутата АКЗС, председателя Союза крестьянских и фермерских формирований Алтай А.Б.... Увы, вопреки ожиданиям А. продемонстрировал себя куркулем»*. Использованная автором в качестве общественно значимой оценки поведения депутата АКЗС лексема **куркуль** («Неодобрительное, разговорное, употребляемое как бранное слово. Жадный, скупой человек» [Химик, 2004, с. 206-207] представляется недостаточно мотивированной всем предшествующим и последующим контекстом, а информация о сельской олимпиаде дается автором лишь с целью концентрации внимания на личности А. как возможного кандидата в АКЗС нового союза.

Вариант 2.

А. Мы (Я) знаем, что лицо совершило Y.

Б. Уверены, что Y – это X, п.ч. лицо всегда совершает X (вариативный компонент модели РЖд).

(Далее см. пункты В, Г, Д варианта 1),

где X – негативная оценочная информация о лице.

Стратегия дискредитации, маскируемая под личное мнение автора статьи, в данном варианте РЖд строится таким образом, что приводит

мые в качестве аргументов факты сами по себе не являются дискредитирующими, но становятся таковыми, благодаря эмоционально-риторическим структурам, ориентированным на создание негативно-оценочной тональности текста, в свою очередь, ориентированной на реализацию дискредитирующей коммуникативной стратегии. Приводимым в публикации фактам дается субъективно-оценочный комментарий, направленный на заведомо отрицательную оценку поведения личности субъекта речи, снижающую его статус, хотя сама описываемая ситуация может быть истолкована по-разному (несовпадение «серьезности» приводимых фактов и оценочного комментария) [Чернышова, 2013, с. 166].

Часто подобный оценочный комментарий представлен только в заголовках и не поддерживается содержанием текста. Таковыми, например, являются следующие заголовки серии публикаций газеты «Московский комсомолец на Алтае», посвященных вступлению в должность руководителя одного из вузов: «Картина маслом. Кошка скребет на свой хребет...»; «Пыль в глаза, деньги на ветер... Аврал – это по-нашему»; «По дороге разочарований» и т.д.

В других подобных текстах оценочный потенциал заголовка поддерживается на протяжении всего текста. Например, 30 ноября 2013 года на сайте редакции журнала «Бизнес-курс» была опубликована статья под названием «Валентина С. – жертва “ошметков полежаевского режима”». Заголовок содержит оценочную лексику *ошметки*, задающую негативно-оценочный вектор интерпретации содержания статьи в целом, ср.: *ошметки*: «прост. Куски грязи, остатки изорванных вещей» [Ожегов, 1986, с. 419]; «разг.-сниж. Куски грязи или обрезки, обрывки чего-л.» [Современный толковый словарь..., 2001]), слово употреблено в переносном значении «жалкие, ничтожные остатки чего-л.» – в данном случае это *ошметки полежаевского режима*, то есть последователи прежней команды министра культуры Омской области. Новый глава характеризуется в статье как «...*полежаевский кадр, превративший Омскую драму в живой труп, активно продолжает это «трупное» дело с культурой Омской области. За 20 лет в Омске, извините, объелись полежаевскими «фельдфебелями» в культуре, искусстве. Чиновники, работающие под его руководством, – как управленцы в культуре, искусстве; мертвые засели в окопах, картонные марионетки; преступники, воры, мошенники в чиновничьих и директорских мантиях!...; шайка-лейка, добывающая остатки культуры, искусства в Омской области* и т.п. Избранная ими стратегия руководства – как стратегия деградации, бездуховности, ... *план отката* и т.д. При этом фактологическая составляющая текста – по М.М. Бахтину, его предметно-смысловая исчерпанность

очень скудна и может быть сведена к следующей фразе текста: «...*Наши творческие коллективы не выдерживают никакой конкуренции как с Екатеринбургом, Новосибирском, так и почти со всеми регионами России, не говоря уже о Москве и Питере*».

Вариант 3.

А. Мы знаем X о группе лиц.

Б. Мы знаем, что некое лицо является руководителем (начальником, директором, заведующим и т.п.) этой группы лиц.

В Уверены, что лицо знает о том, что группа лиц делает X, и сам делает X (Б. и В. – вариативные компоненты модели РЖД)

Г. Думаем, что ты не знаешь X о лице.

Д. Думаем, что ты должен это знать.

Е. Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал, где X – негативная оценочная информация о лице.

Стратегия дискредитации в подобных текстах носит «наведенный» характер: автору достоверно неизвестно, участвует ли руководящее лицо в негативно ценной деятельности сотрудников или нет. Факт причастности руководителя к социально осуждаемой деятельности при этом может быть выражен либо вербально, либо вытекает из контекста и композиционного расположения частей текста.

Так, например, в статье «Закон против “крокодила”», опубликованной в газете «Московский комсомолец на Алтае» (30.05.–06.06.2012, № 23) и посвященной проблемам противодействия распространению наркомании и токсикомании, а также мерам, которые краевые и федеральные органы власти, общественные и профессиональные объединения принимают для их разрешения, нет информации, указывающей на то, что владелец аптеки знал о том, что его сотрудники торгуют запрещенными к продаже препаратами. В то же время в заголовке текста – «Закон против “крокодила”», который отражает тему публикации (лексема *крокодил* употреблена в переносном значении и обозначает наркотик кустарного изготовления – дезоморфин), а также в содержании статьи есть информация о возможной причастности владельца к данным событиям, на что указывают следующие фрагменты текста: *Спросите любого таксиста – он вам расскажет, по какому адресу едут наркоманы за сырьем для очередной дозы*» (имеется в виду адрес «Аптеки ИЦ.»); *В феврале 2012 года...сотрудники МВД зафиксировали безрецептурный отпуск кодеинсодержащих препаратов... Мировой судья назначил владельцу аптеки штраф в размере три тысячи рублей, который впоследствии был отменен; Сейчас аптека по-прежнему продолжает работать*; работники Краевого управления по здравоохранению и фарма-

цевтической деятельности уже обращались в прокуратуру с просьбой провести внеплановую проверку; Однако лишить аптеку лицензии пока оснований нет; собранных на сегодняшний день документальных подтверждений для обращения в суд недостаточно и др.

Кроме того, сочетание «Аптека Щ.», часто употребляемое в публикации, представляет собой название городского объекта (полное наименование – «Аптека ИП Щ. Н.Г.») и как название выполняет, как минимум, две функции: 1) информативную: указывает на тип объекта (аптека – «Учреждение, в к-ром продаются /или изготавливаются и продаются/ лекарства, лечебные средства, предметы санитарии и гигиены» [Ожегов, 1986, с. 26]); 2) коммерческую: являясь коммерческим наименованием, название «Аптека Щ.» представляет собой словесное наименование физического лица, позволяющее отличить его от других владельцев аналогичных объектов: например, «Аптека ИП Кутякова Т.М.», «Аптека ИП Бабаева М.В.» и др. С точки зрения структурной организации названия подобного типа образованы по следующей модели: «имя существительное, указывающее на специализацию объекта + инициалы и фамилия индивидуального предпринимателя, осуществляющего ту или иную предпринимательскую деятельность». Таким образом, второй компонент названия аптеки прямо указывает на фамилию ее владельца – Н.Г. Щ. (в том случае, если она действительно является ее владельцем). Однако читатель должен сам решить, знал ли владелец о незаконной деятельности сотрудников аптеки или нет.

Вариант 4.

А. Мы знаем X о поведении и привычках лица в обыденной жизни.

Б. Думаем, что ты не знаешь X о поведении и привычках лица в обыденной жизни.

В. Думаем, что и в общественной (профессиональной) деятельности лицо делает X (А, Б, В - вариативные компоненты модели РЖД).

Д. Думаем, ты должен это знать.

Е. Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал, где X – негативная оценочная информация о лице.

Стратегия дискредитации в текстах, реализующих данную модель РЖД, основывается на фактах из частной жизни субъекта речи (псевдосоциальная оценочность). «Псевдосоциальную (деструктивную) оценочность» можно охарактеризовать следующим образом:

1) как правило, центром публицистического текста, содержащего, «деструктивную оценочность», является субъект (персона), прямо или

косвенно соотносимый с каким-либо социально значимым событием, при этом само событие уходит на второй план и не интересно автору;

2) в тексте отсутствует информация фактологического характера и преобладает оценочное мнение автора;

3) автор сознательно уходит от позиции социальной оценки и заменяет ее узкопрофессиональными, корпоративными, групповыми интересами, носящими подчас заказной характер, выдаваемыми в тексте за интересы общества в целом;

4) стратегия «деструктивной оценочности» разрушительна по своей сути – неплодотворна (ср.: «деструктивный» – ведущий к разрушению чего-либо, разрушительный, неплодотворный» [Современный словарь..., 1992, с. 191]);

5) она не предполагает диалога, чаще всего позиция автора – это монолог, нередко обладающий признаками агрессии (стратегии на понижение образа субъекта речи);

6) авторские суждения выражены в форме утверждения; вопросы, если они и присутствуют, часто носят риторический характер;

7) оценки субъекту речи часто выражены при помощи ненормативной лексики и фразеологии, заимствованной из языковых пластов, выходящих за пределы литературного языка (просторечной, грубопросторечной, вульгарной, обсценной и пр.);

8) «деструктивная оценочность», которая, кстати, тоже может быть как позитивной, так и негативной, направлена на создание крайне отрицательного образа субъекта речи, часто через использование разнообразных приемов и тропов (гипербола, иносказание и пр.); повествование нередко носит ироничный (насмешливый, саркастический характер) [Чернышова, 2011, с. 104-111].

Так, в статье «Блеф», опубликованной в газете «Московскийсомолец на Алтае» 14-21 сентября 2011 года представлена информация о бывшем главе администрации одного из районов г. Барнаула – Л. Для создания негативного образа используются разнообразные средства и способы:

- фактологическая информация со ссылкой на неавторизованный источник, содержащая подробности ее личной жизни: **«некоторым показало, что даже сейчас, оставшись не у дел, она продолжает пользоваться услугами служебного автопарка ... райадминистрации»;**

- утверждение о фактах, не имеющих отношение к профессиональной деятельности Л.: **«Есть и другие случаи использования Л. бывшего административного ресурса – она и ее близкие до сих пор пользуются VIP-**

палатами трансмашевской больницы едва ли не как своей собственностью»;

«В качестве примера мы могли бы назвать недавнее приобретение Л. недвижимости в Чехии, которую экс-чиновница оформила на дочь»;

- акцентирование внимания на особенностях ее характера и темперамента – причем не всегда понятно, почему они подаются как негативные: *«Во время этих застолий (неформальных дружеских фуршетов) она демонстрирует блистательные ораторские способности, позволяющие ей играть роль тамады праздничных мероприятий. Что она успешно и выполняет»;*

- оценочная информация, приписывающая Л. негативные мысли и чувства: *«Даже после своей скоропалительной отставки бывшая глава Октябрьского района Л. не может обрести желанного покоя. Правда, ее сегодняшняя гиперактивность носит своеобразный характер»;* *«отставная чиновница по-прежнему демонстративно позиционирует себя как человека с большим будущим и светлыми горизонтами»;* *«Видимо, таким образом она более чем прозрачно пытается намекать своим собеседникам, что все те, кто ее сегодня игнорируют, завтра об этом горько пожалеют»;* *«Цель может быть более глубинной – пустить окружающим пыль в глаза... Впрочем, бывшая чиновница знает, где надо надавать щечи от важности, а где нет».*

Рассмотренные в данной статье варианты наполнения жанровой формы текстов декретирующего типа не являются вполне исчерпанными. Причину этого, как представляется, указал в своей работе М.М. Бахтин: «Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы. Особо нужно подчеркнуть крайнюю разнородность речевых жанров (устных и письменных)» [Бахтин, 1996, с. 159]. Например, еще один вариант наполнения изучаемой жанровой формы, в котором реализуется особый вид социальной оценочности, на наш взгляд, воплощают в себе публичные и публицистические тексты иронического типа.

Таким образом, использование семантической теории элементарных смысловых единиц А. Вежбицкой для моделирования РЖ дискредитации представляется весьма продуктивным, поскольку позволяет выявить не только основные структурно-композиционные и языко-стилевые особенности изучаемого жанра, но и определить речевой замысел или речевую волю говорящего, то есть коммуникативную цель медиатекста.

Литература

- Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. М., 2007.
- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. М., 1996. Т. 5.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка : язык речевых действий. М., 1994.
- Гловинская М.Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка : ментальные действия. М., 1993.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.
- Современный словарь иностранных слов. М., 1992.
- Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2001.
- Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб., 2004.
- Чернышова Т.В. Современный медиатекст сквозь призму оценочности (на материале текстов, вовлеченных в сферу судебного разбирательства) // Журналистика и культура русской речи. 2011. № 1.
- Чернышова Т.В. Типологические признаки медиатекстов с псевдосоциальной оценочностью // Филология и человек. 2013. № 4.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ПЕРЕВОДА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Т.Г. Пшенкина

Ключевые слова: переводческая теория и практика, междисциплинарность, парадигма знаний, экспансионизм, интеграция знаний.

Keywords: theory and practice of translation, multidisciplinary aspect, paradigm of knowledge, expansionism, knowledge integration.

Внутренняя форма, положенная в основу косвенной номинации профессии того, кто переводит, – рус.: *по-сред-н-ик*; англ.: *a go-between; a man (woman) in the middle* – выводит в центр внимания центральную статусную позицию переводчика, акцентирует его «местоположение» в коммуникативном пространстве и наделяет функцией посредника. В Большом толковом словаре посредничество определяется следующим образом: *содействие соглашению, сделке или примирению между сторонами* [БТС]. Следовательно, переводчик – это не просто «человек посередине», а «посредник», *«mediator – a peacemaker between opposing sides»* [ELAC] – «миротворец меж двух «противоборствующих» сторон». Его медиативная функция всегда развивается, пере-

фразируя мысль М.М. Бахтина, на рубеже *двух* сознаний, *двух* субъектов, *двух* языков, *двух* культур, реализуясь, однако, в *одном* сознании – переводчика, и направлена на успешное осуществление коммуникации, на достижение ее цели. Естественно предположить, что успех переводческого посредничества достигается благодаря опыту, полученному как в ходе многовековой переводческой практики, так и ее осмыслению, анализу, которые предлагает наука о переводе на различных этапах своего развития.

Однако говорить о прочном союзе, сформировавшемся в результате более чем шестидесятилетнего периода взаимодействия теории перевода и ее практического воплощения, пока не приходится. Подтверждением тому служит ряд статей, появившихся в последние годы в журнале переводчиков «Мосты» [Петрова, Сдобников, 2012; Бузажди, Ланчиков, 2012; Орел, 2013] и работ по данной тематике [Рябцева, 2013]. Причин, на наш взгляд, здесь несколько. Одна из них восходит еще к середине 50-х годов, к самой идее выделения теории перевода как самостоятельной теоретической дисциплины. Оппоненты ссылались на то, что объяснительные возможности переводческих решений можно найти в положениях сравнительного языкознания, литературоведения, герменевтики и других наук. Позже даже очевидные достижения теоретиков перевода, например, выделение ими приемов, описывающих наиболее общие, закономерные преобразования, выявляемые при сопоставлении языков, не способствовали единству мнений ученых относительно пользы подобной теории. Считалось, что основные задачи, которые решались в рамках данного направления, связаны с анализом уже выполненных переводов и с описанием наиболее общих, объективных закономерностей процесса переводческих преобразований. Отсюда делался вывод о том, что предложенные теоретические обобщения не выводят новую теоретическую дисциплину на более высокий качественный уровень, она по-прежнему «находится в хвосте переводческой практики» [Крюков, 1988, с. 50].

Переводоведение 70-80-х годов, признавая роль языка как первичной моделирующей системы в процессе перевода, тем не менее, пыталось ее не гипертрофировать. Так, например, в одной из своих работ А.Д. Швейцер солидаризируется с мнением югославского лингвиста В. Ивира относительно того, что «лингвистический компонент перевода является центральным в том смысле, что он управляет процессом перевода во всех случаях, когда не вступает в противоречие с требованиями других компонентов» [Швейцер 1988, с. 60]. Перевод в понимании ведущих российских и немецких переводоведов того вре-

мени предстает как акт коммуникации, осуществляемый его участниками с целью достижения определенного коммуникативного эффекта. С современных позиций этот эффект принимает форму «как минимум понимания получателем переводного текста интенции автора оригинала, либо как максимум оказания на получателя перевода определенного коммуникативного воздействия, соответствующего коммуникативной интенции автора исходного текста» [Сдобников, 2010, с. 130]. Таким образом, коммуникативный подход к переводу наглядно продемонстрировал необходимость обращения к еще одной составляющей акта межъязыковой коммуникации – к человеку (продуценту, реципиенту, посреднику). Это осознание совпало по времени со становлением в гуманитарных науках новой антропоцентрической парадигмы.

В сборниках научных статей и программах конференций конца девяностых – начала двухтысячных переводческая тематика приобрела широкую популярность. По мнению М.Я. Цвиллинга, переводоведение в ту пору «из периферийной области литературно-лингвистических исследований, за которой далеко не всеми признавалось даже право на самостоятельное существование», проделало головокружительный путь до «широко разветвленного междисциплинарного научного направления» [Цвиллинг, 1999, с. 32]. Именно на междисциплинарности в переводоведении и хотелось бы более подробно остановиться в данной статье.

Сегодня не возникает сомнений в целесообразности интеграции знаний разных наук для наиболее полного изучения любого объекта исследования. Экспансионизм остается одной из основных парадигмальных черт науки, в том числе и лингвистической, которые были выделены Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 1995, с. 207]. Плодотворность связей переводоведения со смежными науками традиционна и очевидна: смена научных парадигм в языкознании – изменение «стиля мышления», эволюция постановок проблем и их решений, новый взгляд на соотношение объекта и предмета внутри дисциплин – способствует выделению новых ракурсов перевода, осмыслению переводческих стратегий и формированию объяснительной базы для избираемых вариантов перевода.

Не менее значимой оказывается и обратная связь гуманитарных дисциплин с переводом, о чем свидетельствует стремительный рост интереса к нему со стороны смежных наук. Ряд исследователей объясняют этот интерес тем, что современный подход к языку как средству доступа к ментальным процессам, осуществляемым в человеческом сознании, предопределяет стремление исследователей обнаружить ве-

риффицируемые корреляции между оперативными единицами сознания и объективирующими их языковыми знаками. Действительно, возможности анализа переводов для выявления существенных характеристик «деятельности интеллекта» объективно велики, так как перевод – прежде всего речемыслительный процесс, и любые направления анализа этого процесса дают дополнительную информацию об особенностях речемыслительной деятельности в целом. Более того, так как из-за сменности кода ментальные процессы в межъязыковом переводе совершаются дважды, а результаты мыслительного процесса по необходимости материально запечатлеваются, то перевод становится естественным способом получения объективных данных о работе человеческого мышления [Бибихин, 1973; Пшеницын 1999; Рябцева 1997].

Однако чрезмерное расширение предметного поля переводоведения вызывает справедливые нарекания со стороны практиков и теоретиков перевода. Убедительные и во многом обоснованные аргументы по данному вопросу приведены в уже упоминавшейся статье Д.М. Бузаджи и В.К. Ланчикова «Скорбный список. О бедах современного российского переводоведения». По мнению авторов, в стремлении решить конкретные задачи отдельного исследования, собственно переводческие проблемы часто уходят на второй план, теоретические постулаты оказываются оторванными от практики перевода, а основополагающие переводческие понятия и термины приобретают довольно вольную и расплывчатую трактовку. В статье отмечается: «... Понятия и терминология посторонних областей заимствуются не для разрешения насущных задач, а по велению моды. <...> Зачастую этот процесс сопровождается активной метафоризацией: заимствованные понятия утрачивают присущую им в родной среде терминологичность и становятся лишь символами, которыми переводовед-метафоризатор волен жонглировать по своему усмотрению» [Бузаджи, Ланчиков, 2012, с. 53].

Озабоченность авторов положением дел в переводоведении очевидна. Статья действительно затрагивает самые актуальные вопросы теории и дидактики перевода, которые давно осознаются и требуют (*cry for*), если не ответов, то хотя бы обсуждения. На наш взгляд, она отражает общее «неоднозначное» отношение теории перевода к некоторым смежным с переводом дисциплинам. Признавая продуктивность интегративных исследований, их обращение к данным, например, психологии (учет в процессе перевода результатов ассоциативных экспериментов), корпусной лингвистики (способствующей подбору наиболее аутентичного конвенционального способ выражения заданного в

оригинале смысла), переводоведение одновременно стремится отстаивать свою автономность. Отсюда несколько скептическое отношение «к написанному в русле того, что широко именуется когнитивной лингвистикой», неоднозначно отношение к переводоведческим работам, выполненным в психолингвистической парадигме. И все-таки вывод, сделанный более десяти лет назад Ю.А. Сорокиным, относительно роста числа теоретических работ, в которых делаются попытки уточнения и детализации существующих переводческих моделей, но значение их, а самое главное, использование в деятельности переводчиков, сводится к минимуму [Сорокин, 1998, с. 69-70], утрачивает свою актуальность. Представляется, что интеграция переводческих моделей, построенных на различных парадигмальных основаниях, способствует решению переводоведческих задач, обладает реальной возможностью сблизить переводческую теорию и практику и повысить объяснительный потенциал выполненных переводческих преобразований.

В качестве примера обратимся к потенциалу трех современных парадигм для решения одной из основных переводческих проблем – реконструкции и передачи интенционального смысла. Если исходить из того, что понимание осуществляется в результате intersubъектной деятельности, то рожденный смысл не может быть единственным и окончательным. Проследим, каким образом сторонники разных моделей предлагают справиться с этой проблемой.

Так, сторонники *психолингвистических* моделей перевода некую отправную точку для объективации представлений о взаимоотношениях слова и постоянно варьирующихся и растягивающихся смыслов усматривают в обращении к психической, умственной, эмоциональной и интенциональной деятельности тех, кто пишет, читает и переводит (подробнее см.: [Пшенкина, 2011, с. 48-58]). Предполагается, что механизмы переводческого процесса заложены в деятельностных теориях перевода. В соответствии с ними единицей анализа является элементарное речевое действие и речевая операция. В качестве действий здесь рассматриваются *способы представления смыслов языковыми выражениями*. Посредством языкового выражения автор фиксирует свои личностные смыслы, а переводчик-реципиент порождает свои на базе интерпретации представленных в тексте конвенциональных языковых единиц. Взаимообусловленность языковых единиц в структуре текста является основой, позволяющей переводчику обнаружить авторский мотив употребления тех или иных языковых элементов. В процессе коммуникации объективная реальность опосредуется благодаря присутствию субъективного начала, то есть благодаря интерпретатору

знаков, его языковому сознанию а, следовательно, преобразуется в семиотическую реальность. Это означает, что для интерпретирующего знаковая реальность, создающая знание об объекте, то есть значение, конституируется не только набором потенциально присущих объекту признаков, а актуальными для индивида фрагментами опыта. В речевом общении языковые знаки, чаще всего выступающие ориентирами, опорами для доступа к образу мира, обеспечивают его лишь во взаимодействии с другими психическими процессами: памятью, мышлением, восприятием, чувствами, волей и т.д. Содержание текста – это всегда перереконструирование текста читателем в соответствии с его проекцией понятого. Это дает основание считать, что восприятие и порождение любого текста представляют собой процесс «векторизации», в ходе которого понятийно-денотативная, речевая, эмоционально-оценочная структура личного опыта реципиента соотносится с понятийно-денотативной структурой воспринимаемого им текста, вызывая различную степень осознания, модификации, приращения смысла текста или его искажения. Переводческая деятельность, таким образом, предстает речесмыслопорождением, реконструкцией переводчиком на базе его концептуальной системы интегративного / доминантного смысла исходного текста [Пищальникова, 1999].

При этом большинство переводоведов в настоящее время сходятся во мнении о том, что перевод представляет собой смещенную деятельность, интерпретацию, что смысловые различия, смысловой сдвиг – неотъемлемый компонент перевода, обусловленный его природой (см.: [Нестерова, 1998; Пшеницын, 2000]). Естественно, особенно в практической деятельности возникает вопрос, *в каком направлении* осуществляется такой сдвиг и *как* на его фоне найти основания для интеграции информации в разных этнических сознаниях, которая бы способствовала актуализации определенного содержания.

Ответ, на наш взгляд, можно найти при обращении к **когнитивной парадигме**, обладающей объяснительным потенциалом, тем более что есть основания рассматривать термины «интерпретативный» и «когнитивный» как рядоположенные. Достаточно вспомнить неоднократно высказываемое по этому поводу мнение В.З. Демьянкова: о том, что интерпретация речи индивидом – это «вид когниции, непосредственным объектом которой является продукт речевой деятельности, а результаты и инструменты обладают разветвленной типологией и насквозь пропитаны личностными характеристиками» [Демьянков, 1994, с. 27]. Концепт – один из базовых терминов когнитивной лингвистики, он является операциональной единицей сознания, содержит информа-

цию относительно положения вещей в мире. Интегрируя данные двух парадигм, психолингвистической и когнитивной, концепт может быть представлен как сложный смысл, в структуре которого выделяются определенные компоненты: тело знака, понятие, представление, предметное содержание, ассоциации, эмоционально-оценочный компоненты [Пищальникова, 1999, с. 36]. Концепт имеет полевую структуру, в центре которой находится понятие или его отдельный признак, но отношения между его компонентами строятся по функциональному принципу. Это означает, что слово или другой языковой знак, репрезентирующий концепт, может переместить с периферии в центр любой из его компонентов, оттеняя или высвечивая как определенные свойства и признаки реалии, так и разные аспекты репрезентации этой реалии в сознании человека. Подобное перемещение должно найти воплощение на формальном уровне при преобразовании текста оригинала в текст перевода.

Что привлекательного обнаруживает переводчик в интегративном подходе к концепту? На наш взгляд, прежде всего возможность получить ориентир в континуальном и безграничном пространстве смысла. Трактовка перевода как деятельности по подбору функциональных опор, направленных на создание интегративных когнитивных структур, которые активизируют соотносимые познавательные пространства у коммуникантов с разным этническим сознанием, позволяет рассматривать модель концепта, предложенную психолингвистами, в качестве опоры для прогнозирования и построения переводческой программы, для выбора переводческих стратегий и верификации качества осуществленных переводов.

Попытаемся пояснить сказанное на конкретном примере.

Адекватный перевод приведенного ниже предложения, может возникнуть лишь при верной интерпретации информации, связанной с *эмоционально-оценочным* компонентом концепта, представленного лексемой *guerrillas*:

Past links to terrorist groups ... are proving useful in helping to free hostages held by Muslim guerrillas [US Today].

Один из самых авторитетных англо-русских словарей под редакцией Ю. Д. Апресяна дает следующий перевод: *guerrilla* – 1. *Партизан, боец* [НБАРС]. За рамками краткой словарной статьи остается содержание, необходимое для адекватного понимания иноязычного концепта, репрезентированного словом *guerrilla*. Исторический и дискурсивный опыт русскоязычного реципиента, его внутренний контекст выделяет в структуре значения русского коррелята *партизан* ярко выра-

женный положительный признак, поэтому прозрачный, казалось бы, смысл английского предложения вводит начинающих переводчиков в заблуждение. Внутренний контекст реципиента вступает в противоречие с внешним контекстом предложения. Не совсем ясной для русской ментальности остается информация о том, почему «партизаны» удерживают заложников, которых требуется освободить.

Вместе с тем отрицательная оценка присутствует в понятийном компоненте иноязычного концепта, что становится очевидным при анализе словарных дефиниций. В англоязычных словарях находим следующие определения: *guerrilla – a member of an unofficial military group, esp. one fighting to remove a government, which attacks its enemy in small groups unexpectedly* [ELAC]; *guerrilla – a member of an irregular military force that uses harassing tactics against an enemy army* [AHD]. Отсюда в качестве одного из возможных вариантов перевода слова можно предложить лексему *боевик*.

Еще один компонент концепта – *представление* – связан с передачей чувственного образа описываемых предметов и явлений действительности. Большинство из этих образов формируются в результате непосредственного контакта с реалиями и носят визуальный характер. Интересен, на наш взгляд, следующий пример:

В преддверии встречи лидеров «большой восьмерки» на японском острове Хоккайдо в 2008 году американский журналист, описывая своим соотечественникам прекрасный вид на местное озеро Тоа, отмечает:

*From there (atop Poromoi Mt in Hokkaido), visitors normally can see **the doughnut-shaped** Lake Toya.*

Автор статьи обращается к визуальному опыту своих читателей и использует языковую единицу *doughnut-shaped* для описания формы озера, сравнивая ее с формой традиционного и почитаемого в стране кондитерского изделия под названием *doughnut*, аналогами которого в русском языке выступают – *пончик, пышка, пирожок*. *Ср. doughnut (also donut AmE) a small round often ring-shaped cake cooked in hot fat (DELC)*. Выбор предмета для сравнения несомненно удачный. Содержание познавательной структуры, индуцируемое зрительным образом, формируется у читателя на основе когнитивного механизма дефокусирования, мыслительного процесса, направленного на выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций [Ирисханова, 2007, с. 72]. Можно предположить, что в сознании англоязычного читателя отсеиваются, подавляются второстепенные для конкретного случая признаки и

свойства реалии, о которой идет речь (*продукт питания, изготовленный из определенного вида теста, жаренный во фритюре и т.д.*), а в фокусе остается ее наиболее важная характеристика (*форма*). Эта характеристика канонизируется в североамериканской культуре, расширяет свои адаптационные способности и, воплощенная в стереотипную вербальную форму *doughnut-shaped*, служит общепринятым определением для описания большого числа разноплановых объектов действительности. Эти объекты могут относиться к посуде, мебели, ювелирным изделиям, архитектурным сооружениям, летательным аппаратам и т.д. Их объединяет одно – своеобразная кольцеобразная форма с приплюснутыми краями. В этот список попадает и форма природного ландшафта – озеро, о котором идет речь.

Однако перенос образного сравнения в русскую картину мира и использование для этого в качестве функциональной опоры русской лексики *пончик* или *калачик* едва ли будет успешным. Следовательно, от переводчика потребуются ситуативное преобразование в процессе перевода, и один из возможных вариантов текста на переводящем языке может быть следующим:

Отсюда (с горы Поромои на острове Хоккайдо) посетителям открывается вид на имеющее форму кольца озеро Тоя с его внутренним островом (Перев. наш – Т.П.).

Еще один подход к передаче смысловой информации текста предлагает Д.М. Бузаджи, представитель лингвистической школы перевода, складывающейся в настоящее время в Московском государственном лингвистическом университете. Он основан на **функционально-коммуникативной** перспективе и, на наш взгляд, с одной стороны, сопоставим с выбором оснований для переводческих стратегий, обозначенных в описываемых ранее подходах, при известном различии в использовании терминологии, а с другой – вносит дополнения, уточнения и наглядность, важные для аргументированного выбора единиц языка перевода, приближая таким образом теорию к переводческой практике.

В статье, посвященной описанию сути предлагаемой модели, ее автор поясняет, что коммуникативная адекватность перевода достигается за счет передачи функционального и информативного «рисунков» оригинала. Первый из них ассоциируется с «розой ветров», рядом векторов, равнодействующая которых определяет характер анализируемого текста или его отрывка (информативный, воздействующий, эстетический) и предусматривает еще одну до-

полнительную оппозицию по линии «авторское – общеязыковое» («идиолектное» – «конвенциональное»). Под информативным рисунком понимается «набор актуализированных, существенных для коммуникации смыслов, содержащихся в отрывке текста оригинала и подлежащих переводу» [Бузаджи, 2008, с. 53]. Четыре вида смысловой информации – ситуативная, экспрессивно-оценочная, ассоциативно-образная и стилевая – могут быть представлены в сопоставляемых текстах с разной полнотой.

В описываемой модели переводческого процесса с учетом виртуального сопоставления функционального рисунка оригинала и перевода предлагается графическое изображение двухуровневой схемы сопоставления текста (текстового фрагмента) оригинала и перевода. Первый уровень – уровень формы, фонетической, морфологической, словарной, синтаксической и идиоматической, передает конвенциональность употребленных в сравниваемых текстах языковых средств. Он изображается в виде пяти соответствующих каждому типу формы осей координат, а рисунок конвенциональности передан замкнутой кривой, пересекающей эти оси на разных расстояниях от центра в зависимости от конвенциональности той или иной формы слова. На втором уровне – уровне содержания – кривая на осях координат позволяет оценить и сопоставить полноту каждого из четырех видов информации, выражаемого в коммуникативном фрагменте оригинала с предполагаемым переводом (переводами) [Бузаджи, 2008, с. 50].

Попытаемся интегрировать положения, которые предлагает переводчику каждый из трех подходов, и провести сравнительно содержательный анализ нескольких текстовых фрагментов из эссе И. Бродского *Watermarks* [Brodsky, 2005] и его перевода «Набережная неисцелимых», выполненного Г. Дашевским.

Венецианское эссе – страстно-сдержанное признание в любви зимней Венеции, непревзойденному по своей красоте городу на воде. Вспоминая свой первый приезд: пристань, ночь, запах замерзающих водорослей, с детства являющийся для героя синонимом абсолютного счастья, и знакомую, пришедшую его встретить, единственное существо, которое он знал в том городе, автор пишет:

1. *Then I saw the only person I knew in that city; **the sight** was fabulous.* [Brodsky, 2005, p. 11]

Тут я увидел единственное человеческое существо, которое знал в этом городе; картина была сказочная [Бродский, 2005, с. 103].

Напомним, что психолингвисты обычно акцентируют необходимость включения в предметную область переводоведения проблем понимания, особенно когда переводу подлежат образы субъективной реальности (термин Г.И. Богина). Чаще всего это происходит в процессе переводов художественных произведений, когда рефлексия, сопровождающая встречное смыслопорождение, основана на синтезе жизненного и дискурсивного опыта переводчика. В таких случаях актуализация языковой формы соотносится с постоянным изменением в смысловом пространстве произведения – в результате смыслы наращиваются, растягиваются, появляются новые. Это влечет за собой дополнительные проблемы выбора стратегий в принятии переводческих решений.

Именно такой случай представлен в анализируемом эссе. Если принять во внимание билингвизм Бродского, то, вероятно, выбор лексемы *sight*, в описываемой ситуации общения, сознательно или подсознательно, навеян пушкинскими строками, посвященными А.П. Керн. Отсюда в переводном варианте произвольно напрашивается существительное *виденье*. Оно представляется более уместным в данном контексте (ср.: [Козлова, 2007, с. 47]), тем более что предложенный переводчиком вариант *картина*, в отличие от *виденье*, не выводит на эмоционально-образную составляющую концепта КРАСОТА, доминирующего в эссе Бродского, и лишает адекватности тексты оригинала и перевода. Причем это происходит не только из-за искажения информативного рисунка оригинала, привнесенного несоответствием в тексте перевода экспрессивно-оценочных и ассоциативно-образных видов информации (уровень содержания). Это обусловлено и несовпадением конвенциональности, стереотипности использования избранного переводчиком слова *картина* в речи (уровень формы).

Действительно, появившись однажды в тексте оригинала, языковая единица *sight* дистантно повторяется на протяжении нескольких страниц, и становится образно-эмоциональным маркером описания венецианской знакомой писателя. Этот момент не может не учитывать переводчик при выборе своих стратегий для сохранения в тексте перевода особенности авторского повествования, то есть функционального рисунка оригинала. Однако вариант *картина*, соответствует оригиналу далеко не на всех уровнях эквивалентности. Ниже представлены семь случаев контекстуального повтора лексемы *sight* и ее переводов в тексте эссе. На наш взгляд, все они объединены отсутствием конвенциональности выражения заданного

смысла, так как автор отходит от общеязыкового стандарта. Причины такого отступления разные, но все они обусловлены межъязыковой асимметрией. Она проявляется на референциальном уровне (2), обусловлена нарушением сочетаемости (7), межъязыковыми несоответствиями на морфологическом (5), лексико-семантическом (6) уровнях и в целом демонстрирует неоправданные случаи переводческого буквализма (4).

2. *The sight had come there in the guise of a Slavistic...* [Brodsky, 2005, p. 11] – Тогда картина явилась в облике славистки [Бродский, 2005, с. 103].

3. *That nearly disqualified the sight as a subject of interest in the eyes of the coterie to which I belonged.* [Brodsky, 2005, p. 11] – Последнее чуть не зачеркнуло картину как объект интереса в глазах моей компании [Бродский, 2005, с. 103].

4. *So we regarded the sight as the physical extension and embodiment of our ideals and principles.* [Brodsky, 2005, p. 13] – Мы считали картину физическим продолжением и воплощением наших идеалов и принципов [Бродский, 2005, с. 105].

5. *So pretty was the sight...* [Brodsky, 2005, p. 13] – Картина была такой хорошенькой [Бродский, 2005, с. 105]

6. *The nutria-clad sight next to me began to explain* [Brodsky, 2005, p. 14] – Рядом со мной картина в нутрии объясняла [Brodsky, 2005, p. 103]

7. *...in the wake of the sight's dimming.* [Brodsky, 2005] –... вслед за тем, как картина померкла [Бродский, 2005, с. 110]

Соблюдение конвенциональности при выражении смысла – важная составляющая профессиональной компетенции переводчика. На их тесную связь указывает Н.К. Рябцева. Исследователь замечает: «...профессиональный переводчик не столько «переводит», сколько стремится выразить заданный в оригинале смысл так, как это «принято» в языке перевода, то есть идиоматично: общепринято, аутентично и потому наиболее понятно. Так что исходными довольно парадоксальным условием творческого переводческого мышления выступает поиск наиболее стандартного, стереотипного для данной ситуации выражения в языке перевода» [Рябцева, 2013, с. 65-66].

Подведем краткий итог сказанного. Междисциплинарность – результат интегративных процессов, происходящих в современной науке. Представляется, что ссылки на небрежное обращение с терминами или отступление от методологических принципов в новых

дисциплинах – результат влияния «человеческого фактора», а не системная черта междисциплинарности, своего рода, визитной карточки современной науки. Здесь уместно вспомнить своего рода предсказание В.И. Вернадского, который полагал, что в результате роста научного знания произойдет стирание жестких границ между отдельными науками, что, в свою очередь, приведет исследователей к необходимости, в целях более глубокого проникновения в суть объекта исследования, специализироваться не по наукам, а по проблемам.

Литература:

- Бибихин В.В. О проблеме определения сущности перевода // Тетради переводчика. М., 1973. Вып. 10.
- Бузаджи Д.М., Ланчиков В.К. Скорбный список. О бедах современного российского переводоведения // Мосты. 2012. № 4 (36).
- Бузаджи Д.М. Векторы смысла. О функциональном подходе к переводу // Мосты. 2008. № 3 (19).
- Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- Ирисханова О.К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка : современные направления исследования. М., 2007.
- Козлова Л.А. Эмоционально-ассоциативная аура слова и ее учет при переводе // Филология и человек. 2007. № 3.
- Крюков А.И. Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихолингвистика. М., 1988.
- Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
- Нестерова Н.М., Соболев В.Я. Трансляция текста в социокультурном пространстве // Россия – Запад. Диалог культур. М., 1998. Вып. 6.
- Орел М.А. Лучше горькая правда Ответ на статью Д.М. Бузаджи и В.К. Ланчикова Скорбный список. О бедах современного российского переводоведения // Мосты. 2013. № 1.
- Петрова О.В., Сдобников В.В. О зеленом соке и соленом электричестве. Чему и как учить будущих переводчиков // Мосты. 2012. № 1(33).
- Пищальникова В.А. Психопэтика. Барнаул, 1999.
- Пшеницын С.Л. О смысловых различиях при переводе // Studia Linguistica. СПб, 2000. Вып. 9.
- Пшенкина Т.Г. Гетерогенность оснований психолингвистических моделей перевода // Филология и человек. 2011. № 4.
- Рябцева Н.К. Прикладные проблемы переводоведения. Лингвистический аспект. М., 2013.
- Сдобников В.В. Коммуникативный эффект в двуязычной коммуникации: уточнение понятий. М., 2010.
- Сорокин Ю.А. . Введение в этнопсихолингвистику. Ульяновск, 1998.
- Цвиллинг М.Я. Переводоведение как синтез знаний // Тетради переводчика. М., 1999. Вып. 24.

Швейцер А.Д. Теория перевода : Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.

Источники

Бродский И.А. Набережная неисцелимых. СПб, 2005.

Brodsky J. Watermark // Бродский И. Набережная неисцелимых. СПб, 2005.

USA Today. May 18. 2001.

Yahoo News. July 7. 2008.

ПЕРИФЕРИЙНАЯ ЗОНА НЕОФИЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОБЩЕНИЕ ЗНАКОМЫХ

А.Н. Байкулова

Ключевые слова: русский язык, неофициальная коммуникация, знакомые, соседи, разговорная речь.

Keywords: the Russian language, informal communication, acquaintances, neighbors, colloquial speech.

«Иван Иванович если попотчивает вас табаком, то всегда наперед лизнет языком крышку табакерки, потом целкнет по ней пальцем и, поднесши, скажет, если вы с ним знакомы: «Смею ли просить, государь мой, об одолжении?»; если же незнакомы, то: «Смею ли просить, государь мой, не имея чести знать чина, имени и отчества, об одолжении?» (Н.В. Гоголь «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Избранные сочинения. В 2-х тт. М., 1984, с. 343).

Существуют различные классификации общения. Возможна и классификация на основе характера межличностных отношений, которые связывают человека с его социумом. На рисунке 1

представлена структура социального окружения человека, основанная на учете фактора близости межличностных отношений.

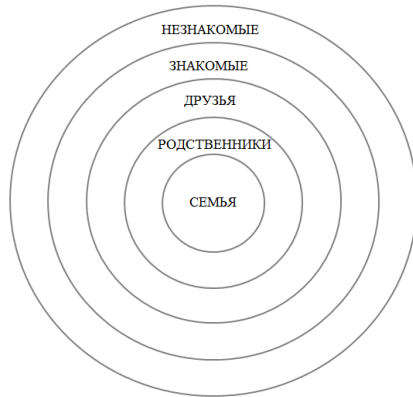

Рис. 1. Структура социального окружения человека

Следует оговорить, что отношения в реальной действительности гораздо сложнее и не укладываются в предложенную структуру (например, друзья могут быть ближе родственникам и т.п.), но ее применение в исследовательских целях нам представляется целесообразным. Между друзьями и незнакомыми людьми мы обозначили среду знакомых. Понятие *знакомые* в контексте нашего исследования обозначает людей, которые лично знакомы и вступают или когда-то вступали в коммуникативные контакты. Общение в среде знакомых и является предметом рассмотрения в данной статье.

Каждый человек имеет круг знакомых, который на протяжении жизни может расширяться или сужаться. Это социальные связи, следующие за семейными, родственными и дружескими. В социологии эти связи именуется *слабыми*, однако во многих жизненных ситуациях, как показали исследования американского социолога Марка Грановеттера [Грановеттер, 2009], слабые связи работают эффективнее сильных, в частности, в своей работе «Сила слабых связей» он показал их важную роль в получении информации и в карьерном росте индивида.

Структура человеческих отношений, основанная на степени близости межличностных отношений соответствует возникающим при этих отношениях типам и видам общения.

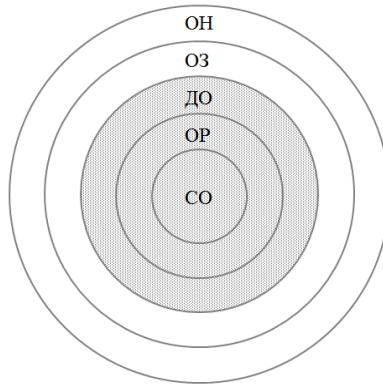

Рис. 2 Разновидности устного неофициального общения.

На рисунке 2 представлена полевая структура устного неофициального общения (НО), что отражает наш подход к исследованию – изучение парадигмы именно этого типа общения. Рассмотрение фактов устного НО позволило выделить его ядерную зону (темное поле на рис. 2), представленную семейным общением (СО), общением родственников (ОР) и дружеским общением (ДО), где *неофициальность* и сопутствующая ей *разговорная речь* (если иметь в виду носителей литературного языка) выступают как преимущественные и объединяющие параметры коммуникации, а также периферийную (см.: [Байкулова, 2012]). Периферийная зона включает **общение знакомых** (ОЗ) и **общение незнакомых людей** (ОН). Место этих разновидностей коммуникации (периферийная зона) обусловлено тем, что они могут осуществляться в разных регистрах: регистрах официального или неофициального общения, а также в виде общения смешанного типа (о соотношении этих понятий см.: [Байкулова, 2012]). Следует подчеркнуть, что все представленные разновидности общения не имеют четких границ: всегда есть переходные зоны, или зоны наложения.

Материал исследования собирался на протяжении 2012–2013 годов, он включает диктофонные и блокнотные записи самого автора, а также записи, представленные в монографиях и сборниках разговорных текстов (см.: [Русская разговорная речь. Тексты, 1978; Живая речь уральского города. Тексты, 1994; Винокур, 2009; Земская, 1988; Китайгородская, Розанова, 2005, 2010 и др.]).

Если сопоставлять ОЗ с другими разновидностями общения, то кроме проявления параметра *официальность / неофициальность*

можно выявить и другие, как общие, так и специфические признаки. Одним из главных параметров, отличающих ОЗ от других разновидностей общения и находящих отражение в речи, является параметр *коммуниканты и их статусно-ролевые отношения*. Важно обратить внимание на то, что в ОЗ, как, впрочем, и в других разновидностях общения, большую роль играет **основной** статус коммуникантов. Поясним: каждый человек является носителем разных статусов, то есть обладает статусным набором, причем в разных ситуациях общения один и тот же человек может выступать в разных статусах и играть соответствующие этим статусам роли. Например, в ситуациях дружеского общения коммуниканты исполняют роли, соответствующие статусу *друзья*, а в ситуациях рабочего общения на первый план выходит статус *коллеги*. Таким образом, в конкретной ситуации один из статусов проявляется как главный, или основной. Коммуникантами в ОЗ могут быть коллеги (по месту работы), соседи (по месту жительства), члены различных профессиональных корпораций (медики, филологи, математики и т.п.) или малых социальных групп (кружки по интересам: спортивные секции, клубы и т.п.). Сюда можно отнести статусно неравноправное общение между учителем и учеником, между начальником и подчиненным в ситуациях личных неофициальных контактов. В ОЗ можно выделить и общение между людьми, которые считают себя знакомыми по статусу: наряду со статусом *родственник* или *друг*, есть статус *знакомый* (шапочные знакомые, просто знакомые, близкие / старые / давние / хорошие знакомые). Приятельское общение находится в зоне наложения ДО и ОЗ. Знакомство может быть непосредственным (члены одного коллектива) и опосредованным (друзья друзей, знакомые родителей и т.п.). Между знакомыми возникают статусно равноправные или неравноправные отношения. Это, безусловно, влияет на характер коммуникации и речь, в связи с чем в рамках ОЗ возможна своеобразная полигlossenность. Возникновение речевой гомогенности в ОЗ обусловлено частотой контактов коммуникантов и их принадлежностью к малым социальным группам (в кругу коллег она формируется, в кругу просто знакомых – нет).

ОЗ, как ОР, может быть как вынужденным, так и инициативным. Например, общение с врачом, продавцом или парикмахером нередко определяется выбором – знакомый / незнакомый, то есть связано с проявлением инициативы, в отличие от СО и ОН, преимущественно вынужденных, и от ДО – инициативного. Между знакомыми нет дружбы (они не дружат, а встречаются, иногда вместе проводят время), хотя

отношения знакомства имеют тенденцию перехода в дружеские (неслучайно близких знакомых считают приятелями) и обратно: прекращение дружбы делает людей знакомыми.

Общая апперцепционная база (АБ) знакомых отличается от АБ круга друзей, близких родственников, членов семьи. Например, то, что известно коллегам, может быть неизвестно членам семьи и наоборот. АБ общения знакомых, безусловно, больше, чем АБ незнакомых людей. Это не может не отражаться на тематике общения – чем больше АБ, тем шире круг тем.

В ОЗ, как в ОР и в ОН, но в отличие от СО и ДО, наблюдается проявление формальной вежливости, не свойственное СО и ДО. В отличие от ОН, ОЗ обязательно должно быть фокусированным (о фокусированных и нефокусированных столкновениях в повседневном общении см. [Гофман, 2000]). В противном случае в русской коммуникативной культуре обычно извиняются или оправдываются (без извинений): *Извини (те) / не узнал (не заметил) // или Ой! Я тебя не узнал! Богатым будешь!*. В качестве иллюстрации повышенной степени этикетности ОЗ воспользуемся фрагментом разговора знакомых (москвички **А.** и ленинградца **Б.**), представленном в [Русская разговорная речью Тексты, 1978, с. 136]: **А.** *Дмитрий Андреич / а я вспомнила / Вы не были этим летом на Рижском взморье? – Б.* *Нет // – А.* *Нет? – Б.* *Нет / а что? – А.* *А я шла по берегу – Б.* *Да / – А.* *и мне показалось что навстречу идете Вы // Но / я не была уверена что это Вы / поэтому я как-то не решилась поздороваться / Б.* *Нет / мы собираемся в следующем году поехать в (нрзбр) санаторий // – А.* *вот и у меня так и осталось такое полувпечатление / Вы или не Вы, но я уже говорю / не решилась...*

Рассказ **А.** о летнем событии – косвенно выраженная демонстрация уважительного отношения к **Б.**: выбор обратить на себя внимание / не обраать внимания, поздороваться / не поздороваться был для **А.** очень важен. Создается впечатление, что она испытывает чувство неловкости даже тогда, когда уже все окончательно прояснилось, ведь отсутствие этикетного знака в той ситуации могло быть расценено как крайне невежливое. Неслучайно И.А. Стернин, характеризуя особенности русского коммуникативного поведения, отмечает пониженную вежливость к незнакомым людям и повышенную – к знакомым [Стернин, 2001, с. 218].

Доминанту ОЗ, на наш взгляд, определяет фокусированное взаимодействие коммуникантов с учетом их основных статусов, проявляющихся в конкретной ситуации, при возможном выборе,

особенно в общении малознакомых людей, фокусированного или нефокусированного взаимодействия; повышенная степень вежливости, конвенциональное проявление формальной вежливости.

В ОЗ нами уже рассмотрены рабочее общение (РО) как общение коллег во время выполнения производственных, творческих и др. заданий, межличностное деловое общение, близкое к рабочему (МДО). В данной статье мы продолжим изучение ОЗ, дополнив его новыми наблюдениями за речевой коммуникацией по основному статусу. Речь пойдет о коммуникации между соседями.

Соседи, безусловно, входят в круг знакомых. Статус *soced* – один из важнейших статусов в этом социальном круге. О роли соседей (прежде всего по дому) говорят пословицы и поговорки: *Нет большей беды, чем плохие соседи; Близкий сосед лучше дальней родни; Без брата проживу, а без соседа не проживу; Не женись, если расхваливает мать, а уважают соседи, не упускай*. В народной мудрости находят отражение и процессы общения с соседями, причем называется даже свойственный этому общению жанр – беседа: *Каковы соседи, такова и беседа; Жить в соседях – быть в беседах; Худое дело – обидеть соседа; Кто сам себя хвалит, тот злых соседей имеет*. Когда-то в селах была пОмочь – соседи вместе строили дома, помогали друг другу в хозяйственных работах. В городах до сих пор еще существуют коммунальные квартиры с общей кухней, когда-то был и общий на всех телевизор. Кроме соседей, живущих в одном доме или в соседних домах, могут быть соседи по даче, по гаражу, по койке (в больнице), по парте (в школе), хотя последних можно выделить в группу одноклассников и однокурсников.

Время общения соседей четко не фиксируется: это может быть как мимолетный контакт, так и длительное регулярное общение.

Характер современного общения с соседями, особенно в городе, меняется вследствие происходящих изменений в социальной жизни. Становится, например, привычным, что соседи городского многоквартирного дома, даже проживающие в одном подъезде, не знают друг друга в лицо и не общаются, то есть при встрече ведут себя как незнакомые люди, проявляя отсутствие мотивации к общению. Вместе с тем технический прогресс вносит коррективы и в эту область. Современные электронные ресурсы позволяют объединять людей по их статусу. Существует, например, социальная сеть «Соседи», где осуществляются попытки активизировать соседские связи, сделать их более эффективными, в том числе и за счет использования в этой среде письменной формы коммуникации.

Общение между соседями может быть вынужденным при решении совместных хозяйственных вопросов и инициативным (например, если человек одинок и ему недостает общения); официальным, неофициальным и смешанным; формальным и неформальным; фатическим и целеориентированным; гармоничным и конфликтным. Рассматривая ОЗ в рамках НО представим следующие примеры, иллюстрирующие возможные разновидности общения соседей.

Формальное общение: *Здравствуйте // – Здравствуйте // – Вам седьмой? – Угу //; Здрасьти (здравствуйте) – Здрасьти – Вам какой? – Пятый //; Здравствуй Саи / - Здравствуй // На работу? – Угу //*. При формальном общении используются этикетные формулы (*Здравствуйте / До свидания; Привет! Пока!* и др.), нередко сопровождающиеся обращением по имени или имени-отчеству, и повседневные стереотипные вопросы как проявление тактики заинтересованности в делах соседа (*На работу? С работы? Домой? На дачу? Отработал? Как дела?* и др.) Интеракция осуществляется тоже в формальном ключе: *Как дела? – Нормально; Заходи в гости – Ты тоже.*

Неформальное общение. В неформальном общении наблюдается отход от стереотипов: расширяется и углубляется личная тематика за счет информирования о событиях частной жизни, не всегда в полной мере реализуется этикетная рамка (вступление в контакт и размыкание контакта); используются неформальные номинации лица, велика доля юмора: (соседка соседке, вернувшейся из Франции) *Ну что / Лягушка-путешественница, прибыла?; Бонжур / мадам*. Примеры: (М. и С. – сосед и соседка) М. (видит, что С. несет большую сумку) *Да / у нас все наоборот – С. Что? – М. Да я говорю мужчина налегке* (показывает взглядом на небольшой пакет в своей руке) */ а женщины тягают // – С. Куда деваться // Мой (муж) в командировке //;* (соседка С. 1 и мальчик-сосед С. 2) С. 1. *Как ваш Мурзик?* (о коте) – С. 2. *Да че-т болеет // – С. 1. Все болеет? – С. 2 Да его сильно подрали* (коты или собаки) – С. 1. *Вы его лечите? – С. 2 Да / но что-то никак //.*

Целеориентированное общение. В общении соседей целеориентированная коммуникация нередко связана с хозяйственными делами и с самим фактом соседства. Возникают темы уборки в доме, ремонта, оплаты коммунальных услуг, организации ТСЖ, нарушения правил общежития и т. п. даже при шапочном знакомстве. Из разговора соседок С. 1 и С. 2. (шапочное знакомство): С. 1 *Здравствуйте – С. 2 Здравствуйте // ... А вы не знаете кому платить?* (имеет в виду плату за коммунальные услуги) – С. 1 *Не знаю // Сама думаю // Может / лучше вообще не платить / откладывать деньги // – С. 2 Вот я тоже иду и не знаю что де-*

лать // Ну что за безобразия! – С. 1 Я вообще плачу «Х» (название компании) // У нас уже такая ситуация была // Главное платить одному / а то потом не знаешь с кого требовать // и т.п.

Фатическое общение. При фатическом общении главная цель – укрепление соседских отношений и удовлетворение потребности в общении. Общение с соседями играет особую роль, если человек испытывает одиночество, не имеет возможности общения с родными или друзьями. Примеры: (А. и Б. – соседи, знают друг друга в лицо. Б. входит в лифт с собакой) Вас подождать? – А. Да / если можно // (входит в лифт) Вам какой? – Б. Десятый // – А. (нажимает кнопку лифта) Погуляли? – Б. Да / Хорошо // – А. Седня погода хорошая / первый день весны // Да и зимы-то толком не было // – Б. Да уж / третий год так // – А. Вон скоко дырок (озонные дыры) на небе понаделали // Вон в детстве / какие зимы были / снега-то скоко // В деревне бывало с горок как катались // (лифт останавливается) Ну / всего доброго // – Б. Всего доброго // ([Китайгородская, Розанова, 1999, с. 352]); (А. – девочка-подросток, Б. – пожилая женщина) Б. Ой / Какая ж ты большая выросла! Как в школе дела? – А. Да все хорошо // – Б. А бабушки твоей я че-то давно не видела // Как она / не болеет? – А. Да не-е-т / все в порядке // Просто она с дачи еще не вернулась // – Б. А-а // Ну передавай ей привет большой // – А. Спасибо / обязательно // ([Там же, с. 353]).

Представленные примеры иллюстрируют повышенную эмоциональность говорящих (*Ой / Какая ж ты большая выросла!*; *Седня погода хорошая / первый день весны*), повышенную степень вежливости (*Всего доброго*; *Спасибо / обязательно*; *Вас подождать? – Да / если можно*; *Ну передавай ей привет большой*); при реализации личных тем в них отражается тактика заботы и участия (*Как в школе дела? А бабушки твоей я че-то давно не видела // Как она / не болеет?*). В речи актуализируется общая АБ говорящих и наблюдается их стремление, пусть иногда одностороннее, к ее расширению. Такое речевое поведение соответствует исполняемой роли – роли соседа / соседки.

Демонстративный отказ от принятых конвенций характерен для конфликтного общения знакомых, в том числе и соседей: люди делают вид, что не замечают друг друга, не вступают ни в какие виды коммуникации: не здороваются, не подают друг другу руки, – иными словами, разыгрывают роль незнакомых. Конфликт разрушает отношения или переводит их на другой уровень, вследствие этого изменяется и коммуникация, утрачивая свои видовые особенности. Нередко это декларируется: *Я знать тебя / вас не желаю / Я тебя / вас не хочу знать /* и т.п.

Частые контакты соседей способствуют переходу к неформальным отношениям и, соответственно, к неофициальному неформальному общению. Мотивация к общению определяется целями. В общении между соседями они могут быть разными, будь то оказание помощи, совместное решение хозяйственных задач или участие в общих делах; на уровне межличностных отношений основная **цель** – поддерживать статусные, то есть соседские, отношения, поскольку они необходимы человеку для его благополучного существования. Слабая мотивация к общению с соседями, да и с другими знакомыми, порождает сиюминутную формальную коммуникацию. Сильная мотивация при приятельских отношениях способствует тематически развернутому взаимодействию в неформальном ключе: (из разговора соседок – **С. 1** и **С. 2**, давно знакомых, живущих на одном этаже) **С. 2. Привет!** – **С. 1. Привет! Тоже мусор выносишь?** – **С. 2. Ну да** // – **С. 1** (останавливается) *Как дела-т?* – **С. 2. Да ну как... Болела вот неделю // – **С. 1. Да? А что с тобой?** – **С. 2. Да ты знаешь / и насморк / и голова болела / и горло** // *А горло вообще // прям невозможно* // – **С. 1. А у меня Ольга (дочь) сейчас болеет // Кашель / насморк** / – **С. 2. Да / и кашель** // – **С. 1. А чем ты лечилась?** – **С. 2. Ань / Да чем мы лечимся?** – **С. 1. Ну / может тебе че выписали?** – **С. 2. Да я туда (в поликлинику) и не ходила** // *Че было // «Антигриппин» // Потом еще какой-то купила другой // Короче / что было / то и пила* // – **С. 1. Ну может что-то хорошо помогло? Что они там (врачи) сейчас выписывают?** – **С. 2. Да нет все подряд** // – **С. 1. Ну мы тоже народными средствами** // *Щас мед ей с молоком сделала* // – **С. 2. А ты куда / на работу?** – **С. 1. Ну да** // *А ты?* – **С. 2. Да тоже** // *Хочешь / подвезу ? Только я на Московской и Вольской могу тебя* // – **С. 1. Вообще эт (это) хорошее предложение** // – **С. 2. Только на заправку заедем // Мне заправиться надо // Если ты не опаздываешь...** – **С. 1. Нет** // *Тогда я быстрее / наверное / на девяностом (автобусе) // Ладно / Надь / езжай* // *Я уж сама быстрее сяду и...* – **С. 2. Ну смотри** // – **С. 1. Да нет / ладно / я сама** // – **С. 2. Ну тогда пока** // – **С. 1. Пока** // *Заходи* // – **С. 2. Ты тоже заходи** //**

Представленный разговор иллюстрирует формальное начало общения в рамках формальной вежливости с использованием специализированных средств (*Привет – привет*) и затем переход к неформальной коммуникации, где осуществляется этикетное общение (в широком понимании этикета [Рисинзон, 2010]), в основе которого косвенно выраженная вежливость. Сигналом к неформальной коммуникации стала остановка в движении (выбрана удобная для этого дистанция) и, возможно, менее формальный вариант вопроса *как дела?* с

разговорной частицей *то* в ее усеченном варианте (*как дела-т?*). В небольшом по времени диалоге проявились соседские отношения: общение на *ты*, знание членов семей и их имен, установка на возможность получения нужной информации (*А чем ты лечилась?*), оказания услуги или помощи (*Хочешь / подвезу?*), желание продолжить отношения (*Заходи – Ты тоже заходи*).

При бесконфликтном взаимодействии соседней важным показателем неформального ОЗ является взаимная вежливость, которая проявляется в двустороннем использовании не столько специализированных этикетных средств (их может вообще не быть), сколько неспециализированных – в гармонизирующих стратегиях и тактиках. Например, представленный разговор двух соседок явно строится на основе кооперативной стратегии с ориентацией на адресата. В нем реализуется тактика, направленная на подчеркивание совпадений в действиях, убеждениях, стремлениях и т. п.: *Тюже мусор выносишь? – Ну да //; А у меня Ольга болеет; Ну мы тюже народными средствами; Да / и кашель; Да тюже; Ты тюже заходи* // Большую роль в этом играет *да* (11 словоупотреблений), и союз *тюже* (4 словоупотребления). Проявляются и другие этикетные тактики, например, тактика заботы и участия; обмена личной, интимной информацией, например, о состоянии здоровья; предупреждения нежелательных последствий (*Мне заправиться надо // Если ты не опаздываешь*), приглашения в гости.

В среде соседней складывается особая система именованной в обращениях и вне обращений. В обращении обычно используется одно именование. Мы провели опрос двух жительниц (С. 1. 75-ти лет и С. 2. 55-ти лет) городских многоквартирных домов. В результате получили две системы распространенных в этих кругах именованной при статусно равных отношениях. Именования в кругу пожилых соседок (70–85 лет) при обращении и вне обращений: *Афанасьевна* (по отчеству), *Антонина Васильна*, *Клавдия Димитривна*, *Нина Александровна*, *Антонина Сергеевна*, *Ольга Иванна*, *Галя*. В зависимости от степени близости при обращении реализуется общение на *ты* или на *вы*. В этом кругу саму С. 1. зовут *Рита* и на *ты*, а одна из соседок зовет *Маргарита Григорьевна* (хотя паспортное имя-отчество *Рита Григорьевна*). С 1. известна фамилия только одной соседки.

Именования при обращении в кругу соседней женщины С. 2 (возраст 50-58 лет): *Дим*, *Миш*, *Надь*, *Валь*, *Свет* при общении на *ты*; с соседями, чьи фамилия, имя и отчество неизвестны – на *вы*. Вне обращения распространены именованной по краткому или пейоративному имени иногда с фамилией (*Надя*, *Димка* / *Димка Определенцев*, *Светка* /

Светка Иванова); только по фамилии (имя неизвестно) *ПолИвец / ПолиЕц* (точное произношение фамилии неизвестно). Обобщенное именование соседей-членов одной семьи – по фамилии: *Ивановы, Определенцевы*. Часто фамилия, отчество и даже имя остаются неизвестными. В этих ситуациях личные именованья нередко заменяются метонимическими – *со второго этажа, с третьего подъезда, наверху* и т. п.: *Со второго этажа сегодня прибежали / Льется у них //; Наверху без конца топают как лошади //*. Выбор *ты* или *вы* также обусловлен характером отношений.

Общение знакомых людей, в том числе и соседей, безусловно, требует более глубокого и всестороннего лингвистического исследования, не ограниченного рамками одной статьи. Для нас такое исследование важно, поскольку оно дополняет знания о современном устном неофициальном общении во всех его проявлениях. Нельзя не отметить и социальную значимость обращения к сфере обыденного ОЗ. Автором записаны слова молодого человека – участника шоу Андрея Малахова «Пусть говорят» от 21. 06. 2011, посвященного судьбе ребенка, Жени Барсукова, доведенного родителями до одичания, которые свидетельствуют о потребности в неформальной, неравнодушной коммуникации в сфере повседневной коммуникации: *Обичал не ребенок // Обичали все мы // <...> Мы просто потеряли человеческое лицо все // И я вот понимаю в контексте этой идеи / что мы должны знать / кто живет на нашей соседней площадке да? Особенно вот москвичи // Да? Ну мы же вообще этого не знаем // И каждый сидит в своей норе и грызет свою кость // А в соседней норе сидит такое же животное / которое уже ест своего ребенка // Нам это все равно //* Конечно, это эмоциональное высказывание не может характеризовать все общество, но проявление равнодушия к окружающим людям, формальная коммуникация там, где эффективнее могла бы быть неформальная, приводит не только к коммуникативным, но и к социальным рискам.

Литература

- Байкулова А.Н. Неофициальное общение и его разновидности : критерии выделения и реальное функционирование. Саратов, 2012.
Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий : Варианты речевого поведения. М., 2009.
Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4.
Живая речь уральского города. Тексты. Екатеринбург, 1994.

Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 2005.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина. М., 2010.

Рисинзон С.А. Общее и этнокультурное в русском и английском этикете. Саратов, 2010.

Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.

ФАУНИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА АЛТАЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ЭТИМОЛОГИЯ)¹

И.А. Бедарева, Т.И. Орехова

Ключевые слова: говоры Алтая, тематическая группа, этимология, региональная лексикология.

Keywords: sub-dialects of Altai, theme group, etymology, regional lexicology.

На протяжении XX века лингвисты неоднократно указывали на утрату целостности территориальных диалектов. Однако постулат о быстрой отмирании русских диалектов во многом оказался фикцией. Некоторые языковеды объясняют свое заблуждение как результат идеологических установок того времени, реальную же языковую практику они не учитывали [Калнынь, 1997, с. 115-124].

Специфические диалектные явления в иных экстралингвистических условиях обнаруживают различную степень устойчивости. Наиболее изменчивыми оказываются факты диалектной лексики. Но наблюдения показывают, что и эта часть языка в определенных регионах имеет место быть до настоящего времени. Локальные лексические особенности сохраняются не только в Европейской России, их можно наблюдать и во вторичных говорах Алтая, Сибири и Дальнего востока.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта Российского гуманитарного научного фонда «Наименования птиц в русских говорах Алтая» (проект №13-14-04003 а(р))

Системный анализ региональной лексики составляет одну из важных и актуальных проблем современной лингвистики. Дialectы русского языка исследователи характеризуют как чрезвычайно сложные языковые системы, которые отличаются от литературного языка не только наличием особых диалектных слов, но и характером парадигматических и синтагматических связей слов. Изучение отдельно взятой диалектной системы в полном объеме - задача чрезвычайно сложная, поэтому среди диалектологов в настоящее время все большее признание получает исследование системных связей и их особенностей в рамках отдельных лексических групп.

Специфика русских говоров Алтая обусловлена иноязычным окружением на протяжении всей их истории: говоры формировались в тесном контакте с алтайским, казахским, польским и другими языками. Это не могло не сказаться на различных языковых уровнях диалекта, особенно лексическом уровне как самом подвижном в языковой системе.

Жизнь коренного населения Республики Алтай и Алтайского края испокон веков тесно связана с природой, лексика растительного и животного мира охватывает практически все сферы хозяйственной деятельности и промыслы местного населения, тем самым составляя значительную часть их словаря.

Наименования птиц – это одна из наиболее изученных лексических групп. Новизна данного исследования определяется тем, что названия птиц в заявленном аспекте на материале русских говоров Алтая не подвергались целенаправленному изучению.

Как показывает обзор исследований, посвященных тематической группе «Наименования птиц», многие лингвисты изучали эту тему с разных сторон. Однако, наш материал – названия птиц в говорах Алтая (в заявленном аспекте) – исследованию не подвергался, в то время как для этимологии и истории языка каждое новое слово, новое значение ценно и актуально.

Слова, называющие особенности материальной или культурной жизни людей какой-либо территории, не получили однозначного толкования в лингвистической литературе. По своей природе они тесно связаны с такими видами лексики, как диалектизмы, экзотизмы, этнографизмы, заимствования и даже иноязычные вкрапления [Соколянская, 2006, с. 27-28]. Под *регионализмами* понимаем слова и выражения, обозначающие реалии (природные и социальные) определенной местности и функционирующие более или менее регулярно в литературных текстах (устных и письменных) с номинативно-терминологической или стилистической функцией.

Одно из важнейших свойств *регионализма* - направленность на реалию определенной местности. Можно заметить, что данный признак объединяет лексику *этнографическую* и *экзотическую*.

В отечественной лингвистике нет единого толкования термина *этнографизм*. К этнографизмам относятся слова *лапти, сарафан, валенки, соха*, которые имеют статус устаревшей исторической лексики. Этнографизмами (этнографическими диалектизмами) являются слова, называющие предмет, известные лишь в определенной местности. Например, *шанежки* – «пирожки, приготовленные особым способом», *фатка* - «легкий платок». Этнографизмы не имеют и не могут иметь синонимов в общенародном языке, так как сами предметы, обозначенные этими словами, имеют локальное распространение. Большинство исследователей (Н.М. Шанский, А.В. Калинин, Е.Н. Этерлей и др.) считает этнографизмами только названия предметов, характерных для быта, хозяйства, культуры той или иной территории или народа. Другие (например, О.Н. Нечаева) относят к ним также слова, отражающие особенности природы, рельефа, флоры и фауны определенной местности [Соколянская, 2006, с. 34-35].

Многие исследователи предлагают называть лексические диалектизмы «периферийными терминами», так как они являются обозначениями столь же специальных явлений природы, элементов ландшафта, флоры и фауны, что у общенационального языка не возникло потребности выработать для них специальных наименований [Соколянская, 2006, с. 42].

Конкретным материалом для исследования региональных фаунистических номенов послужили 97 лексем, извлеченных путем сплошной выборки из «Словаря русских говоров Алтая» [СРГА, 1993].

Описание материала осуществлялось следующим образом: на основе обобщения однородных мотивировочных признаков этимологически прозрачных лексем формировалась общая семантическая модель. Частные семантические модели связаны с разнообразным «воплощением мотивировочного признака в группах слов» [Чернышева, 1988, с. 330]. Интерпретация слов, трудных в этимологическом отношении (с затемненной внутренней формой), производилась отдельно. Заимствованные лексемы распределялись по источникам заимствования.

В исследовании названий птиц Алтая мы акцентируем внимание на семантическом аспекте и этимологии. Семантическая сторона остается до сих пор самой трудной и самой уязвимой стороной этимологического исследования. Семантические процессы имеют более сложный характер, чем процессы фонетические и морфологические – в них менее улавливается постоянство и закономерность. Это связано с тем, что морфологические и фонетические процессы в основном внутриязыковые, тогда как семанти-

ческие выходят за пределы языка в области мышления и психологии или к истории, социологии, быту. Основными терминами в нашей работе являются тематическая группа, семантическая модель, внутренняя форма слова, истоки изучения которых лежат в трудах М.М. Покровского, Ф.П. Филина, Г.В. Судакова, И.В. Крушевского и их последователей.

Названия птиц с прозрачной внутренней формой в исконной группе составляют 76 лексических единиц и распределяются по семи общим семантическим моделям, образованным на основе мотивировочных признаков. Кроме того, разнообразие воплощения мотивировочных признаков (их конкретизация) способствует выделению частных семантических моделей.

1. Семантическая модель, основу которой составляет мотивировочный признак «звукоподражание»: *гогляха, гусиха, жаворонушки, журав, журавель, зуй, каркаль, вохтунья, вохтуха, вохча, вочка, клохтуха, клохтуша, клочка, клошка, коростыль, корхаль, крохолиха, крякуха, крякунья, какушка, кокушка, курка, куричонка, курушка, кукавеночка, пигалица, пигалка, пугач, свистун, тетерюха, цурик.*

2. Семантическая модель, основу которой составляет мотивировочный признак «внешние особенности птицы»:

2.1. «Общий внешний вид птицы»: *красавка, мыльра, пырун, пырушка,*

2.2. «Форма частей тела»: *косатая, косачиха, шильце, шилохвостка.*

2.3. «Окраска»

2.3.1. «Общая окраска»: *сероселезняха, рябок, рябуха, желна, белуха, черняк, чернушка, чернядь, черлядь, черныш.*

2.3.2. «Окраска отдельных частей тела»: *белоглазка.*

3. Семантическая модель, основу которой составляет мотивировочный признак «место обитания»: *болотная курочка, польской голубь, дуплянка.*

4. Семантическая модель, основу которой составляет мотивировочный признак «употребляемая пища»: *мясник, мышеловка.*

5. Семантическая модель, основу которой составляет мотивировочный признак «отождествление»: *куропат, куропан, куропашка.*

6. Семантическая модель, основу которой составляет мотивировочный признак «особенности поведения».

6.1. «Образ жизни»: *дикуша, снегарек, снегури.*

6.2. «Поведение»: *пахарь, соломинка, жулан, жид, парунья, парунья, седунья, клеун, клеунья, парица, пугач.*

7. Семантическая модель, основу которой составляет мотивировочный признак «биологические особенности»: *глухарюха, кладунья.*

Представим отдельные фрагменты региональных номинаций, воплощающих в себе наиболее яркие мотивировочные признаки представителей фауны горного и степного Алтая.

Семантическая модель, основу которой составляет мотивировочный признак «звукоподражание», – самая многочисленная, включает 32 наименования. Рассмотрим следующие.

Пигалица – «чибис» [СРГА, 3(2), с. 56]. *Пигалка* – «степной кречет» [СРГА, 3(2), с. 56]. Слово *пигалица* отмечено в «Рукописном лексиконе» первой половины XVIII века [И-ЭСЧ, 2, с. 30]. Этимологи рассматривают лексему *пигалица* как звукоподражательное образование от исчезнувшего *пиголь* посредством суффикса *-иц(а)* [ФЭС, 3, с. 258; КЭСРЯ, с. 337]. Таким образом, *пигалица* и *пигалка* являются суффиксальными образованиями от звукоподражательного *пиголь*, а *пиголь* восходит к крику *пиг-пиг*.

Пугач – «воробей» [СРГА, 3(2), с. 185]. Название птицы встречается только в говорах Алтая. По поводу этимологии слова мы соглашаемся с мнением М. Фасмера [ФЭС, 3, с. 400]. Исследователь определяет слово пугач как звукоподражательное, ссылаясь на украинское *пузу* – «крик филина».

Свистун – «порода уток» [СРГА, 4, с. 63]. Такое название птицы зафиксировано только в говорах Алтая. А.Г. Преображенский рассматривает слово *свистун* в значении «тот, кто свистит» и определяет его как звукоподражательное [ПрЭС, 2, с. 261]. Связывая сходную внешнюю форму слов, предположим, что диалектное слово *свистун* в значении названия птицы так же звукоподражательное.

Тетерюха – «самка тетерева» [СРГА, 4, с. 151]. Лексема также зафиксирована в говорах Приамурья: «Сам-то косач, а самка-тетерюха» [Приамур., с. 297]. В древнерусской письменности лексема употребляется в значении наименования птицы. Так, в XII веке в «Златоструе» зафиксировано: «Ты же Іаси тетръви и гоуси и ѳряби» [СлДРЯ, 3(2), с. 953]. В XIX веке отмечено использование слова во фразеологизмах: «Глухая тетеря» [ТСД, 4, с. 403]. В современном русском литературном языке название самки тетерева отмечено в форме *тетерка* [МАС, 4, с. 362]. Этимологи рассматривают слово *тетерев* как звукоподражательное. М. Фасмер и Н.М. Шанский определяют слово как общеславянское, имеющее соответствия в некоторых индоевропейских языках (сравните, литовское *tetervas* – «тетерев»). Слово восходит к *тетеревъ*, где *-въ* является суффиксом, присоединенным к неполному удвоенному звукподражательному корню *-тер-*. Исконно **ter-te(r)* – сочетание у восточных славян изменилось в *ере* [ФЭС, 4, с. 52; КЭСРЯ, с. 441]. Если название птицы *тетерев* дано по из-

даваемому звуку, то родственное слово *тетерюха* – звукоподражательно-го происхождения. Суффикс *-юх(а)* как и в других случаях (*гоглоха, рябуха*, и т.д.), обозначает женскую особь.

Щурик – «стриж» [СРГА, 4, с. 248]. Данное название птицы зафиксировано только в говорах Алтая. По поводу этимологии слова *щурик* мы соглашаемся с М. Фасмером и считаем, что слово происходит от звукоподражательного **ṣč̣'ir* [ФЭС, 4, с. 511].

Семантическая модель, основу которой составляет мотивировочный признак «внешние особенности птицы». Представим историко-этимологическое описание лексемы, отражающей в своем названии частный мотивировочный признак «общий внешний вид птицы».

Пырун – «индюк» [СРГА, 3(2), с. 189]. Лексема характерна только для говоров Алтая. *Пырушка* – «индейка» [СРГА, 2(2), с. 189]. В XIX веке зафиксирован глагол *пырить* в значении «топорщить, вздымать шерсть, перья и оттопыривать» [ТСД, 3, с. 547]. М. Фасмер отмечает связь наименования индюка с глаголом *пырить* «топорщить» [ФЭС, 3, с. 410]. Таким образом, название птице дано по внешнему виду, то есть по оттопыренным перьям.

Частный мотивировочный признак «форма частей тела» отражен в региональном денотате *шилохвостка*.

Шилохвостка - «порода диких уток» [СРГА, 4, с. 235]. Аналогичное наименование зафиксировано в среднеобских говорах: «*Шилохвостка - это така утка*» [Старож. Общ. 3, с. 240]. В. И. Даль отмечает внешние особенности птицы: «*Утка, у которой в хвосте 4 долгих пера*» [ТСД, 4, с. 636]. В современном русском литературном языке лексема зафиксирована в значении «утка». Пример из произведения Ю. Нагибина «Подсадная утка»: «...*шилохвостки с приметной закорючкой хвостика*» [МАС, 4, с. 715] – подтверждает то, что, птица названа *шилохвосткой* по форме хвоста, напоминающего шило. Кроме того, ученые орнитологи отмечают особенности внешнего строения птицы: «*Хвост острый, шилоподобный, черного блестящего цвета, с бледными краями*» [Брэдбери, 1983, с. 113; Флинт, 1968, с. 94].

Шильце – «То же, что шилохвостка» [СРГА, 4, с. 235]. Данное наименование зафиксировано только в говорах Алтая. Связь наименования с *шилохвостка* свидетельствует о том, что лексема *шильце* также получила название в связи с особенностями формы хвоста.

Ряд названий птиц обусловлен цветом оперения, что было подмечено диалектоносителями нашего региона.

Рябок – «рябчик» [СРГА, 4, с. 43]. Данное наименование зафиксировано также в среднеобских [Старож. Оби, 3, с. 116], красноярских [Краснояр, с. 173] говорах, имея аналогичное значение.

Рябуха — «самка рябчика» [СРГА, 4, с. 43]. Лексема встречается также в среднеобских говорах [Старож. Оби₂, с. 117]. Название *рябь* зафиксировано в памятниках древнерусской письменности XII-XIV веков. Например, в «Слове Даниила Заточника»: «Ріаб збирает птенца не токмо своіа, но и ш чужих гнѣздъ приносит іаица» [Срезн, 3, с. 229]. На данном этапе лексема имеет значение «куропатка». В памятниках старорусской письменности лексема *рябокъ* зафиксирована в значении «рябчик»: «Выми из рябка потрох и исушити вес(ь), не руша, и истол к им питии с вином добрым» [СлРЯ XI-XVII веков, 21, с. 281]. В XIX веке лексема *рябок* зафиксирована в значении «птица, из числа лесной дичи» [ТСД, 4, с. 124]. В современном русском литературном языке наряду с литературным названием *рябчик* (в значении «небольшая лесная птица семейства тетеревиных, с пестрым оперением») фиксируется также название *рябок*, имея аналогичное значение, но с пометой «областное» [МАС, 3, с. 748]. Таким образом, лексема *рябок* на протяжении истории развития значения слова обозначала птицу: в древнерусском языке – *куропатку*, на других этапах развития языка – *рябчика*. Следует отметить, что в говорах сохранилась древнерусская форма слова – *рябок*, а в современном русском литературном языке – *рябчик*. Согласимся с этимологами в том, что название птицы является производным от *рябец*, суффиксального образования от *рябь* < *ерябь*, производного от *erevъ «пестрый» [ФЭС, 3, с. 535; ПрЭС, 2, с. 959; КЭСРЯ, с. 279]. Птица названа по цвету своего оперения.

Сероселезнюха – «утка»: «сероселезнюха на озере до заморозков плавает» [СРГА, 4, с. 75]. Данное название птицы зафиксировано только в говорах Алтая. В среднеобских говорах отмечено название *селезнюха* – «утка» [Старож. Оби, 3, с. 134]. В старорусской письменности встречается название самца утки. Так, в «Псковской судебной грамоте», датируемой XV-XVI веками, фиксируется слово *селезень*: «А за утицу и за селезня и за курь и за кокошь присужат по ѿ. денги» [СлРЯ XI-XVII веков, 24, с. 41]. Также в 1650 году в «Письме к Матюшкину» встречается название птицы: «Прислать... десять утакъ и селезней живыхъ» [СлРЯ XI-XVII веков, 24, с. 41]. В этот же период фиксируется другое значение слова *селезень* – «селезенка». Происхождение данного слова не установлено, так как точных соответствий в древнерусском языке не зафиксировано. А.Г. Преображенский, Н.М. Шанский предполагают, что название птице *селезень* дано по цвету: лиловатому, как у селезенки [ПрЭС, 2, с. 992; КЭСРЯ, с. 405]. Таким образом, если в старорусский период *селезнюха*

имела значение не только самки селезня, но и обозначала птицу с лиловатым цветом перьев, то в говорах Алтая *селезнюха* обозначает только самку селезня. Добавление «*соро*» – служит для обозначения цвета птицы. Следовательно, птица названа по цвету перьев.

Чернушка – «утка нырок», *Черныш* – «самец чернети» [СРГА, 4, с. 214], *черлядь* – «утка» [СРГА, 4, с. 213], *черняк* – «гагара» [СРГА, 4, с. 215], *чернядь* «тоже, что черлядь». Данные лексемы имеют сходное значение, называя утку с *черным* оперением. Несомненно, птицы получили наименование по черному цвету перьев.

Можно отметить следующую особенность, характерную для говоров: по окраске птиц в диалектах создаются их клички. Ярким примером этому могут послужить следующие наименования: *белуха*, *пеструха*, *чернуха* – «клички куриц по цвету перьев» [СРГА, 1, с. 55]. Такие названия зафиксированы в говорах Усть-Канского района. Лексемы имеют прозрачную внутреннюю форму. Несомненно, птицы названы по цвету перьев, что подтверждается примером из говоров: «Располичам куриц по масти. Скажем: склала чернуха, там пеструха <...> белянка ли, белуха» [СРГА, 1, с. 55].

Семантическая модель, основу которой составляет мотивировочный признак «место обитания» включает три названия: *дуплянка*, *болотная курочка*, *польской голубь*.

Дуплянка – «утка» [СРГА, 2, с. 105]. В говорах наименование *дуплянка* используется для названия птиц, которые «гнездятся в дуплах» [СРНГ, 8, с. 261]. В старорусской письменности лексема *дуплянка* имела иное значение: «Долбленая кадка» [СлРЯ XI-XVII вв, 4, с. 376]. Наименование дано птице по месту обитания и гнездования.

Болотная курочка – «чирок» [СРГА, 1, с. 81]. В говорах лексема *болотный* употребляется в названиях растений, птиц, рыб, живущих на болоте. Например, «болотный кулик», «болотная малиновка», «лунь болотный», «болотный пескарь» [СРНГ, 3, с. 79]. В современном русском литературном языке лексема *болотный* употребляется в значении «живущий, произрастающий на болоте» [МАС, 1, с. 105]. Следовательно, прилагательное подчеркивает место обитания.

Польской голубь – «Голубь, живущий в поле» [СРГА, 3, с. 125]. В говорах лексема *польской* употребляется в значении «полевой, дикий, неприрученный»: «Польской голубь он шибко отличается от домашнего. В лесу-то можно встретить польских коз» [СРНГ, 26, с. 183]. Лексема употребляется также для наименования растений: «Польской мак по ложкам растет больше; польской крыжовник» [Талицк., 3, с. 29]. Впервые лексема зафиксирована в «Изборнике Святослава 1073 года» [Срезн., 2, с. 1150]. В

словаре В.И. Даля *польской* имеет значение «относящийся к полю» [ТСД, 3, с. 258]. В «Словаре русского языка XI-XVII веков» одно из значений этого слова – «степь», то есть необработанная земля, дикая, первобытная. Пример – «В лесу можно встретить польских коз» - свидетельствует, что слово *польской* в сочетании *польской голубь* указывает на то, что он не приручен: «Польской голубь он шибко отличается от домашнего» [СРНГ, 26, с. 183] – этот пример подчеркивает именно противопоставление *домашний* и *польской*, то есть прирученный, одомашненный и неприрученный, дикий, живущий в дикой природе.

Таким образом, в данной семантической модели можно отметить два способа номинации:

1. Название птицы выражено одним существительным (*дулянка*);
2. Название выражено сочетанием слов, где указан вид птицы (*голубь, курочка*) и место обитания (*болотная курочка, польской голубь*) за счет согласованного прилагательного.

Семантическая модель, основу которой составляет мотивировочный признак «особенности поведения», включает лексемы с частным мотивировочным признаком «образ жизни» и «поведение».

Снегури – «снегири», *снегарек* — по данным СРГА является уменьшительно-ласкательным к *снегирь* [СРГА, 4, с. 100]. Данное звуковое оформление характерно только для говоров Алтая. Впервые наименование птицы зафиксировано в старорусской письменности в XVI веке в «Книге ключей»: «Снегирию, порука двор» [СлРЯ XI-XVII веков, 25, с. 247]. В XIX веке [ТСД, 4, с. 245] и в современном русском литературном языке лексема *снегирь* также употребляется в прямом значении наименования птицы: «Небольшая лесная птица семейства вьюрковых, с красной грудью (у самцов)» [МАС, 4, с. 164]. Лексема имеет прозрачную внутреннюю форму. Этимологи (А.Г. Преображенский [ПрЭС, 2, с. 1066], М. Фасмер [ФЭС, 3, с. 698], Н.М. Шанский [КЭСРЯ, с. 412]) считают, что название птице дано в связи с ее образом жизни: снегирь «прилетает к нам с севера вместе с первым снегом и первыми заморозками» [КЭСРЯ, с. 296]. Лексема является древнерусским производным с суффиксом *-ырь* от *снѣгъ*. *Снѣгырь* после изменения *гы, кы, хы* в *ги, ки, хи*, преобразовалось в *снѣгырь*, а затем в результате ассимиляции *ѣ* последующему в *снигырь*. М. Фасмер предлагает сравнение наименования птицы в семантическом отношении с названиями в других языках: чешское *she hule* – птица «подорожник зимний», польское *sniegula* – то же, литовское *snieginis* – «снегирь, латышское *sniedze* – «снегирь», немецкое *Schneeammer* – «белая куропатка» [ФЭС, 3, с. 698]. Данные сравнения подтверждают связь лексем *снегирь* и *снег*.

В говорах Алтая существует большое количество наименований домашней птицы курицы. Это связано с характерной для диалектов особенностью - детализацией названий одного и того же биологического вида. Поскольку курица - важная в крестьянском хозяйстве птица, поскольку разнообразна приносимая ею польза, постольку «сознание носителей говора направлено на то, чтобы отразить в названиях наиболее важные для хозяйства свойства домашней птицы: яйценоскость, способность высиживать цыплят и т.д.» [Левина, 1973. с. 121-135].

Парица - «курица-наседка» [СРГА, 3, с. 16]. *Парунька* - «курица-наседка»: «Парунька – это, знаешь, когда курица на яичках сидит» [СРГА, 3, с. 19]. Данное наименование зафиксировано в говорах среднего Урала: «Вот паруньку вчарась согнала» [Сл. Ур, с. 393]. *Парунья* - «парунья, которая сидит на яйцах» [СРГА, 3, с. 19]. Данное наименование распространено в красноярских, среднеобских говорах в значении «наседка» [Краснояр, с. 143; Старож. Оби, с. 10]. Наименование птицы зафиксировано в старорусской письменности, в XVII веке, с аналогичным значением [СлРЯ XI-XVII, 14, с. 157]. М. Фасмер и А.Г. Преображенский объясняют происхождение слова *парунья* как производное от *парить*, сравнивая с литовским *pereti* «высиживать» [ФЭС, 3, с. 210; ПрЭС, 2, с. 739]. Считаю, что наименования *парица*, *парунька*, *парунья* имеют прозрачную внутреннюю форму и являются суффиксальными производными от глагола *парить*.

Седунья - «курица-наседка»: «Она сперва клохчет, а потом сидит» [СРГА, 4, с. 69]. В среднеобских говорах зафиксировано аналогичное наименование наседки: «У меня седунья сидит на яйцах» [Старож. Оби, с. 134]. Лексема *седунья* имеет прозрачную внутреннюю форму и называет птицу по поведению.

Соломинка — «птичка, собирающая солому на дорогах» [СРГА, 4, с. 107]. Наименование зафиксировано только в говорах Алтая. Ссылаясь на характеристику носителя диалекта: «слышу, птички поют, соломинки, они солому с дороги собирают» - мы считаем, что птица названа *соломинкой* по поведению.

Пахарь - «кулик»: «Были кулики-пахари. Он в степе жил на заливных лугах» [СРГА, 3, с. 24]. Аналогичное название кулика встречается в говорах Среднего Урала: «Пахарь, черенка, со скворса величины, ходит свистит...» [Сл. Ур., с. 395]. В говорах лексема употребляется для наименования птицы, но на всех этапах развития русского языка *пахарь* встречается в значении «земледелец» [СлРЯ XI-XVII, 4, с. 175; МАС, 4, с. 43]. Предполагаем, что птица получила название по поведению. О.П. Сологуб отмечает опосредованный способ номинации птицы - «вонзает клюв в

землю и его чутким концом пытается найти червяка» [Сологуб, 1987, с. 238-265].

На материале говоров Алтая подтверждено положение о том, что каждая лексическая группа, выделенная по тематическому принципу, имеет свой набор мотивировочных признаков, зависящий от объективных свойств самих обозначаемых объектов, что является проявлением системы языка в процессе номинации.

Основными мотивировочными признаками в фаунистической лексике являются: окраска, размер, характерная особенность, пол, возраст, качество, состояние, характер питания, место обитания, время активности животного. Данные мотивировочные признаки могут быть квалифицированы как типичные для исследуемых групп, поскольку на базе этих признаков формируются целые ряды номинативных единиц. Набор основных мотивировочных признаков в каждой семантической модели обусловлен, главным образом, внелингвистическими факторами и имеет ярко выраженную прагматическую направленность.

Литература

- Брэдбери У. Птицы морей, побережий, рек. М., 1983.
 Калнынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации // Вопросы языкознания. 1997. № 3.
 Левина Г.М. Наименования курицы в русских народных говорах // Диалектная лексика 1973. Л., 1974
 Соколянская Н.Н. Проблемы региональной лингвистики (лексикологический аспект). Магадан, 2006.
 Сологуб О.П. Типология принципов номинации (на материале русских народных названий птиц). Томск, 1987.
 Флинт В.Е., Беме Р.Л., Костин Ю.В., Кузнецов А.А. Птицы СССР. М., 1968.
 Чернышева Т.В. Русская оронимия Алтая в аспекте номинации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1988.

Список условных сокращений

- И-ЭСЧ – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : В 2-х тт. М., 1999.
 Красноярск. – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.
 КЭСРЯ – Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. М., 1975.
 МАС – Словарь русского языка : В 4-х тт. М., 1999.
 Приамур. – Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
 ПрЭС – Преображенский А.П. Этимологический словарь русского языка : В 2-х тт. М., 1986.
 Сл. Ур. – Словарь русских говоров Среднего Урала. Екатеринбург, 1996.

- СлДРЯ – Словарь древнерусского языка XI-XIV веков : В 10-ти тт. М., 1988-1991. Т. 1-4.
- СлРЯ XI-XVII – Срезневский И.И. Словарь русского языка XI-XVII веков. М., 1975-1979. Вып. 1-6.
- СРГА – Словарь русских говоров Алтая : В 4-х тт. Барнаул, 1993.
- Срезн. – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : В 3-х тт. СПб, 1890-1912.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.-Л., 1965-1987. Т. 1-23.
- Старож. Оби – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. Томск, 1965-1967. Т. 1-3.
- Старож. Оби₂ – Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна реки Оби (Дополнение). Томск, 1975.
- Талицк. – Богданов В.Н. Талицкий словарь (диалектная лексика русского старожильческого населения Талицкого сельсовета Усть-Канского района, Горно-Алтайской автономной области) : В 4-х тт. Горно-Алтайск, 1983, 2006.
- ТСД – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4-х тт. М., 1989-1991.
- ФЭС – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4-х тт. М., 1996.

ВЕРБАЛЬНЫЕ РАСИСТСКИЕ ОСКОРБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В.Н. Аристова

Ключевые слова: расистские оскорбления, вербальная агрессия, дискриминация.

Keywords: racist insults, verbal aggression, discrimination.

Во Франции, как и в большинстве европейских стран, расистские оскорбления преследуются по закону. Первый закон, осуждающий данное правонарушение был принят в 1972 году, а с 1990 года недопущение какого-либо расистского, антисемитского или ксенофобского акта гарантируется законом Гэссо. Первая статья этого закона гласит, что «*toute discrimination fondée sur l'appartenance ou la non-appartenance à une ethnie, une nation, une race ou une religion est interdite*» [La loi Gayssot, 1990] («любая дискриминация, основанная на принадлежности или непринадлежности к этносу, нации или религии запрещена»). В настоящее время за оскорбления по расовому признаку уголовный кодекс предусматривает строгие наказания – до 5 лет тюремного заключения и штраф до 75 000 евро. И несмотря на такие решительные меры в отношении обидчиков, доказать факт оскорбления по расовому признаку и наказать виновных

зачастую является сложной задачей. Далеко не всегда оскорбления выражены инвективами, представленными в словарях нецензурной лексики.

Данная статья посвящена оскорблениям по расовому признаку на примере французской лингвокультуры - одной из сложнейших лингвистических проблем, которой занимаются преимущественно юрилингвисты [Steuckardt, 2008, Lagueche, 1993]. Подобное выделение проблемного поля исследования предполагает необходимость ответить на ряд вопросов, а именно: какие средства выражения расовой нетерпимости зафиксированы французскими словарями, как подобная нетолерантность может реализовываться в речи, и что грозит обидчику за употребление расистских оскорблений.

Расистские оскорбления во французском языке передаются двумя терминами – «*injure raciste*» и «*injure raciale*», которые в большинстве случаев используются как синонимы. Однако следует отметить, что термин «*raciste*» все же ближе к выражению ксенофобии, в то время как «*raciale*» в первую очередь передает идею принадлежности к определенной расе или этносу [Internaute.com..., URL].

Анализ ряда словарей демонстрирует возможности языка для инвективных расовых номинаций [Cellard, 1991; Enckell, 2004; Guiraud, 1975]. Инвективные обозначения имеют немцы – *boches, alboche, chleu*. Американцев называют *amerlo, amerloque, ricain*. Для англичан наиболее распространенными словарями называют *anglish, bifteck, rosbif*. Китайцы – *chinetoque*, итальянцев называют *italboche, macaroni, rital, spaghetti* и др.

Бельгиец может быть назван *belgico*. Здесь, впрочем, необходимо отметить, что и само слово *Belge* (*бельгеец*), произнесенное в определенных обстоятельствах, может восприниматься как ругательство. Так, желая назвать кого-то медлительным и неумным, иногда говорят: «*T'es Belge, quoi*». Отдаленно это напоминает русское замечание «*Ну ты и чукча!*».

Существуют инвективные названия для евреев: *feuj* (*verlan*), *youpin, youtre*. Наиболее широк синонимический ряд инвективных номинаций для арабов: *arbi, arabicot, bic, bicot, bounoul, crouillat, crouille, melon, rat, raton, sidi, tronc (de figuier), rital, malon, schleuh* – их насчитывается более двадцати. Представительницы арабской культуры также подвергаются расовой дискриминации: *Fatma, Moukère, Mousmé*. При подобном анализе очень четко прослеживаются сложившиеся национально - культурные стереотипы.

Рассмотрим несколько наиболее обсуждаемых в интернете, прессе и на телевидении скандалов, связанных с расистскими оскорблениями за

последние три года. Большинство из них связано с деятельностью 17-й Палаты парижского трибунала¹.

1. Летом 2011 года на сайтах известных французских газет и журналов (Le Point, Le Monde, Le Figaro, а также телеканала France 24) появилась информация о том, что Брис Ортефе – министр внутренних дел (2009-2011) и депутат Европейского Парламента с 2011 года – был оштрафован на 750 евро Исправительным судом Парижа, который признал расистским оскорблением его шутку в адрес партийного активиста с арабскими корнями [Brice Hortefeux..., URL]. Сам инцидент произошел в 2009 году во время визита министра в летний молодежный университет правящей партии «Союз за народное движение» в Ландах. Министр, стоя рядом с активистом арабского происхождения по имени Амин Беналия - Бруш, про которого ему рассказали, что он ест свинину и пьет пиво, сказал: *«Ah mais ça ne va pas du tout, alors, il ne correspond pas du tout au prototype alors. C'est pas ça du tout»*. («Это никуда не годится, это не соответствует образцу»), добавив позже: *«Il en faut toujours un. Quand il y en a un ça va. C'est quand il y en a beaucoup qu'il y a des problèmes»* («Когда он один, все хорошо. Проблемы начинаются, когда их становится много»). Видеозапись этого общения появилась в интернете. Б. Ортефе заявил, что не имел в виду этническое происхождение юноши и даже дал понять, что имел в виду жителей французского региона Овернь. Однако Движение против расизма и за дружбу народов (MRAP)² подало на него в суд за «публичное расистское оскорбление», а глава движения Мулуд Аунит заявил в суде, что слова Ортефе были «небывалым оскорблением», которое может «очень сильно ранить» [Brice Hortefeux relaxé..., URL].

Высказывания Б. Ортефе были признаны расистским оскорблением, прежде всего, за употребление слова «*prototype*» по отношению к человеку, суд счел его «malheureux et incongru» («неуместным и презрительным»). Фраза «*il ne correspond pas du tout au prototype*» выражает идею, что арабы, проживающие во Франции, похожи друг на друга, обязаны быть мусульманами и следовать всем заповедям ислама. И только молодой Амин является исключением. Подобное высказывание, по словам судей, «*peut surprendre ou choquer, au regard du principe républicain de laïcité*» («удивить или шокировать с точки зрения светского государства»), но для араба не является оскорбительным. Что касается фразы бывшего министра «*c'est quand il y en a beaucoup qu'il y a des problèmes*», то она была признана судом «безусловно крайне оскорбительной» («*incontestablement*

---

¹ 17 chambre de tribunal correctionnel de Paris

² Mouvement contre le racisme et pour l'amitié entre les peuples (MRAP)

outrageante»), поскольку называет всех арабов источником проблем. Необходимо также отметить, что отягчающим обстоятельством обвинения в расистских оскорблениях является публичный характер высказывания. В результате Б. Ортефе заплатил не только 750 евро штрафа, но и должен был перечислить 3588 евро на банковский счет антирасистской организации MRAP. Впрочем, апелляция, поданная бывшим министром, была рассмотрена, и 15 сентября 2011 года его признали «непричастным к делу», поскольку адвокатам удалось доказать непубличный характер замечаний Ортефе [Hortefeux mis «hors de cause»... , URL].

2. В ноябре 2012 года в газете «La Dépêche» была опубликована статья, в которой сообщалось, что на юге Франции в маленьком городе Сальмиеш (департамент Авейрон) состоялось слушание дела, возбужденного по факту расистских оскорблений. Мужчина (его имени не называют в СМИ) подвергся вербальному нападению на улице – отец в состоянии алкогольного опьянения и сын преградили ему дорогу, после чего последовал «первый расистский намек» («une première allusion raciste»). Мужчина ничего не ответил, отец с сыном сели в автомобиль, отъехали, но дали обратный ход и продолжили оскорбления: «*Sale arabe, qu'est-ce que tu fous ici? On va te démolir*» («Грязный араб, что ты тут делаешь? Мы тебя прибьем!»). Чтобы не доводить дело до драки, потерпевший ничего не ответил, но узнав позднее, что он стал не единственной жертвой расиста, решил подать на обидчика в суд. Дело он выиграл, его обвиняемого (который не явился на слушание дела) приговорили к одному месяцу тюремного заключения условно и возмещению морального ущерба [Salmiech, URL].

3. Громкий скандал в январе 2012 года был связан с именем французской актрисы и певицы Мари Лафоре. Организация по борьбе с расизмом (MRAP) подала на мадам Лафоре в суд за опубликованное объявление на сайте www.lememo-nettoyage.com о приеме на работу персонала для ведения домашнего хозяйства. Текст объявления содержал следующую информацию: «*Deux heures chaque lundi, mercredi, vendredi ou samedi. Petit chien (chihuahua); allergique ou musulman orthodoxe s'abstenir*». («Занятость – 2 часа по понедельникам, средам, пятницам или субботам. Маленькая собака (чихуахуа); аллергиков или ортодоксальных мусульман просим не предлагать кандидатуры»). Антирасистская организация была возмущена фразой «*Petit chien (chihuahua); allergique ou musulman orthodoxe s'abstenir*», которая, по сути, приравнивает аллергиков и мусульман и просит не беспокоить ни тех, ни других из-за маленькой собаки. Адвокаты Мари Лафоре пытались доказать, что певица знает «*le statut du chien dans l'islam*» («статус собаки в исламе»). Собака является для орто-

доксалных мусульман нечистым животным. По словам адвоката, Мари Лафоре «n'avait aucune intention raciste» («не имела расистских намерений»), особенно принимая во внимание тот факт, что ее сына зовут Меди Абрахам, ее служанку – Фатима, а сама она является исполнительницей нескольких песен, восхваляющих дружбу народов и толерантность (как, например, «Ivan, Boris et moi»). Но французское законодательство решительно осуждает отказ приема на работу по расовым причинам, предусматривая за подобное правонарушение до 3 лет тюремного заключения и 45 000 евро штраф¹.

Мари Лафоре была оштрафована на 500 евро за объявление, в котором, по сути, не было ни одного выраженного вербально расистского оскорбления. В прессе отмечают, что объявление следовало бы сформулировать иначе, отметив в нем наличие в доме собаки «pour que les candidats à son offre d'emploi ne tolérant pas cet animal, pour des raisons de santé, religieuses ou autres, renoncent d'eux-mêmes et en toute liberté à postuler, sans qu'il soit aucunement nécessaire de leur signifier de "s'abstenir"» («для того, чтобы кандидатуры, плохо переносящие это животное по причине здоровья, религиозной или другой, сами отказались от идеи предлагать свою кандидатуру, не заявляя им открыто «воздержаться» от предложения своих кандидатур») [Monfort, 2008].

4. Французский совет мусульманского культа (Le Conseil français du culte musulman – CFCM), получив десять писем с оскорблениями и угрозами в свой адрес, 12 апреля 2012 года подал жалобу в суд. Дело находится на рассмотрении. Письма содержат откровенные оскорбления в адрес мусульман: «*Musulmans, vous êtes cruels et débiles, je vous souhaite de mourir halal en souffrances continuelles*», «*Faites le ménage chez vous, sinon ça ira très mal*», «*Assimilez-vous ou partez en terre d'Islam*», «*Musulmans, bouffez du porc et foutez-nous la paix*», «*Charles Martel a arrêté les Arabes à Poitiers, ils sont maintenant dans nos cités*». Уничтожению подвергаются обычаи мусульман и порядки, подчеркивается их агрессия и провоцируемые ими беспорядки. Самих мусульман называют не иначе, как «*cruels et débiles*». В целом, как свидетельствует последний от 2012 года доклад Общины против исламофобии², исламофобские акты в 2011 году выросли на 58,5% по сравнению с 2010 годом [Le CFCM porte..., URL].

5. В феврале 2013 года мэр города Вернуийе, Мари-Элен Лопез Жолливэ (Marie-Hélène Lopez Jollivet) подала иск в суд на неонацистский сайт www.propagandes.info за расистское оскорбление содержащееся в статье

---

¹ le Code Pénal, article 225-1

² Collectif contre l'islamophobie en France – CCIF.

«Vernouillet – réductions sur les Rond-points et sur les costumes Levy Prêt-à-Porter» [Steuckardt, 2008]. Автор публикации (фамилия которого не называется, стоит подпись «by admin») упрекает М.-Э. Лопез в том, что последняя потратила 287 819 евро на строительство кольцевой дороги, украшенной скульптурами современного искусства. Ставится мэру в вину также тот факт, что она запретила проведение нео-нацистского рок-концерта: *«Le maire PS est une femelle néojuive du nom de Marie-Hélène Lopez-Jollivet. On dit néojuive car de toute évidence, elle en croque, par exemple en 2012, elle s'est vantée d'avoir fait interdire, par arrêté, un concert «néo-nazi» programmé à Vernouillet. Raison invoquée? Toujours pareil, «Incitation à la haine raciale», «Apologie de crimes contre l'humanité» <...> autrement dit, censure juive sur la shoahnanas»*. Далее в статье приводятся доказательства того, что у мэра еврейские корни, таким образом, национальность используется как оскорбление: *«Quant au Juif Lopez, qui était le médecin d'Elisabeth d'Angleterre, il touchait naturellement, mais celui-là fut pendu. Lopez s'était chargé d'empoisonner sa souveraine comme on a empoisonné Félix Faure, comme on a suicidé ou supprimé tous ceux qui pouvaient gêner le Syndicat...»* [Fieschi, URL]. Сочтет ли суд виновным автора статьи на сайте «propagandes.info» или нет – станет известно через несколько месяцев. Но употребление таких выражений, как *«femelle juive»*, *«shoahnanas»* (*shoah+nana*) – являются не только расистскими оскорблениями, но и гендерными – женщине ставится в вину то, что она является женщиной, «низшим существом».

6. В изданиях «Libération», «L'express», «20 minutes» в октябре 2012 года появилось сообщение о том, что французский актер и юморист Жан-Франсуа Дерек осужден за расистское оскорбление охранника [Jean-François Dérec₁, URL]. 21 ноября 2011 года в Театре на Елисейских Полях в Париже актер хотел пройти к Ги Карлие, но был остановлен охранником, которого назвал *«sale nègre»*. Суд вынес наказание – штраф 2000 евро. Ж.Ф. Дерек вину свою не признал, заявляя при этом, что для него, польского еврея и яркого противника расизма, быть названным расистом – *«la pire des choses»* («худшее из того, что может быть»). Во время августовского слушания дела, актер также признал, что охранник обиделся на него за слова *«con ou de connard borné et buté»*, что касается расистского оскорбления, то он заявил: *«J'ai cru que c'était une blague...Moi si on me traitait de sale juif, je n'attendrais pas deux jours pour porter plainte»* («Я подумал, что это была шутка. Если бы меня назвали грязным евреем, я не ждал бы два дня, чтобы подать жалобу») [Jean-François Dérec₂, URL]. Истец, действительно, подал жалобу только 48 часа спустя после происшествия. Однако расистские высказывания, действительно, имели место. Вер-

бальное нападение актера в адрес охранника содержало инвективные выражения, причем не только расистского характера: *sale nègre, connard borné, connard buté*. Вряд ли подобные высказывания в адрес незнакомого человека, находящегося при этом на службе, могли носить шуточный характер.

7. Отдельная тема в прессе – опасения за будущее детей и подростков, которые пишут расистские послания друг другу в твиттере и фэйсбуке и особенно в тумблере. Отметим, что тумблер, не получивший в нашей стране столь широкого распространения, как фейсбук или твиттер, очень схож с последними. Он представляет собой сервис микроблоггинга, позволяющий пользователям выкладывать текстовые сообщения, изображения, видеоролики, ссылки, цитаты и аудиозаписи в их тамблелогии. Несколько месяцев назад в англоязычном и франкоязычном тумблерах все чаще стали появляться блоги с похожими заголовками «*Coucou les racistes!*» или «*Hello There, Racists!*». Авторами являются самые нетерпимые и, как правило, еще не достигшие совершеннолетия противники Б. Обамы. В статье Э. Базелона «*«Hello There, Racists!»: fichez donc la paix à ces ados paumés*» высказываются опасения за будущее таких подростков. Действительно, возможность подобного интернет-общения способствует пробуждению крайнего радикализма, и, как совершенно справедливо отмечает Эмили Йофф: «*Ces sites ne font qu'épingler des gamins en les montrant du doigt comme des racistes permanents. Leurs remarques idiotes et répugnantes vont donc les poursuivre des années durant et risquent d'avoir des effets négatifs sur leur possibilité d'entrer dans une université ou de trouver un travail. Il nous faut donc faire preuve de beaucoup de prudence à l'égard de la vie privé des mineurs*». («Эти сайты словно сети схватывают подростков, показывая на них пальцем как на неисправимых расистов. Глупые и отталкивающие замечания будут их впоследствии преследовать долгие годы и, вполне вероятно, что негативно скажутся впоследствии при поступлении в университет или поисках работы. Надо быть очень осторожными по отношению к личной жизни подростков»). И дело здесь не столько в наказуемом характере подобного рода правонарушений, но в заботе о будущем несовершеннолетних [Bazelon, 2012].

8. В одной из своих книг «*Manifeste pour une droite décomplexée*» бывший кандидат в президенты от партии «Союз за народное движение» Жан-Франсуа Копе поднимает проблему о так называемом «анти-белом расизме», который получает все большее распространение во Франции [Copé, 2012]. Жертвами оскорблений становятся французы, называемые «*Gaulois*» («Галлийцы»), им вменяются в вину белая кожа, французские

корни и «другая» религия. Во французском языке входит в употребление новое ругательство: «*Casse-toi, la Gauloise*».

Действительно, если расистские оскорбления в адрес арабов, мусульман или темнокожих – явление весьма распространенное и наказуемое во Франции, то теоретически оскорбления в адрес белокожих так же должны быть наказуемы. Одна из статей французского гражданского кодекса определяет расистское оскорбление непубличного характера как ругательство «*commise envers une personne ou un groupe de personnes à raison de leur origine ou de leur appartenance ou de leur non-appartenance, vraie ou supposée, à une ethnie, une nation, une race ou une religion déterminée*» [Loi du 29 juillet 1881, URL] («обращенное к человеку или группе лиц по причине их происхождения или принадлежности или непринадлежности, настоящей или предполагаемой к определенной нации, расе или религии»). Получается, *sale blanc* – это такое же ругательство, как и *sale noir*. Но, возвращаясь к оскорблению *Gauloise*, мы видим его необычный характер. Если оскорбление *nègre* считается обидным, прежде всего, в силу того, что напоминает о периоде рабской истории темнокожих, то определить негативную коннотацию в слове *Gauloise* достаточно сложно. Теоретически, оскорбления белокожих могут преследоваться по закону. Но на практике это случается крайне редко, как утверждает адвокат организации «Ликра»¹ Сабрина Гольдман [Fleuret, URL].

Описанные примеры демонстрируют отношение к расистским оскорблениям во французском обществе и позволяют сделать ряд заключений.

Во-первых, наибольшее количество громких разбирательств связано, прежде всего, с оскорблением арабов. Наблюдаемая, таким образом, частота вербальных оскорблений объясняет широкой синонимичный ряд инвективных номинаций арабов, представленный в словарях.

Во-вторых, предложенные примеры показывают, что не всегда расистские оскорбления, вызывающие широкий резонанс в обществе и СМИ, сопровождаются резкими инвективными названиями оппонентов. По сути, обвинение в расистском оскорблении может быть вынесено даже в том случае, если обидчик не употреблял вербальных расистских оскорблений, но было доказано намерение оскорбления или дискриминации оппонента. В этой связи представителям общественных профессий, и особенно политикам, приходится быть крайне внимательными в своих выступлениях.

¹ «Licra» – Ligue international contre le racisme et l'antisémitisme.

В-третьих, формируется новая тенденция, зафиксированная в языке: рост количества иммигрантов приводит к тому, что с их стороны по отношению к французам все чаще проявляется расовая нетерпимость. И даже исконно французское «Gaulois» в определенных ситуациях приобретает инвективную коннотацию.

Литература

- Albert Dauzat. Nouveau dictionnaire étymologique. Paris; Larousse, 1962.
- Albert Memmi. Le racisme. Paris. 1982.
- Bazelon E. «Hello There, Racists!» : fichez donc la paix à ces ados paumés. Slate, 28.11.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slate.fr/story/65427/twitter-adolescents-hello-racists-tumblr> (дата обращения: 17.03.2013).
- Bégasse N. L'humoriste Jean-François Dérec condamné pour injure raciste. 20 minutes. 4 octobre 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.20minutes.fr/societe/1016291-humoriste-jean-francois-derec-condamne-injure-raciste> (дата обращения: 17.03.2013).
- Brice Hortefeux condamné pour injure raciale Le Monde, 4.06.2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lemonde.fr/politique/article/2010/06/04/brice-hortefeux-condamne-pour-injure-raciale_1367948_823448.html (дата обращения: 17.03.2013).
- Brice Hortefeux relaxé sur un point de droit mais critiqué. Le Point, 15.09.2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lepoint.fr/fil-info-reuters/brice-hortefeux-relaxe-sur-un-point-de-droit-mais-critique-15-09-2011-1373600_240.php (дата обращения: 17.03.2013).
- Cellard J., Rey A. Dictionnaire du français non conventionnel. Paris, 1991.
- Copé J.-F. Manifeste pour une droite décomplexée. Paris, 2012.
- Enckell P. Dictionnaire des jurons. Presses Universitaires de France, 2004.
- Fieschi M. La maire dépose plainte pour injure raciste. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.leparisien.fr/espace-premium/yvelines-78/la-maire-depose-plainte-pour-injure-raciste-15-02-2013-2568495.php> (дата обращения: 17.03.2013).
- Fleuret G. «Racisme anti-blanc»: peut-on être condamné pour injure raciste contre un blanc? Slate. 28.09.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slate.fr/story/62483/racisme-anti-blanc-condamne-injure-raciale-justice> (дата обращения: 17.03.2013).
- Guiraud P. Les gros mots. Paris, 1975.
- Hortefeux mis «hors de cause» du délit d'injure raciale. Le Monde, 16.09.2011. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lemonde.fr/politique/article/2011/09/15/brice-hortefeux-relaxe-du-delit-d-injure-raciale_1572880_823448.html (дата обращения: 17.03.2013).
- Internaute.com. Dictionnaire online. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.linternaute.com/dictionnaire/fr/>
- Jean-François Dérec₁ – Jean-François Dérec condamné pour injure raciale. L'express, 4 octobre 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lexpress.fr/culture/scene/jean-francois-derec-condamne-pour-injure-raciale_1170360.html (дата обращения: 17.03.2013).
- Jean-François Dérec₂ – Jean-François Dérec condamné pour injure raciste. Libération, 4 novembre, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.liberation.fr/societe/2012/10/04/jean-francois-derec-condamne-pour-injure-raciste_850863 (дата обращения: 17.03.2013).
- Largueche E. L'injure à fleur de peau. Paris, 1993.
- Loi du 29 juillet 1881 sur la liberté de la presse. Article 32. Modifié par Loi 2012-954 du 6 août 2012 art. 4. [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexteArticle.do?idArticle=LEGIARTI000006419738&cidTexte=LEGITEXT000006070722> (дата обращения 19 мая 2013)

La loi Gayssot Loi no 90-615 du 13 juillet 1990 tendant à réprimer tout acte raciste, antisémite ou xénophobe. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT00000532990&dateTexte=&categorieLien=id> (дата обращения: 17.03.2013).

Le CFCM porte plainte pour injures racistes. 12.04.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.saphirnews.com/Le-CFCM-porte-plainte-pour-injures-racistes_a14272.html (дата обращения: 17.03.2013).

Marie Laforêt condamnée pour discrimination. L'express, 26.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lexpress.fr/culture/musique/marie-laforet-condamnee-pour-discrimination-dans-l-affaire-du-chihuahua_1075815.html (дата обращения: 17.03.2013).

Monfort J.-Y. L'injure dans la loi du 29 juillet 1881 sur la liberté de la presse // Outrages, insultes, blasphèmes et injures: violences du langage et polices du discours. Paris, 2008.

Salmiech. Un mois de prison pour injure raciste. La Dépêche, 15.11.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ladepeche.fr/article/2012/11/15/1489433-un-mois-de-prison-pour-injure-raciste.html> (дата обращения: 17.03.2013).

Steuckardt A. Contre une législation sur la violence verbale : les objections à la loi Thouret (22-23 août 1791) La violence verbale. Paris, 2008. Vol. 2.

Vernouillet – réductions sur les Rond-points et sur les costumes Levy Prêt-à-Porter. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.propagandes.info/blog/vernouillet-reductions-sur-les-rond-points-et-sur-les-costumes-levy-pret-a-porter/> (дата обращения: 17.03.2013).

ТВОРЧЕСТВО ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА В АСПЕКТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Л.Н. Демченко

Ключевые слова: художественная антропология, художественный текст, художественный образ, телесный образ, зооморфизм, кинесика.

Keywords: art anthropology, literary text, artistic image, corporal image, zoomorphism, kinesics.

Чингиз Айтматов - один из самых читаемых и переводимых в мире современных писателей, творчество которого вошло в сокровищницу мирового художественного слова. Айтматов выступает представителем киргизской литературы, и широко известен мировому читателю. Чингиз Айтматов по праву считается писателем интернациональным. Айтматовский человек постепенно перерастает национальные «границы» и становится вселенским человеком, но в этом «общем» всегда есть место «особенно»

му». Человек в изображении Чингиза Айтматова выступает в двух ипостасях, с одной стороны, это человек эпохальный, который становится выразителем эстетического идеала эпохи, а с другой - человек земной, связанный корнями с народной традицией, культурой, обычаями, природой.

Особенность мировоззрения Ч. Айтматова заключена в своеобразии типа художественного сознания киргизского писателя, который соединяет в себе черты как восточного, так и европейского мышления. Проза Ч. Айтматова позволяет понять другого человека, проникнуть в его внутренний мир, принять, что представитель другого народа может видеть мир несколько иначе, чем «я»; и в то же время уловить *то*, что объединяет разные народы и континенты, приблизиться к философским, общечеловеческим проблемам.

Особую роль в творчестве Ч. Айтматова играет обращение к мифологизму и мифотворчеству. Проникновение мифа в структуру художественного образа является специфической чертой айтматовского человека, что находит свое отражение в художественной антропологии писателя. Рассмотреть национальную природу айтматовского человека является основной целью предлагаемого исследования.

Телесный образ, воссозданный в художественном мире писателя, интересен, прежде всего, творческой индивидуальностью и национальным своеобразием. Творчество Чингиза Айтматова ярчайшим образом демонстрирует соединение общего и особенного, общечеловеческого и национального, что в художественной концепции представляет нерасторжимое целое.

В частности, своеобразным предстает образ кочевника. Г.Д. Гачев, рассуждая о киргизском образе мира, подчеркивает, что для мировоззрения кочевника характерно особое восприятие времени и пространства. «Пространство» превалирует над «временем». Степь – доминирующее пространство для киргизов, это, казалось бы, «пустая территория», но «киргиз не осызает в степи следов своих предков, но помнит, что они здесь витают, ощущает их присутствие, видит внутренним зрением» [Гачев, 2002, с. 548]. Кочевник как бы питается степными богатствами, травяным покровом, обширными широтами степи, из этого и складывается национальная природа образа. Национальный образ формирует и специфические кинемы¹, связанные с мироустройством в художественном сознании кочевника. Кинемы пространства и памяти являются показательными в понимании художественного образа, созданного в произведениях киргизского прозаика Чингиза Айтматова. Кинемы, по сути, выступают «памя-

---

¹ Жест в системе кинесики называют кинемой (греч. κίνημα – движение).

тью тела», чувственным ориентиром в осязаемом мире природы, изображением постоянного движения. Образ человека-кочевника – это динамический образ, который перемещается в пространстве, но в то же время устойчив в его национальной традиции.

По использованию кинем, их частотности и динамике употребления можно судить об эмоциональной природе носителя национальной традиции, а также о его принадлежности к определенному возрасту, полу, роду занятий. Размеренность движений характеризует человека как опытного, глубоко мыслящего, умеющего оценивать себя в окружающем мире. Неуверенность в выражении жеста, позы, мимики говорит о слабости характера, невозможности противостоять трудностям, с одной стороны, с другой – позволяет характеризовать субъекта как сдержанного, скромного человека интеллигентного склада. Резкость в движениях, агрессивность жеста определяют наивысшую экспрессию, вспыльчивость характера. Подобные психологические портреты поддерживаются в этом случае национальным выражением. Так, жесты применимы по отношению к старшему поколению, к женщине, во время церемоний, обрядов и др. обеспечивают такую коммуникацию, которая понятна в конкретной ситуации и определенной группе людей.

В обрисовке айтматовских персонажей значительное место отводится описанию верхней части тела, а именно – голове (лицу, носу, шее, глазам).

«Голова» в интерпретации Чингиза Айтматова предстает в различных ракурсах. С одной стороны – голова – это сосредоточение интеллектуального труда человека, с другой – обрисовка «головы» несет в себе философское осмысление современной действительности. В романе «И дольше века длится день» «голова» становится своеобразным камертоном, отражающим мифологическое и фантастическое: *голова* манкурта и земля, которая из иллюминатора напоминает *голову* младенца.

Голова выступает как сосредоточение микромира айтматовского человека. Можно утверждать, что голова является доминирующей частью тела в произведениях Чингиза Айтматова. В интерпретации киргизского писателя голова – это нравственный показатель, память, хранение вековых устоев. Голова управляет рассудком и мышлением, воплощает жизненную силу. В языческой культуре, голова ассоциировалась с верхом, главенством, интеллектуальными способностями человека, рассматривалась как средоточие жизненной силы,местилище души и носитель ума. В повести «Белый пароход» особо выделяется «большая, круглая», голова мальчика причем «на тонкой шее»: «Он мечтал превратиться в рыбу так, чтобы все у него было рыбе – тело, хвост, плавники, чешуя, – и только голова бы

оставалась своя, на тонкой шее, большая круглая...» [Айтматов, 1983б, с. 13]. В обрисовке головы мальчика наблюдается сращение с природным миром, с одной стороны, тело – «рыбье», голова – «своя», глаза – с одной стороны, «как у рыбы», чтобы видели под водой. «С открытыми потому, что рыбы в воде плавают с открытыми глазами...». С другой стороны, глаза ребенка сравниваются с глазами телка: «Ресницы у мальчика длинные, как у телка, и все время хлопают отчего-то сами по себе». Это описание мальчика Чингизом Айтматовым явилось своего рода отражением тотемических представлений о происхождении человека, что в целом и составило своеобразную философию, ориентированную на мифологическое мировоззрение.

Лицо – это неотъемлемая часть головы. Автор передает практически все изменения в изображении черт лица. Сравнение человеческого лица и других частей тела со зверем несет в себе зооморфное начало. Чингиз Айтматов выражает духовную связь человека с животным миром. Так, лицо Мылгуна после долгих скитаний по воде стало «звероподобно и ошетинилось» [Айтматов, 1983б, с. 68]. Лицо Оразкула автор сравнивает с коровьим выменем: «Его мясистое, как коровье вымя, лицо лоснилось от самодовольства и сытости» [Айтматов, 1983, с. 104]. Здесь также наблюдаются зооморфные признаки, но данное описание несет в себе негативный оттенок, поскольку Оразкул выступает антиподом положительного героя.

Создавая телесный образ, Айтматов большее внимание уделяет *глазам* персонажа. Так, в «Ранних журавлях», когда Султанмурат заглядывает при встрече в лицо Мырзагуль, он видит в нем себя: «Как и он, она стала совсем другой...за это время Мырзагуль выросла, вытянулась, и глаза светились странным, рассеянным блеском, как после болезни...любовь сделала ее похожей на него» [Айтматов, 1978, с. 150]. Глаза Мырзагуль автор сравнивает с костром: «Глаза ее, как костры на горе темной ночью»; «Глаза светились, странным, рассеянным блеском...». В повести «Белый пароход» мальчика на кордоне называли «глазастым», у него были красивые глаза «ресницы... длинные, как у телка, и все время хлопают отчего-то сами по себе» [Айтматов, 1983б, с. 29]. Сам же мальчик считает, что «... ему красивые глаза ни к чему, ему нужны такие, чтобы под водой глядеть» [Айтматов, 1983б, с. 29]. Мальчик мечтал об этом, потому-то хотел стать рыбой. Именно глаза, напоминающие глаза теленка, и одновременно с этим имеющие свойства видеть под водой, как у рыбы, и заключают в себе совмещение двух сказок, которыми определялась жизнь мальчика [Демченко, 2008]. Чингиз Айтматов подчеркивает в мальчике его дарования, его умение видеть в простом – необыкновенное, что бывает доступно

не каждому. Мальчик наделен особым взглядом художника, оттого-то мир им воспринимается иначе. Огромные камни, с которыми разговаривает мальчик, обретают свой лик и характер. Автолавка из чего-то нового яркого превращается в обычную машину, набитую разным хламом [Демченко, 2008, с. 45]. Облака в его детском воображении превращались во все то, что он захочет. «Из одних и тех же облаков получаются самые разные штуки. Надо только уметь узнавать, что изображают облака» [Айтматов, 1983б, с. 9]. Иными словами, мальчик обладал уникальной способностью видеть в простом необычное. Характеристика глаз «как у рыбы» совмещают в себе сказочное и реальное, в финале повести мальчик по авторскому замыслу не погибает, а, согласно мифологическому мировосприятию, превращается в рыбу. Когда мальчик увидел пьяного деда Момуна, лежащего с разрубленной головой Матери-оленихи, «он спустился к реке. И ступил прямо в воду. Никто еще не знал, что мальчик уплыл рыбой по реке... Не вернусь, – говорил он сам себе. – Лучше быть рыбой, лучше быть рыбой...» [Айтматов, 1983б, с. 112]. Подобное «превращение» можно увидеть во многих произведениях Чингиза Айтматова. В частности, в романе «Когда падают горы» «превращение-исчезновение» происходит в пещере, на месте гибели главного героя Арсена Саманчина и тьяншаньского снежного барса. В повести «Пегий пес, бегущий краем моря» читатель становится свидетелем того, как на его глазах происходит превращение героев и рождается миф о ветре Органе, о звезде Эмрайин, о волнах акимылгунах.

Еще один характерный образ мальчика-рыбы мы находим в повести «Пегий пес, бегущий краем моря». И в этом произведении автор уделяет внимание глазам ребенка. Киrisk в повести «Пегий пес, бегущий краем моря» стремится иметь глаза, как у совы Агукук, чтобы видеть в тумане: «У Агукук глаза такие и в тумане и темной ночью видят, как днем. На то она и сова. Вот бы мне такие глаза... Я сейчас разглядел бы, в какую сторону нам плыть, и мы быстро доплыли бы до земли и стали бы пить, пить много и долго... Вот бы мне такие глаза...» [Айтматов, 1983б, с. 112]. Мечтая о глазах и способностях как у совы, мальчик по замыслу писателя условно хотел бы превратиться в птицу.

В произведениях Чингиза Айтматова животные, в свою очередь, наделяются человеческими чертами. При описании Рогатой Матери-оленихи, прародительницы рода, наблюдается сращение мифического и реального. Воплощение ее телесного облика свидетельствует о том, что мальчик действительно видит ее в реальности: «Прямо перед ним, на другом берегу, у воды стояли три марала. Настоящие маралы. Живые они пили воду, и, кажется, уже напильсь...» [Айтматов, 1983б, с. 70]. Особо

киргизский прозаик описывает глаза Рогатой Матери–оленихи: «Глаза у нее большущие, смотрят с укором и грустью». «Все так же пристально смотрела на мальчика добрыми, понимающими глазами. А глаза у нее были большущие, темные и влажные». Наблюдается раздвоенность в описании Рогатой Матери–оленихи, в которой узнается одновременно и лик животного, и образ человека. Также глаза Рогатой Матери–оленихи наполнены пониманием, душой, состраданием, любовью. Г. Гачев называет их «глазами Богоматери» [Гачев, 2002, с. 278]. И неслучайно к ней обращается далее с эпитетом: «пресвятая», который есть собственный эпитет Богоматери. «Рога же – красота одна: развесистые, будто сучья осенних деревьев». Поэтому она ассоциируется не только как животное-человек, но как дерево, растение – атрибут леса. Глаза Матери–оленихи обращают нас к мифологическому уровню, они даруют свет и надежду, жизнь, но страшная сцена истязания головы марала приводит мальчика к отчаянию, он внутренне переживает конец всем его сказкам, конец его микромира. Это эпизод связан опять же с Оразкулом, когда страшный топор Оразкула пришелся поперек глаза маралихи, который и после смерти животного продолжал смотреть, мальчик вскрикнул, ему стало дурно, он увидел, как «из развороченной глазницы хлынула темная, густая жидкость. Умер глаз, исчез, опустел...». Можно сказать, что точно так же померкли мечты и сама жизнь мальчика.

Как можно заметить, верхняя часть тела человека превалирует в описании айтматовских персонажей. Не менее значима и средняя часть. В этом случае особо выделяются спина, грудь и руки.

«Спина – наиболее уязвимая часть человеческого тела, так как она не защищена, и одновременно важнейшая часть среднего тела. Она символизирует силу, устойчивость тела (прямая/сгорбленная спина), а также идею покоя (лежать на спине) или поражения, позора (положить на спину, удар в спину, показать спину – бежать с поля боя)» [Савельева, 2007, с. 76]. Стоять к какому-либо спиной – означает быть неузнанным, скрытым, незнакомым. Так, в повести «Джамиля» внутренняя замкнутость Данияра и сдержанность в характере, даже какая-то неуверенность в поведении раскрываются и в портретной обрисовке: *«он стоял спиной ко мне. Его длинная, угловатая фигура, словно вытесанная топором, резко выделялась в мягком лунном свете»* [Айтматов, 1983а, С. 92, 93].

Грудь – это специфическая часть тела, с одной стороны – грудь несет в себе гендерное значение: грудь мужчины – сила, защита, грудь женщины – символ красоты и материнства. Но грудь также имеет отношение и к внутреннему телу, грудь сохраняет в себе сердце, как выражение нравственных ориентиров, любви, жалости, сердечности. Прижать к груди – зна-

чит выразить свое сердечное отношение к другому или проявить материнские или отцовские чувства.

Описание груди старика Органа представляет собой его стремление жить, не сдаваться, старик Орган рассуждает: «Все чем славен был, все уходит, разрушается и смерть не за горами, и лишь грудь не за горами, и лишь грудь не сдается, желания в груди, живут по-прежнему...» [Айтматов, 1983б, с. 26]. Мужская грудь (по В. Савельевой) символизирует силу, мужество, ее облачают в военные доспехи, на ней помещают награды. Мужские объятия означают защищенность и земной союз душ. Автор сравнивает грудь (вымя) животного – Матери-маралихи с грудью женщиной: «А вымя чистое да гладкое, как груди женщины-кормилицы». [Айтматов, 1983б, с. 55]. Как пишет Г. Гачев, «человек она, и говорит человеческим голосом. Так что воистину космическое существо – агрегат священных и высших качеств и способностей собран в Рогатую мать-олениху» [Гачев, 2002, с. 279].

Руки осуществляют связь между людьми, несут в себе значение ритуальности или эмоциональности, скажем, рукопожатие, прикосновение передают психологический настрой персонажа. Руки также выступают символом трудовой деятельности. В интерпретации Чингиза Айтматова руки способны перенимать на себя зооморфные особенности.

В повести «Ранние журавли» любовь Султанмурата и Мырзагуль показана через прикосновения и жесты руками: «Он протянул ей руку, а она шла к нему, все время глядя на него и улыбаясь» [Айтматов, 1983б, с. 149]. Жестом протянутой руки автор хотел показать искренность героя и что его сердце для нее открыто.

Момун учил внука здороваться со старшими за руку. «Дед говорит, что младший всегда должен первым подавать руку людям. Кто не подает руки, тот не уважает людей». «Дед Момун быстро соскочил с седла, протянул сразу обе руки». Дед единственный близок мальчику, он передает ему священные традиции народа, образует его душу примером благоговеющего отношения к людям [Айтматов, 1983б, с. 70].

Зооморфные признаки образа предстают в повести Чингиза Айтматова «Ранние журавли». Во сне Султанмурат превращается в птицу. Автор использует сказочный элемент – полет птицы-человека. «И, уже засыпая, испытал он, замирая сердцем, несказанное удовольствие полета. Странно, откуда он знал, как надо летать. Ходить, бегать, плавать дано человеку. А он летел. Не совсем как птица. Птица машет крылами. А он лишь распротер руки и шевелил кончиками пальцев. И летел плавно, свободно, неизвестно куда, в беззвучном улыбающемся пространстве». Можно предположить, что автор хотел через сон и образ птицы не с крыльями, а с чело-

веческими руками, показать период взросления героя, ощущения себя самостоятельным и готовым к труду человеком. А руки как основное средство для обеспечения себя и своей семьи необходимыми для жизни благами не могут быть ничем заменены. Г. Гачев в работе «Национальные образы мира» считает что, «всеми национальными добродетелями наделен Султанмурат вволю и вдосталь и не от недостатка, а от переизбытка его тяготению от земли. Он пышет жизненной силой, как огонь» [Гачев, 2002, с. 314].

Значительную роль в национально-духовном образе кочевника играют ритуалы, носящие религиозно-нравственный характер. Согласно мусульманской религии существует целый ряд ритуалов, которые носят элементы жестовой коммуникации. Семиотика жестов определена мусульманской традицией. Так, есть закрепленные телодвижения при совершении молитвы, в обрядах, связанных со свадебными церемониями, с похоронными ритуалами. В частности, имеются указания на некоторые движения произносящего молитву. Существует ритуал, связанный с приходом невестки в дом. В нем участвуют родственники мужа. Так, старшая сестра (олы кодагый) и мать молодого держали в руках свежеспеченный каравай хлеба и чашку меда. Кто-то из мужчин подводил к повозке теленка – символ благосостояния. На землю клали подушку. Невестка *стускалась с повозки, опираясь на теленка, и вставала на подушку*. Затем она *отламывала руками кусочек от каравая и, обмакнув его в мед, съедала*. Иногда девушку кормила медом с ложечки мать мужа. Данная традиция служила выражением добросердечия к невестке и пожелания благополучной жизни молодой семье.

В произведениях киргизского прозаика Чингиза Айтматова отражены подобного рода ритуалы, автор, опираясь на национальную традицию, придает национальному образу его художественную значимость. Так, например, в повести «Белый пароход» писатель подчеркивает почитание традиций, используя определенные кинемы: «Он молитвенно *провел ладонями по лицу, вниз ото лба к подбородку*. Мальчик сделал то же»; или в повести «Материнское поле» героиня спешивается с коня - сойти с коня воспринимается как некий ритуал. Толгонай слезает с седла, понимая, что ее подстерегает беда – весть о гибели мужа и сына. «*Ты должна слезть с седла*, Толгонай», – обращается к героине старик. Отражением киргизского образа мира, где человек понимается как всадник, единое целое, в котором просматривается нерасторжимая связь не только с природным началом, но и с образом жизни кочевника. Конь для него – это суть мироздания, лишить всадника его коня – значит лишить его смысла бытия, собственной жизни. Покрыть голову платком или снять платок – также является

своеобразным ритуалом, значение имеет и цвет платка. Вот, Толгонай наблюдает за своей невесткой Алиман: «Вспомнила, как она тогда... стояла с цветами вот так же. Только тогда косынка на ней была *красная*, а цветы *белые*, а теперь она была повязана *черным* платком и в руках держала *красные* цветы... Страшно мне было видеть, как убегала моя невестка, как бежала она в *черном* платке по *красному* полю». Такой контраст еще больше увеличивает напряженность ситуации, создавая своеобразный фон, на котором разворачиваются события. В романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» есть подобный эпизод, основанный на мифологическом сюжете. После гибели матери манкурта с ее головы срывается белый платок и превращается в белую птицу Доненбай. Крик птицы Доненбай звучит как напоминание человеку о его корнях, о его родстве.

В произведениях Чингиза Айтматова особое внимание уделяется женским образам. Особо примечательным предстает образ Джамилы в одноименной повести. В Джамиле дремали необузданные страсти и томления, отсюда ее меланхолия, мечтательность, резко переходящие в радость, буйство эмоций, чем она вызывала к себе настороженность со стороны свекрови и соседей. «...Джамиля, словно позабыв обо всем на свете, долго смотрела на закат... с таким тихим восторгом, словно ей явилось сказочное видение. *Лицо ее светилось нежностью, по-детски мягко улыбались ее полураскрытые губы*». А вот Джамиля, обиженная словами Осмона, «ходила, *мрачно насупившись*, ни словом не обмолвилась со мной и не смеялась, как прежде». И тут же с ней что-то происходит – «может, просветлело у нее на душе. Когда она глядела на закат, может, просто развеселилась от того, что хорошо работала... *Она сорвала с головы свою белую косынку и побежала за подружкой по затененному скошенному лугу, широко раскинув руки. На ветру трепетал подол ее платья. И... отлетела грусть – стоит ли думать о болтовне Осмона!*» [Айтматов, 1983а, с. 89]. Широта ее души, легкость, с какой она бежит, сливаются с простором полей, степи, с ветром. Именно так ощущает себя героиня повести. Эта же легкость, уверенность обнаруживается и в ее работе – «...*Джамиля бросалась в глаза своими уверенными, точными движениями, легкой походкой, словно бы все это происходило на просторе. И нельзя было не заглядеться на нее. Чтобы взять с борта брички мешок, Джамиля вытягивалась, изгибаясь, подставляла плечо и закидывала голову так, что обнажалась ее красивая шея, и бурые от солнца косы почти касались земли*» [Айтматов, 1983а, с. 100]. Подобная обрисовка героини позволяет говорить о художественной пластике, присущей авторской манере описания.

Таким образом, писатель, создавая образ человека, материализует его в художественном тексте, наполняя эстетической и духовной сущно-

стью. Айтматовский человек - представитель конкретной эпохи вписан в художественный мир писателя, где он обретает реальные черты, характеризующие его как носителя конкретной национальной доминанты в его пластическом выражении.

Литература

- Айтматов Ч. Ранние журавли. М., 1978.
Айтматов Ч. Собрание сочинений : В 3-х тт. М., 1983а. Т. 1.
Айтматов Ч. Собрание сочинений : В 3-х тт. М., 1983б. Т. 2.
Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия). М., 2002.
Демченко Л.Н. Чингиз Айтматов : творчество в контексте времени. Усть-Каменогорск, 2008.
Савельева В.В. Художественная антропология и творчество писателя. Алматы, 2007.

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ДЕТСКОЙ КНИГИ АЛТАЯ

Э.П. Хомич

Ключевые слова: детская литература Алтайя, литературное детство, взрослая литература, литературный процесс, «литература в литературе», «новая» литература, онтология детства.

Keywords: children literature of Altai, literary childhood, adult literature, literary process, «literature in literature», «new» literature, ontology of literature.

Детская литература Алтайского края, являясь частью литературного процесса отечественной словесности, сегодня выглядит достаточно самобытной. Уже можно говорить о некоторой сложившейся картине. Активно осваивая духовные ценности региональной культуры, «большая литература для маленьких» начинает опережать «взрослую» литературу по многим позициям. Это можно наблюдать всякий раз, когда большая литература предпочитает по тем или иным причинам рефлексии и умолчанию. В такие периоды детская литература ведет себя очень активно, вызывая к себе острый интерес со стороны взрослой. Доказательство тому многочисленные издания и тиражное их количество, а также конкурсные победы регионального, федерального и

международного уровня. Успехи детской литературы настолько убедительны, что создают впечатление о локальности ее пространства. Деление литературы на взрослую и детскую, может быть и условно, но необходимо, мы предпочитаем в этом случае формулу С. Михалкова – *«литература в литературе»*.

Если литературный процесс большой литературы на современном этапе размеренно эпичен, то характер развития детской литературы отличается динамизмом и перспективой жанрового потенциала. *«Взрослая»* литература, по преимуществу представленная прозой старшего поколения писателей, в большинстве своем воспоминательная, носит ностальгический характер и отдает предпочтение мемуарным жанрам, эссе, а также повестям, написанным в тональности шестидесятников. Как правило, это размышления писателя *«о маргинальных началах в любом и каждом»*, мысли о взаимоотношениях человека с реальностью – романное повествование о жизни, хронотоп которого предпочитает прошедшее время и топику молодости. Вектор повествования в таком случае направлен вверх по лестнице настоящего, ведущей вниз – в прошлое. Все усилия при этом соединяются для того, чтобы *«почистить память»*. *«Время и Пространство – больше нет ничего»*. *«... Взгляд все время направлен назад – обращение к себе прежнему, общение с собой прежним, восхищение собой прежним. ... нынешнего будто и не существует вовсе, будто неведомая рука сначала вычеркнула, а потом и стерла»*. *«Человек имеет право удерживать себя в прошлом»*, *«болеть от душевной неразберихи»*, *«заблудиться во времени»*. *«Навсегда сохранилось убеждение: мимо прошло лучшее, а осталось – что осталось»*. Приведенные здесь строчки из произведений А. Кирилина передают общее настроение, и ему есть объяснение.

Дело в том, что современный постмодернизм несет в себе множество эмоциональных проблем, среди них особенно звучит остро тема одиночества. В связи с этим обращает на себя внимание название книги А. Родионова – *«Одинокое дело мое»*. При всей многозначности названия семантика одиночества перекрывает другие значения. Оно созвучно словам российского писателя В. Попова о том, что писатель сейчас скорее одиночник, нежели участник литературного процесса. Однако, об одиночестве и *«очень личном»* пишет сейчас большинство из тех, кто еще пишет. Заметим, что мы не ставим своей задачей описать весь литературный процесс, а приводим, с нашей точки зрения, самые показательные для процесса примеры, которые, как правило, поощрены тем или иным конкурсом.

«*Интимизация*» (термин И.С. Кона) в литературе порождает в конечном итоге большое число биографических и мемуарных текстов. Стремясь отделить пустое от сущего, автор сосредоточен на проблеме «человек и человеческая жизнь», рассматривая ее в большей части на примере личного опыта. «*Личное*» делает автора изнутри «*причастным жизни ... изнутри ее понимающим*». С высот этой позиции формируется эстетическое отношение к герою и его миру. Если обратиться к авторитетам, то известный ученый литературовед М.М. Бахтин задачу художника в этом случае видел в том, чтобы «*найти сущностный подход к жизни извне*». Пожалуй, уместным будет добавить, что «сущностным подходом» отличилась нынче публицистика, правда, придется повториться в именах авторства, так как мэтры и есть эти авторы. Анатолий Кирилин в строгих рамках публицистики остается верным эпистолярному жанру, как впрочем, во всех жанрах верен он публицистике. Его книга «*Письма из страны великого незнания*» победила в издательском конкурсе 2012 года. В этом же году писатель стал лауреатом премии России. Общественный пафос Родионова и Вторушина тоже не остался незамеченным.

В настоящее время в литературе края представительствуют Анатолий Кирилин, Сергей Бузмаков, Александр Родионов, Станислав Вторушин. Если брать во внимание мнение психологов о том, что ностальгия является признаком старости, то, как видим, возраст лауреатов достаточно солидный. И хотя ностальгический характер региональной словесности не противоречит общим тенденциям современной отечественной литературы, а качество литературного материала, казалось бы, подтверждается победами в конкурсах (названные авторы – неоднократные лауреаты региональных и всероссийских конкурсов), прецедент литературного генералитета требует новых молодых имен. И они, нужно признаться, уже появляются. Здесь надо прежде назвать победителя издательского конкурса Александра Пешкова, автора сборника повестей и рассказов «*Таежная вечеря*», кстати с доминантой темы одиночества. Среди прозаических работ, представленных на конкурс 2012 года, эксперты в качестве перспективных авторов назвали Надежду Митягину и Алексея Денисенко.

Пока «*взрослая*» литература «*грустит и печалится*», мы попробуем создать круг юношеского чтения. Полагаю, будет справедливым открыть такой список произведениями писателей, чьи имена нами уже названы. «*Литерный на голгофу*» Станислава Вторушина, «*Письма из страны великого незнания*» Анатолия Кирилина, «*Одинокое дело мое*» Александра Родионова, безусловно, содержат интеллектуальные ресурсы

формирования и развития личности. Книги названных писателей и многие из не названных нами книг «взрослой» литературы можно переадресовать юношеству. Заканчивая беглый обзор взрослой литературы, заметим, что «*сущностный подход извне*» (по М.М. Бахтину) как точку отсчета она теряет. Равновесие литературного процесса сохраняет детская литература, выдержит она и важное для литературного процесса условие: художественное время – это прошлое, настоящее и будущее. Но прежде – настоящее. Имея это в виду, обратимся к литературе юношества или к тем книгам, которые молодое поколение выбрало для чтения самостоятельно.

Предмет нашего интереса составила повесть Юлии Нифонтовой «*Не хочу в Нормандию!*». Писательница «*без страха и упрека*» обращается к темам и проблемам «*группы риска*», будь то наркомания или «*невесты по вызову*».

«*Не хочу в Нормандию!*» - вторая книжка прозы писательницы Юлии Нифонтовой. Предыдущая, дебютная («*Шиза*»), была замечена читателями, отмечена критикой. Для меня достоинство книги, прежде всего, состоялось в том, что при всей черноте темы (речь идет о наркомании), она имеет просветляющий финал. Автор не пугает читателя, не вводит его в состояние ужаса мрачным описанием проблемы и не призывает к немедлительному искоренению социального недуга. Трезвый взгляд на вещи, понимание сложности проблемы – с одной стороны, природно-женское упование на мудрость жизни – с другой, сохраняет баланс мнений в оценках и анализе непростой ситуации. Важно и то, что повествователь, разделяя позицию писателя, не впадает в крайности, обходит авторитарность и в суждениях императивно не категоричен. Книга получилась спокойной, взвешенной. Книга-предупреждение. Без «педагогических гвоздей». Можно было бы продолжить разговор о первом прозаическом опыте Ю. Нифонтовой, но говорим мы сегодня о *другой* книге. «*Виза невесты*», «*выйти замуж за иностранца*» – темы не надуманные. Их наша, по преимуществу женская, аудитория знает не понаслышке. Во всяком случае, если кто и не был в подобной ситуации, то уж точно проецировал ее на себя. К тому же замужество нигде так не актуально, как в выездной проекции. Грамматическое исключение «*уж замуж неverteпеж*» в сюжетной ситуации повести становится парадигмой matrimониальных отношений персонажей.

Обозначенная тема располагает текст к реминисцентности, к игре ассоциациями. В этом смысле повесть неслучайно открывается реминисценцией, поскольку текст, повторимся, изначально реминисцентен: «*обыденное дело – в Париж на уикенд смотаться*». На поверхности аллюзия Бориса Шергина: «*Возьмите меня в этих хоромах, да и с мостом по-*

ставьте среди городу Парижу, где мой миленький живет). Легко угадывается реминисценция «Бесприданницы» А.Н. Островского: *«А хорошо с такой барышней в Париж...»*. Возможны и другие параллели. Понятно, что такой интертекст разоблачает героиню, поскольку все ассоциации подчеркивают мещанскую мотивацию сюжетно важного поступка. Да и по жанру повесть напоминает мещанский романс. Оговоримся сразу: *«мещанин»* мы употребляем в житейском значении *«обыватель»*, т. е. житель. По житейски расчетливо раскладывается пасьянс заграничного замужества. Однако героиня прагматичной себя не считает - ведь она возвращается в Россию, и возвращается с нимбом победительницы. В чем пафос победы? – *«НЕ ХОЧУ В НОРМАНДИЮ!» «Ты дома и душа на месте!»*.

Ситуация читается неоднозначно. Казалось бы, высмеивается ложный патриотизм, эквивалентный патриотизму Пышки Мопассана. Но дело в том, что в образе *«нищей училки из глубокой сибирской провинции»* нетнет да и выгянет профиль Юлии Нифонтовой, которая, будучи умнее и тоньше своей героини, тем не менее, оставляет за собой право на сочувствие. Оно и понятно: автору по статусу положено сострадать нашей сестре.

Надежда отыскать хотя бы одного француза, который бы соответствовал идеальной модели принца, - разбилась об быт. Но, тем не менее, только во Францию на пз-эм жэ хотяг попасть дочери совка и внучки постсовковой России, *«надеясь обрести нежную любовь в предместье Парижа»*.

К Парижу, а не к Москве, вопреки классике, прикованы взоры потенциальных невест. *«Бегство русских невест за границу приобрело масштабы государственного бедствия»*. Добавим: и получило криминальный резонанс, что, впрочем, не отбило желаний невеститься во Францию. *«Запугивают документальными триллерами про маньяков-иностранцев, что, мол, женятся на русских, чтобы всю жизнь потом издеваться. Только бесполезно – пуганые уже»*.

Одна из мотиваций обозначенного «государственного бедствия» - *«Там хоть с голоду издохнуть не дадут»*. Язык еды в повести - гастрономический код, раскрывающий ментальность героев и их несходство, которое в дальнейшем обречено на конфликтный исход. Нарастает раздражение, углубляется непонимание. Проявляется у каждого своя историческая правда, у каждой правды свой архетип. *«Марьяжный интерес»* - только фабула, сюжет развивается в диалоговой форме. В повести две ментальности, два географических пространства, две национальные кухни, два типа мышления и языкового общения. Конфликт чужое / родное определяет характер отношений и драматизм событий. В тексте достаточно много

семиотических кодов, но они, как и мифологический пласт, заслуживают отдельного разговора. Прежде чем пускаться в литературоведческие объяснения, следует заметить, что повествование (в том числе и о том, что едят французы) автор не случайно передоверил героине, сделав это для того, чтобы не путали прототип с персонажем, тем более, автора с писательницей Ю. Нифонтовой. К тому же в этом случае повествование от первого лица освобождает автора от ответственности за прямолинейность высказываний и тенденциозность образа в целом. Поскольку все перипетии сюжета в руках женщины, Франция начинается с кухни. *«Если на Родине главной статьей расходов среднестатистического гражданина было и остается – статья продуктовая, то в Европе ...»* далее по тексту подобных синтаксических конструкций будет немало. Героине *«с последней ступеньки социальной лестницы»*, на которую поставило ее отечество, контраст в пользу рая виден достаточно отчетливо, как очевидны и *«жесткие законы французского застолья»*, и *«эпохального завтрака»*. У французов есть поговорка: *«Характер нации лучше всего проявляется в трех ситуациях – в политике, в застолье и в постели»*. По этой схеме и *«протестировала»* училка из России француза месье. Результат, как говорится, *«превозмог все ожидания»*. Здесь самое время сказать о новом для автора приеме – приеме искажения. Это относится к поиску угла зрения, когда автор выбирает точку отсчета в повествовании, к содержанию повествования, к оценкам и характеристикам героини, к выводам второстепенных персонажей и, конечно, к резюме автора. Относится это и к выше упомянутому тесту. Внимательный читатель успевает заметить, что тестируются и герой, и героиня. Тест провалили оба. *«Это как на это посмотреть»*, - отреагирует проницательный читатель и будет прав, потому что мы имеем пример метода смещений. В этой связи обращают на себя внимание многочисленные пометки в тексте об искажении французского языка. Казалось бы, корректорская деталь, но как *«играет»* в тексте. Все прежние представления о Франции и о французах оказались иллюзорными и ложными, то есть искаженными.

Оппозиция свое / чужое таким образом организовала диалогическую структуру повести, что возникла на этом уровне амбивалентность повествовательной интонации, одновременно ироничной и серьезной, пафосной и критичной, сердечной и агрессивной. Тон повествования «вибрирует» от патетики к фарсу, изображение *«пляшет»*: постоянно смещается то в сторону драматического, то в сторону водеvilного (эмигрантская линейка обрзов, описание русской диаспоры, сцены с женихом).

Главное противоречие повести: мотив потерянной Родины и мотив не обретенного рая. Матримониальные отношения переходят в разряд

провинциальных. Обычно это периферийная территория текста, где «*живут и умирают*» второстепенные персонажи. Искомый принц оказался брутальным конезаводчиком (какая проза!), финал – неожиданным и отчасти бытовым.

С поэтикой искажения связаны синтез искусств в изображении реальных и окказионалистическая особенность текста. Мы имеем дело с визуальной прозой. Ее видеомы представляют собой концентрацию смыслов, выраженные графически, они иллюстративно соответствуют высокому статусу текста.

Новая повесть Нифонтовой – особый вид текста. Его видеомы – способ метафорически, изобразительно прочесть текст. Ряд смыслообразов составил знаковыми для Франции поп-артовскими предметами и символами: Эйфелева Башня, дом, фужер с вином, женская грудь. У нас в руках жанровый микс нового времени. Его образующие имеют семантику способов выражения и понимания внутреннего вида *homo sapiens* и внутреннего «я» автора. Нельзя не заметить, что средствами авангарда автор достигает эффекта реальности.

Видеомы визуально выделяются из общего текста повести еще одной особенностью: они напоминают газетные вырезки, что соответствует жанру репортажа. К финалу становится повествовательно очевидным формат отчета или отчетного доклада. Рассказ о «самом удивительном событии» в своей жизни героиня раскладывает как конспект урока, не забывая «*во-первых, во-вторых*» выделить и заканчивает свой урок выводами «*на заданную тему*». Само собой разумеется, сделано профессионально, но скучно. Одно слово – училка. И мыслит стереотипами, а они перекрывают все возможные потенции. Очень даже узнаваемый персонаж.

Не думаю, что героиня найдет абсолютную признательность у читателей (да автор и не ставил такой задачи), но то, что книга, раскрывая новые грани таланта писательницы, дает повод говорить о жанровом разнообразии, взаимодействии новых жанров и стилей в литературе Алтая, – факт уже состоявшийся.

История детской литературы показывает, что во все времена юных читателей в большей степени интересует не опыт прошлых лет в литературной интерпретации старшего поколения, а современные реалии, исследование которых должно составлять содержание молодой литературы. Для современного литературоведения актуальным становится стремление выделить прозу о детстве в особый жанр и, определив его структурообразующие признаки, назвать «*литературным детством*». Детство и Детская Книга есть главные категории детской литературы.

Чтобы выстроить траекторию литературного детства Алтая, нам понадобится небольшой исторический экскурс. Прежде всего, вспомним, что детская литература сравнительно молода в отличие от «взрослой», так называемой, большой литературы, тем более, молода наука о ней. Становление и развитие художественной литературы для детей приходится на XX век, когда в центре внимания во всех областях культуры оказывается ребенок, а детская литература рассматривается как социокультурное явление, сопровождающее в обществе развитие детской субкультуры. Не случайно XX век получает название «век ребенка»: концепт детства становится культурным феноменом, отражающим картину мира в научной и художественной традиции XX века. Художественные тенденции изображения детства получают психологическую и педагогическую нагрузку. До этого литература для детей не являлась собственно художественной – наличествовала литература обучающего и дидактического плана, она определяла пространство образовательного детского чтения. Осмысление детства как феномена человеческого бытия, наметившееся на рубеже веков, новое отношение к детству в культуре – все это способствует рождению «новой» литературы. В отличие от литературы о детях, отобранной взрослыми для организации детского чтения, в «новой» литературе жизнь ребенка входит в состав концепта «культура», и тема детства рассматривается соответственно как художественный концепт. Так зарождается новый образ детства, растет интерес к ребенку во всех сферах культуры, детство объявляется социальной и психологической ценностью, картина мира ребенка становится объектом научного и художественного исследования. Самостоятельной художественной литературы специального назначения для детского читателя, до этого периода, за редким исключением, повторюсь, не было.

Признание самоценности детства – факт осознания психологии ребенка – предопределил изображение детского мира не логикой взрослого, а мотивацией ребенка. Так на этом этапе формирования и развития детской литературы показательным ее свойством становится психологизм. «Новая» литература ищет новые формы и, осваивая их, расширяет возможности игровой поэтики. В детской литературе, по природе своей весьма подвижной, игровой, освоение новизны происходит заметно и результативно, особенно в периоды социальных перестроек.

Детская литература Алтайского края в ее художественном понимании и профессиональном исполнении обозначится своей самобытностью в эпоху шестидесятников, что связано, в первую очередь, с появлением детских писателей, чей опыт и концепция определяют будущее подростковой прозы. Талантливые прозаики Л. Квин («Мальчишечьи тайны»),

В. Сидоров («Сокровища древнего кургана», «Слабо!» и др.), А. Киселева («Алтайские робинзоны») вошли в историю литературы как профессиональные детские писатели. Алтайская робинзопада – важный фактор, определяющий детскую литературу края.

В ряду произведений литературной «оттепели» особое место занимает проза Льва Квина. «Мальчишечьи рассказы» писателя – своеобразный метатекст, онтология детства, в которой автор выступает в роли «доверенного лица» своих персонажей, «достоверно записавшего истории героев с их собственных слов, с краткими пояснениями и толкованиями без единой капли выдумки».

Детская литература в годы реформ отмечена преодолением со стороны отдельных писателей тотальной педагогики и лакировки действительности. Как правило, такие писатели были критически настроены к идеологемам этих лет – «воспитание правдой», «коммунистическое воспитание» - парадигма «счастливое детство» перестает быть общим правилом. Лев Квин - в числе тех, кто отказался сочинять облегченно развлекательные произведения. Писатель отказывается также от схемы героического ребенка, от изображения страданий детей на войне и в условиях тыла, а именно такое направление характеризовало лучшие повести и рассказы послевоенной литературы: «Иван» Ю. Богомолова, «Юрка Гусь» Ю. Козлова, «Живи, солдат» Р. Погодина и др. Для Квина, напротив, важно было уйти от трагической темы и помочь детям адаптироваться к мирной жизни. Его мальчишки верны идеалам, преданы мечте, честны в дружбе. Вырастая «из шинели» Гайдара, Квин не отказывается от традиций учителя, чье литературное влияние отразилось на его прозе аллюзиями войны, реминисценциями «Школы» и «Судьбы барабанщика», но при этом он не поэтизирует романтику пионерской жизни, не увлекается военной атрибутикой – это станет приметой другого не менее интересного писателя – В. Крапивина. Герои Квина находят иные источники героизма, преимущественно приключенческого характера. В пошаговом развитии литературы пионерского возраста выйти из общих рядов, чтобы найти свой ритм, пожалуй, без преувеличения можно считать поступком. Подростковая проза, например, А. Лиханова направлена в те годы на формирование «школы мужества», в этой парадигме можно рассматривать весь тематический блок «ребенок и война». Квин отдал предпочтение «школе выживания». Писательская концепция сопротивления стандартам обяжет его сосредоточиться на своеобразии детского мира и детской души. Главный библиотерапевтический эффект при этом достигался романтикой повседневности: в реальной и каждодневной жизни его героев всегда находился повод стать робинзонами новой действительности, позиционируя

себя искателями приключений. Таким образом складывалась линия психологически достоверного изображения детства в его самоценности.

В список авторов книг, адресованных подросткам, следует включить имя Владимира Свинцова – писатель внес существенный вклад в детскую литературу, обогатил ее опытом познавательной и приключенческой прозы. Главная тема его творчества – мир животных, главная художественная особенность – анималистическая поэтика. «Мальчишечьи» книги Свинцова составили «школу взросления», опыт которой продолжает работать в современной детской литературе.

«Большая литература для маленьких» на Алтае как явление заявляет о себе в более позднее время в сравнении с «взрослой». Поэзия детства исторически представлена творчеством Василия Нечунаева и Валентины Новичихиной. И это не просто констатация факта, если вспомнить борьбу с гендерным адресом, когда на корню уничтожали обозначения «книга для вас, девочки», «мальчикам, будущим адмиралам». С Нечунаевым и Новичихиной мы связываем гендерный дискурс регионального литературного детства. А главное: Нечунаев и Новичихина – пример позитивного детского писателя с гедонистическим отношением к миру и бережным – к психике ребенка. Безусловно, этими именами не исчерпывается весь литературный процесс, но в значительной степени он формировался под влиянием их творческих поисков. Влияние это и сегодня заметно. Убедиться в этом пытливый читатель может, читая «Большие тайны маленьких людей» О. Такмаковой, книги Л. Акимовой, Е.И. Бовиной и др.

Пройдя определенный путь развития, детская литература Алтай вошла в XXI век, имея сложившуюся жанрово-стилевую систему. Представленные жанры и стили дают повод говорить о тенденциях формирования школы и направления. Во-первых, сложился корпус профессиональных детских писателей. Это не отдельно существующие отдельные писатели или детские от случая к случаю, а целевая категория писателей, пишущих специально для детей. Они испытывают потребность в детском адресате и в анализе детства. Авторскую интенцию на потенциального читателя наука о детстве считает важным фактором, определяющим детскую литературу. Почти каждый второй писатель брался за создание детского текста (начиная с патриарха алтайской литературы М.И. Юдалевича), и случилось, что отдельные произведения стратифицировались как детская литература, но не всем удавалось задержаться в детской литературе. «Детским писателем надо родиться», – любил повторять В.Г. Белинский. Фраза стала хрестоматийной, ее часто повторяют, но что она означает по сути – никто еще внятно не сформулировал. Это, должно быть, так же трудно, как трудно быть детским писателем.

Как показывает анализ, детская книга на сегодня имеет разнообразную тематику, экспериментальную поэтику, подвижную жанровую карту, а также примеры оригинального жанрового взаимодействия и мифологию повседневной жизни. «Настроенные» на детское мировосприятие, современные детские писатели творчески осваивают приемы игровой поэтики, продвигают сюжетные ходы в диалоге с воображаемым детским читателем. Находок в «большой литературе для маленьких» достаточно, не заметить их нельзя. Это ритмико-интонационное разнообразие и серьезно-ироничная афористичность стихов В. Нечунаева, поэтика эпистолярного жанра и приемы интеллектуальной игровой поэтики в творчестве А. Никольской, объемность образного строя и детские неологизмы в поэзии В. Новичихиной, повествовательная техника освоения пространства между миром детей и взрослых Е. Ожич. В случае указанных примеров адрес детской книги выверен с учетом возрастных и психологических особенностей адресата, дидактически корректно выдержан. Во-вторых, обозначились новые имена и, естественно, появились новые издания. Среди них дебютная сказка-повесть «Егорка и Змей Добрыныч» Юстасии Тарасавы представляет собою своеобразный алтайский текст. Книга, соединившая два плана – сказку и реальность, занимательна по сюжету и патриотична по пафосу, поскольку сделана на местном материале. В художественном исполнении здесь представлена и картография (например, карта Змеиногорского района), и история села, и описание ландшафта алтайской деревеньки Усть-Порозихи, жителям которой посвящена книга. Она выдержана в критериях художественности, как с содержательной стороны, так и с оформительской. Рисунки, выполненные художником Александром Маркиным, органично «вписались» в поэтику книжки о Змее Добрыныче, характер которой во многом определил синтез искусств. Здесь важно заметить, что мы говорим о книге, эстетическое понятие о которой шире, чем понятие «литературное произведение». Феномен детской книги заключается в том, что она детская по своей природе, то есть соответствует модели детского мышления и речи. Она создается в расчете на определенную возрастную категорию читателей. Возраст книгооч, особенности его восприятия определяют характер психолого-педагогической направленности книги и тех педагогических задач, которые адресуются взрослому читателю (педагогам, родителям и воспитателям).

Предметная область современной отечественной книги значительно изменилась и расширилась. Ее репертуар отличает многоаспектность, однако главным остается знакомство детей с окружающим миром. Современная книга Алтая дает возможность говорить о ней, как о серьезном

явлении нашей культуры, а это сам по себе позитивный факт общей культуры в целом.

Книги Юстасии Тарасавы, адресованные интеллектуальному читателю интеллектуальным автором, стимулируют жить в режиме активного саморазвития и противостоять современной эпохе тотального развлечения. В этом контексте современно проявляет себя функция воспитания читателя – назидательно, но с тактом гуманной педагогики. Педагогическое участие автора в воспитании читателя проявляется не навязчиво и реализуется художественно тонко, без «лобовой атаки».

Тему малой Родины Юстасия Тарасова продолжит в книге о сырном мальчишке и о защитниках большой Родины расскажет в книге «Просьпасаемся мы». Образы несут в себе подтекст хитросплетений реальной действительности, художественный мир (реальный и фантастический), создает свою сказочную/нереальную реальность. Такова, в частности, природа сказки «Путешествие Маленького Вулканоежки». Показательна маленькая «подробность» книг Тарасавы – все они имеют посвящения, то есть все ориентированы на конкретного адресата, а это «обстоятельство», в свою очередь, определяет не только тематический аспект, но и диалогичность его содержания, что обеспечивает «собеседность» и «завороженность» повествовательного тона. Очень важно: книга воспитывает читателя-труженика, приучая его работать со справочным аппаратом, обращаться к энциклопедическим источникам. Сказка получилась и семейная, и учебная, и познавательная. Новые сказки переосмысливают традиционные сказочные образы и включают их в контекст общечеловеческих, остро современных проблем. В случае со Змеем Добрынычем мы имеем полное перевоплощение известного сказочного персонажа, которому в новом для него качестве сопутствует добрая ирония.

Подход к детству с позиций культурологических и литературоведческих расширил жанровые возможности детской литературы. С одной стороны, ее сердцем становится сказка, с другой, сказочная традиция «переживает» своеобразное преломление. Произошла трансформация жанра, появились наджанровые и жанровые модификации. Другими словами, выросла культура жанра. Однако, достигая актуальности, сказка утрачивает чистоту и подлинность жанра, что в науке о детстве рассматривается как следствие бытования произведений «в форме сказки»: повесть-сказка, сказочная история, сказка-посвящение и даже сказка-роман. В результате снизилась самооценочность сказки, но остался смысловой потенциал и сохранилось нравственное ядро.

Жанровое преломление рождает новые формы сказки. Барнаульская писательница Ирина Цхай работает, например, в жанре философской

сказки. «Сказки для маленьких и больших» - авторская редакция подзаголовка не только обозначает адресата, это принципиальное авторское уточнение жанра. В каждой жанровой картинке заключен определенный смысл, имеющий афористическую форму выражения. Притчевая интонация складывает слова в маленькие философы. В них – мудрость взгляда, мягкая назидательность, житейский совет.

Ирина Цхай – состоявшийся детский писатель, у нее есть имя, есть читатели. Среди них – как юные, так и взрослые. Двухадресность является в этом случае показателем качества детской книжки, которая сегодня востребована широкой читательской аудиторией. Сказка Ирины Цхай – посредник для того, чтобы говорить на темы, созвучные нашей душе, она обращена к чистому и восприимчивому детскому началу каждого человека. Авторские сказки Цхай имеют жизненные основания, в них «зашифрованы» человеческие истории. Как афоризмы и философские высказывания они обладают психотерапевтическим эффектом. Удивительная полифония взрослого и детского языка делает произведения автора взрослой литературой для детей. Поэтому они интересны не только детям, но даже детям. Предмет как главный герой в сказках сборника «Поющая радуга» – обычный предмет в необычном внутреннем измерении. Так, например, обыкновенный унитаз может петь при определенных обстоятельствах или не петь от смущения, а чайник может свистеть или не свистеть по деликатности. Оставаясь предметами социального мира, они ведут себя в нем как сказочные персонажи. Есть меж ними при этом какая-то особая «одушевляющая связь», атмосфера дружелюбия и хорошей компании, а в целом есть магия поэтики повседневности. И, напротив, поэтические образы переселяются из мира фантазий в мир прозаических реалий и постигают прагматический смысл человеческого поведения и общения. Ожившие вещи и предметы способны действовать самостоятельно.

Жанровое своеобразие сказок объясняет во многом синтез искусств, являющийся основополагающим принципом поэтики «Поющей радуги». Музыка, живопись, лепка как составляющие игровой поэтики, ее формообразующие – кредо автора-художника. Мировоззрение художника определило разноцветье книжки, а это в свою очередь определило психологические предпосылки сказкотерапии. Читатели детского возраста очень любят иллюстрировать тексты сказок Ирины Цхай. Цхай не просто писательница, она - творец, создатель книги, которая является предметом искусства – артефактом. Аналогов в литературном детстве Алтая нет.

«Стильное перо» - так отмечен дебют Елены Ожич («Как я ничего не ела», «Города, которых нет»), автора жанра «педагогического фэнтези». Описание как прием в произведениях Елены Ожич рассчитано на сильное

эмоциональное воздействие, соответствующее силе чувства, вложенного в него автором, который «шифрует свой родительский опыт в надежде, что он будет полезен еще кому-то». Причудливая логика мыслей и поступков своих персонажей, мгновенная смена их настроений, поэзия детских неологизмов – все это мастерски передано писательницей.

Как уже было замечено, сегодня в детскую литературу пришли интересные художники слова и графики, живописцы. Иллюстрации художников соответствуют высокому статусу детского текста, подчеркивают эстетическую самостоятельность каждой отдельной детской книги. В числе художников детства Ольга Матушкина, Тамара Плотникова, Лариса Рябинина, Елена Абдуллаева, Елена Черныш, Александр Маркин. Воспитательный дискурс детской книги, изданной на Алтае, нашел свое оригинальное воплощение в синтезе искусств писателя и художника.

Последние пять лет – особенно интенсивный период в развитии детской литературы края. Своеобразной вехой в открытии новых авторов и нового слова детской литературы исследователи региональной литературы называют 2008 год. Он отмечен повышением общественного престижа литературного творчества в области детской литературы, появлением детских книг, литературно грамотно, в соответствии с критериями, предъявляемыми к детской книге, оформленными. Так, визитной карточкой детской книги Алтайя стали произведения, подготовленные к изданию Анной Никольской. Яркие и живописно оформленные, большинство из них – это книги-победительницы многочисленных конкурсов, в том числе, международных. Среди них прежде других следует назвать серию книг о собаках, их оригинальные сюжеты концептуально близки произведениям о животных известного алтайского прозаика Свинцова, наставника и вдохновителя писательницы. Повесть Анны Никольской «Кадын – владычица гор» вошла в Каталог рекомендательной литературы для российских школьных библиотек.

С именем молодой писательницы связано библиотерапевтическое направление детской литературы Алтайя. Ее книга «По Зашкафью кувырком» занимает достойное место в ряду книг, адресованных детям с ограниченными возможностями. Среди них известные и «коронованные» критикой произведения современной детской литературы: «Палатные рассказы» Николая Назаркина, «Класс коррекции» Екатерины Мурашовой, «Мальчик, которому не больно» Альберта Лиханова» и др. Секрет успешности молодого алтайского автора, на наш взгляд, состоит в авторской мобильности, в удивительном писательском чутье к современным направлениям. Тенденция только еще формируется, а Никольская ее уже освоила. Так, например, появилась «нестрашная книга о страшном». «Энцикло-

педия чудищ» - пример детской книги-оберега, она исцеляет детей от страхов и профилактирует их фобии. Библиотерапевтический эффект гедонистичен по результату. Роскошно оформленное издание, литературно грамотный текст, веселые интерпретации нечести и многих ее представителей, абсолютное чувство юмора, интеллектуальные развивалки – все это завораживающе действует на юных читателей. Звуко и цветообразы, их полисемантическая насыщенность, содержательность фольклорных форм и удачные сюжетные ходы – находки автора и свидетельство творческого роста. Качественные иллюстрации соответствуют, прежде всего, смыслу произведения и служат раскрытию авторского замысла, что имеет принципиальное значение: без изобразительного текста любая детская книжка – слепой текст.

Творчество детской писательницы Никольской – особая страница в истории литературного детства, перевернувшая все представления о региональной детской книге, она сняла провокационные вопросы прессы о том, есть ли в Алтайском крае детская литература и литературный процесс как таковой.

Вот чего точно нет на Алтае, так это детской драматургии. Надежды на ее появление дают рукописи участников издательского конкурса. Драма - трудный жанр, но жизненно необходимый как зрелищное театрализованное действие, тем более, когда есть краевой театр кукол «Сказка», который, кстати будет заметить, тоже терпеливо ждет, когда на него обратят внимание. Название театра и его вид, что внешний, что изнутри, явно вошли в противоречие.

Завоевание современной детской литературы в том, что она создала прецедент феномена детской книги Алтая. Успешное участие в конкурсах позволило ей занять свое достойное место на литературной карте России. Что не менее важно: был создан читательский резонанс, который вызвал интерес к литературе Алтая, читабельной в лучшем смысле этого слова, а потому востребованной. Все это способствовало разгерметизации культурного пространства края. «Детское радио» России сделало несколько радиоспектаклей по книгам Тарасавы и Ирины Цхай, книги Никольской издаются на нескольких языках, одна из них хранится в библиотеке английской королевы, другая включена в Каталог рекомендательной литературы для российских школьников. Кроме того, детские тексты составили исследовательский интерес для филологов, литературоведов, историков литературы и учителей-словесников, а значит, стали фактом литературного образования.

Казалось бы, детскую литературу заметили и отметили не только на региональном уровне, но и на международном. В четвертом международ-

ном конкурсе имени Алексея Толстого – три наших лауреата – Сергей Бузмаков, Константин Филатов, Анна Никольская. Декларируя любовь к ребенку, внимание к его внутреннему миру, каждый из писателей нашел свое слово в изображении его внутреннего мира. Дождавшись признания, литература детства получила пополнение: издательский конкурс-2013 открывает для ее читателей новые имена – Е. Бызова, С. Матюшенко, А. Остапов.

Достигнутые успехи не снимают потребности в изучении современного процесса в детской литературе, в создании детской драматургии и подростковой поэзии, а также в формировании новой детской книги и современных эффективных способов ее продвижения.

Литература

- Вторушин С.В. Избранное. Барнаул, 2012.
Квин Л.И. Мальчишечьи тайны. Барнаул, 1956.
Киселева А.Н. Алтайские робинзоны. Новосибирск, 1951.
Кирилин А.В. Письма из страны великого незнания. Барнаул, 2012.
Кирилин А.В. Избранное. Барнаул, 2012.
Нечунаев В.М. Воробьиные качели. Барнаул, 2012.
Никольская А. Кадын – владычица гор. М., 2011.
Никольская А. Валя offline. Барнаул, 2012.
Никольская А. По зашкафью кувырком. Барнаул, 2010.
Никольская А. неСтрашная энциклопедия чудиц, юдиц и бук М., 2012.
Нифонтова Ю.А. Шиза. Барнаул, 2009.
Нифонтова Ю.А. Не хочу в Нормандию! Барнаул, 2012.
Новичихина В.А. Планета детства. Барнаул, 2010.
Ожич Е. Как я ничего не ела. Барнаул, 2011.
Родионов А.М. Одинокое дело мое. Барнаул, 2012.
Сидоров В.С. Сокровища древнего кургана. Барнаул, 1983.
Тарасова Ю. Егорка и Змей Добрыныч. Барнаул, 2009.
Цхай И. Поющая радуга. Барнаул, 2011.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЛЕКСИКО-ДЕРИВАЦИОННАЯ СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Ю.В. Трубникова

Ключевые слова: текст, лексико-derivационная структура, лексический ряд, семантика.

Keywords: text, derivational structure, lexical line, semantics.

Рассмотрение соотношения язык – текст позволяет «определить текст как сложный знак лингвистической природы. Сложность этого знака задается рядом факторов, в том числе и тем, что он «состан» из знакового материала нескольких разных систем, каждая из которых оставляет свой «след» в тексте; и сложными отношениями между представителями этих систем в тексте; и самим текстом как целым» [Теория текста, 2010, с. 36]. Таким образом, признается знаковый характер текста, его формальная и смысловая самодостаточность, хотя все-таки чаще говорят о тексте не как о знаке, а как о знаковой системе. Однако, как известно, знаковый характер языковых явлений выявляется, прежде всего, через взаимодействие двух планов названных явлений – структурированного плана выражения и плана содержания.

По мнению Р. Барта, значение знака заключается в том, что означающее «запрашивается из некоего закрытого, упорядоченного множества, и этот запрос и есть высший акт означивания» и для понимания означаемого «человеку оказывается достаточно осуществить выбор из некоторого готового набора элементов, заранее структурированного материала законченных форм» [Барт, 1994, с. 251]. Этим упорядоченным множеством является, собственно, сам язык. «Всякое содержание в обязательном порядке должно пройти через язык и сообразоваться с его структурой, иначе это содержа-

ние <...> примет такой аморфный и неясный вид, что мы будем не способны рассматривать его как некое 'содержание', отличное от формы, налагаемой на него языком <...>» [Звегинцев, 1996, с. 59]. Язык не только воспроизводит содержание, но и организует его определенным образом. Лингвистическая форма есть не только условие, обеспечивающее передачу содержания, но, прежде всего, предпосылка формирования и реализация этого содержания. «Форма и содержание обладают одной природой, они подсудны одному анализу. Реальность содержания – в наличии у него структуры, а то, что принято называть формой, есть продукт 'структурирования' локальных структур, из которых состоит содержание» [Леви-Стросс, 2001, с. 440].

Деривационный подход к тексту, будучи ориентирован на динамическое развертывание и системное функционирование любого текста, позволяет рассматривать этот текст как содержательную систему, имеющую в основе определенную структуру, актуализирующуюся в результате самого функционирования и являющуюся средством выражения определенного содержания. Деривационный принцип осуществляется в языке как основной способ представления нового на базе исходных компонентов, которые могут качественно различаться, что обеспечивает разнонаправленность процессов деривации. Наиболее четко это проявляется в деривации текста, поскольку ее исходными компонентами выступают не только синтаксические, но и лексические единицы. Всякий текст как динамическая структура представляет собой пространственно-временное развертывание различных лексических рядов, члены которых находятся друг с другом в деривационно-детерминационных отношениях. Возникновение формально-семантического взаимодействия лексических единиц как результат порождения текста определяет процесс функционирования в нем лексического ряда как самостоятельной единицы синтаксического уровня языка.

Лексический ряд текста – компонент его структуры – воспринимается целостно именно с точки зрения своего значения. Всякий лексический ряд реализует системные связи слова, возникает как результат синтаксической и лексической деривации и поддерживается определенными синтаксическими отношениями. Каждый ряд актуализирует дополнительные семантические и формальные связи входящих в него лексических единиц и тем самым корректирует их значение. Внутри ряда возможно изменение в структуре значения отдельного слова, проявляющееся как результат внутренних семан-

тических процессов взаимодействия компонентов ряда [Трубникова, 2009]. В свою очередь формальное и семантическое взаимодействия лексических рядов в структуре целого формирует общую семантику текста, которая зависит, таким образом, от характера внутритекстовой деривации. Сквозные семантические ряды текста становятся тем фоном, на котором четко проявляются их центральные единицы, фиксируя основные текстовые смыслы, поэтому сквозные ряды являются для текста смыслообразующими. Совокупность подобных рядов для каждого конкретного текста есть его лексико-деривационная структура (далее – ЛДС) [Трубникова, 2011]. ЛДС как способ формальной организации текста является носителем его значения и основой формирования его смысла, так как задает основное направление развития текстовой семантики.

Чтобы показать возможность для ЛДС формировать семантику текста, рассмотрим стихотворение И. Бродского «Воротишься на родину...», написанное в 1961 году (ЛДС анализируемого текста представлена графически на рисунке 1).

***

*Воротишься на родину. Ну что ж.
Гляди вокруг, кому еще ты нужен,
кому теперь в друзья ты попадешь?
Воротишься, купи себе на ужин
какого-нибудь сладкого вина,
смотри в окно и думай понемногу:
во всем твоя одна, твоя вина,
и хорошо. Спасибо. Слава Богу.
Как хорошо, что некого винить,
как хорошо, что ты никем не связан,
как хорошо, что до смерти любить
тебя никто на свете не обязан.
Как хорошо, что никогда во тьму
ничья рука тебя не провожала,
как хорошо на свете одному
идти пешком с шумящего вокзала.
Как хорошо, на родину спеша,
поймать себя в словах неоткровенных
и вдруг понять, как медленно душа
заботится о новых переменах.*

Структура стихотворения организуется вертикальными лексическими рядами с детерминантами *ты, кто* и *хорошо*. Основу пер-

вого из этих рядов составляет ЛДР лексического типа (*ты – ты – ты – тебя – тебя*), расширяющийся за счет введения семантически сходных компонентов *себе* и *твоя* и завершающего ряд компонента *душа*. Второй ряд – семантический (*кому – кому – некого – никем – никто – ничья (рука)*). Особенностью этого ряда является его отрицательная семантика; начальные компоненты ряда, вроде бы не отрицательные, употребляются тем не менее в вопросительных предложениях, то есть общий модус недостоверности распространяется и на них.

Между названными рядами в тексте устанавливаются противительные семантико-синтаксические отношения, объединяющие два эти ряда в единый семантический комплекс. Дополнительно между двумя этими рядами возникают отношения включения, объединяющие эти два ряда в единый смысловой комплекс. Квалификаторами этих отношений являются однозначные лексические единицы (*нужен – попадешь – винить – не связан – не обязан – не провожала*), большая часть которых опять-таки сопровождается отрицанием. Подобным образом усиленная семантика отрицания заставляет ощутить трагическое одиночество лирического героя.

Третий ряд (с детерминантом *хорошо*) является эпидигматическим ЛДР лексического типа. Экспрессивность этого ряда усиливается в тексте как результат начального положения компонентов ряда в строках второй и третьей строфы. С двумя предыдущими рядами третий связан отношениями атрибутивности, заключая в себе субъективную оценку «положения вещей». Этот ряд способствует проявлению темы внутреннего одиночества лирического героя. Даже шумящий вокзал, где многолюдно, заставляет страдать, чувствовать себя одиноким. Одиночество поселяет в душе героя муку, тоску, боль, хотя он настойчиво пытается уверить себя в обратном.

Кроме того, в тексте возникает еще один ЛДР *на родину–на родину*, который в силу пространственного расположения его компонентов (в первой строке первой строфы и первой строке последней) нужно рассматривать как сквозной смыслоформирующий ряд. Данный ряд связан отношениями обусловленности (пространственной) с рядом с детерминантом *ты*, квалификатором отношений становится глагол *воротиться*.

Указанный глагол одновременно формирует и семантический ряд (*воротиться – гляди – купи – смотри – думай – поймать – понять – заботится*), связанный отношениями включения с рядом с детерминантом *ты*. Основной темой данного ряда становится се-

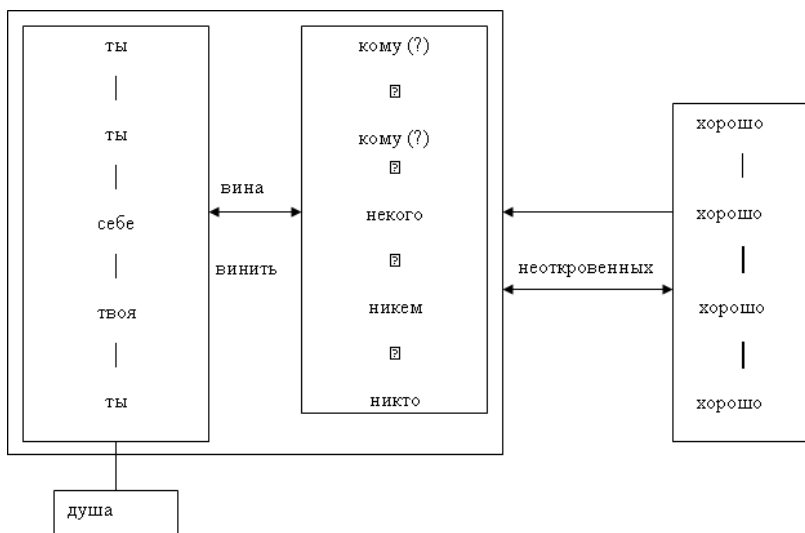
мантика активного действия. Этот ряд может быть очерчен общим значением «движение». Компонент *воротиться*, как доминирующий компонент ряда, связывается с некой дорогой, по которой лирический герой возвращается на родину, с путем, по которому ему, герою, необходимо пройти. При этом единица *гляди* заставляет смотреть вперед, с некоторой осторожностью, даже настороженностью, заставляя сомневаться в этой «родине». *Гляди* связывается с компонентом *попадешь*. На смысловом уровне возникают вопросы: «куда попадешь?», «попадешь ли на родину?» *Заботиться* указывает на то, что лирический герой должен акцентировать внимание на каких-то деталях своей жизни, более внимательно, скрупулезно, заботливо, оценить ее прошлые и настоящие события, может быть, даже сделать из всего определенные выводы. Делая выводы и подводя итоги, лирический герой может вычленил очень важные моменты, *поймать* себя, свою мысль в каких-то словах, действиях, поступках. При этом данный внутренний самоанализ имеет, скорее всего, место во время «спешащего возвращения» на родину. Независимо от результата, от ожидания родины, тема возврата неизбежна, как и тема возвращения, может быть, на духовном уровне, в мыслях; но даже в мыслях это движение неизбежно. Значение «неизбежность» тоже объединяет весь этот ряд.

Кроме того, анализируемый ряд противопоставлен единицам *нужен – попадешь – винить – не связан – не обязан – не провожала*, являющимся квалификаторами отношений включения между рядами с детерминантами *ты* и *кто*. Основанием для противопоставления служит семантическая функция компонентов ряда с детерминантом *ты*. В отношениях между *ты* и *кто* ты занимает в основном позицию объекта действия. Позицию субъекта *ты* занимает при глаголе *винить*, что также характеризует позицию лирического героя по отношению к окружающим, и при глаголе *попадешь*, однако в данном случае субъект не является активным. А вот по отношению к компонентам последнего глагольного ряда *ты* занимает позицию активного субъекта, и как раз в этом заключены для героя перемены, связанные с возвращением на родину. Таким образом, центральным компонентом, организующим семантическую целостность текста, является именно лексический компонент *родина*. Именно при обращении к родине резче проявляется мотив шмящей, душевной тоски, с одной стороны, и желания вернуться как стремления к активной духовной деятельности – с другой.

На общем фоне центральных формо- и словообразующих рядов текста приобретают текстовую значимость и горизонтальные лексические ряды. Один из них – ряд, состоящий из двух компонентов: *спеша – медленно*. При этом необходимо отметить, что внутри самого ряда моментально образуется противопоставление по семантическому признаку *скорость*. Тут же можно обнаружить и совместимость этих двух лексем внутри данного ряда с помощью объединяющей семы «движение». Боязнь торопиться приводит героя к тому, что он не хочет быстрых перемен, отсюда на схеме возникает связь компонента «медленно» с лексемой «переменах». Новые перемены порождают новые заботы об этих переменах, суетливое движение, Здесь же улавливается связь формы *о переменах* с другим словом, *заботиться*, таким образом, этот ряд через смысловые связи соотносится с другими лексическими рядами текста.

Важным компонентом в описываемой схеме стихотворения И. Бродского становится и периферийный компонент «вино», входящий в эпидигматический ЛДР фонетического типа (*купи вина – (твоя) вина*). Этот ряд является чисто формальным, семантико-синтаксических связей внутри него нет, прямых отношений с другими рядами тоже не наблюдается. Тем не менее сильная формальная связь компонентов выделяет этот ряд внутри текста. С единицей *вино* в тексте может быть связан мотив забвения, возврата в прошлое, а также неожиданно возникающий мотив пустоты. *Вино* выступает как бы катализатором ухода героя в себя, в свою собственную душу, где живут воспоминания о событиях, об отдельных жизненных моментах, связанных с родиной, появляется некоторая озабоченность – «забота» и возможность поймать себя на отношении к родине (при этом *вино* затормаживает ход мыслей, делает их медленными; замедленность движений соответствует и компонентам *пешком и медленно*). *Вино* влияет на сознание героя, в котором всплывают силуэты прошлого. И на этих моментах неизбежно концентрируется его внимание. Независимо от оценки событий прошлого, для лирического героя это внутренний, душевный багаж – это его память. *Вино*, с одной стороны, открывает глаза герою на его внутреннее одиночество, на его родину, которая, несмотря ни на что, для него интимна; с другой стороны, *вино* затуманивает взор, создает пелену, забытьё, нежелание чувствовать боль от отчужденности и одиночества. Получается, что семантический компонент *вино* маркируется и положительно, и отрицательно.

*Рис 1. Лексико-деривационная структура стихотворения
И. Бродского «Воротись на родину...»*

Завершая анализ, необходимо отметить, что в тексте наблюдается взаимодействие всех компонентов, обратимая связь между ними. Вся модель пронизана движением и взаимопроникновением всех рядов и каждого компонента в отдельности.

Проведенный анализ показывает, что ЛДС определяет систему смыслов и является основанием восприятия текста в целом. Как значение ЛДР в качестве самостоятельной текстовой единицы в большей степени зависит от формальных характеристик его членов, влияющих на протекание деривационно-детерминационного процесса внутри ряда, так и смысл текста зависит от особенностей организации сквозных ЛДР и семантических рядов и деривационно-детерминационных связей между ними.

Феномен художественного текста, по единодушному мнению исследователей, заключается в принципиальной неисчерпаемости выраженных в нем смыслов и идей: каждое новое прочтение увеличивает пространство понимания. Однако свобода понимания не абсолютна. Семантика любого, даже сверхсложного, текста должна иметь определенное формальное основание, а потому обуславливается особенностями его лексико-деривационной структуры. Вариативность смыслового восприятия текста объясняется тем, что ЛДС задает прежде всего

направление формирования смысла. В процессе восприятия в сознании реципиента может акцентироваться тот или иной фрагмент структуры, то есть значимость его усиливается, что трансформирует смысл целого. Это в целом объясняет феномен интерпретации.

Литература

- Барт Р. Избранные работы : Семиотика : Поэтика. М., 1994.
Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. М., 1996.
Теория текста. М., 2010.
Трубникова Ю.В. Лексико-деривационная структура в интерпретации прозаического текста // Сибирский филологический журнал. 2009. № 1.
Трубникова Ю.В. Лексико-деривационная структура текста // Филология и человек. 2011. № 1.

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ ЗНАНИЙ В НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Д.А. Кожанов

Ключевые слова: язык науки, термин, научная картина мира, фрейм.

Keywords: language of science, term, scientific picture of the world, frame.

Современный этап развития научного знания характеризуется проникновением науки во все без исключения социально значимые сферы, свидетельством чего является использование языка науки в различных типах дискурса. В когнитивно-коммуникативной парадигме научного знания взаимодействие дискурсов, имеющее место при проникновении языка науки в различные области, рассматривается как отражение взаимодействия стоящих за дискурсами концептуальных систем, или картин мира (научной, практической, религиозной и т.п.).

Использование термина «взаимодействие» в данном случае не является случайным, так как речь идет именно об обмене информацией, двусторонний характер которого обусловлен особенностями становления и дальнейшего функционирования научного понятия. С одной стороны, научные открытия способны в корне изменить наши представления о мире, систему ценностей, норм и стереотипов. Например, оценка полезности

объекта может в процессе научного познания измениться на противоположную. Очевидно, что при этом происходит модификация структуры и содержательного наполнения концепта, как единицы практической картины мира: научная картина мира «подтягивает» здравый смысл практической картины мира до своего уровня [Никитин, 1988, с. 43–44]. Структура повседневной картины мира усложняется, прогресс в различных отраслях науки приводит к формированию целых областей знания в практической картине мира что позволяет говорить о переходе от наивной, «натуральной» модели мира к более изощренной (*sophisticated*), в которой все более заметную роль начинают играть знания, заимствованные из научной картины мира [Кубрякова, 2004, с. 11].

С другой стороны, большинство научных понятий формируются на основе практического опыта, то есть на базе соответствующих концептов, сохраняя в своей структуре часть слотов, присущих исходному концепту. При этом любой исследователь является представителем определенной эпохи, разделяющим в той или иной мере некоторые ее предрассудки. Как следствие, его познавательный интерес тесно переплетен с массой других интересов и побуждений, уживаясь в сознании со здравым смыслом наивной картины мира из которого он черпает «исходные интуиции» научного познания [Лосев, 2001, с. 43]. Таким образом, можно говорить о наличии у научного понятия и концепта некоторой общей зоны, которая, с одной стороны, обеспечивает трансляцию информации между различными картинами мира, а с другой, служит неким "социокультурным фильтром», благодаря которому результаты научного познания зачастую искажаются, мифологизируются и обрастают предрассудками обыденного сознания [Постовалова, 1988, с. 50]. Как следствие, реконструкция сложной системы взаимосвязей и взаимозависимостей научного понятия и соответствующего ему концепта представляется невозможной без анализа структуры и содержания научного понятия в диахроническом аспекте.

Выбор конкретных методик и процедур анализа любой структуры сознания определяется типом исследуемого концепта (схема, сценарий, гештальт и т.п.). По нашему мнению, оптимальной формой хранения научного знания в условиях активного взаимодействия картин мира и употребления единиц языка науки в различных типах дискурса является фрейм, под которым понимается «единица знания, организованная вокруг некоторого понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия» [Демьянков, 1997, с. 188]. В структурном плане фрейм представляет собой систему отношений между вершинными и терминальными узлами, или слотами, которые получают содержатель-

ное наполнение при актуализации фрейма в некоторой коммуникативной ситуации.

Вышеприведенные положения могут быть проиллюстрированы на примере научного понятия, сконструированного во второй половине XIX века в работах британского физика Джеймса Клерка Максвелла и представленного в физической терминосистеме единицей «демон Максвелла». Демон Максвелла представляет собой устройство, являющееся основной составляющей мысленного эксперимента, иллюстрирующего второй закон термодинамики. Будучи помещенным в перегородку, разделяющую герметично закрытый сосуд с газом на две части, демон Максвелла пропускает в одну сторону только холодные (медленные), а в другую только горячие (быстрые) молекулы, что в итоге приведет к нагреву части сосуда без использования дополнительной энергии, а следовательно, противоречит термодинамическому принципу неубывания энтропии в замкнутых системах.

Данное научное понятие формируется на базе концепта «демон», ядро которого может быть описано следующим образом: «непостижимое, невидимое существо, обладающее сверхъестественными способностями» [Савченко, Смагин, 2006, с. 93]. Эти же содержательные признаки обнаруживаются и в структуре научного понятия: демон Максвелла, представляет собой нечто невидимое (его размер сопоставим с размером молекулы) и в какой-то степени сверхъестественное (данный эксперимент был реализован на практике только в 2010 году, а до этого момента демон Максвелла оставался лишь теоретической абстракцией). Примечательно, что в структуре научного понятия не находит своего отражения периферия концепта «демон», сформировавшееся в христианской картине мира, в которой демон предстает как своеобразный антиконцепт для концепта «ангел» и ассоциируется с бесом или злым духом. При этом, еще один слот фрейма «демон Максвелла» заполняется на основе глубинного и практически утраченного в настоящее время слоя концепта «демон», который может быть восстановлен в результате анализа глагола древнегреческого языка *daíomai* (раздавать, распределять), от которого собственно и была произведена лексема «демон», являющаяся именем соответствующего концепта. Иными словами, этот слой концепта восходит к утраченной в настоящее время античной картине мира, в которой демон предстает как некий дух, раздающий или распределяющий блага, по аналогии с которым демон Максвелла в научной картине мира распределяет молекулы в сосуде с газом.

В результате взаимодействия различных картин мира происходит формирования фрейма «демон Максвелла» в структуре которого можно выделить центр (представленный одноименным научным понятием) и периферию, которая делает возможным обмен информацией между научной картиной мира и другими концептуальными образованиями, а следовательно, и использование единиц языка науки в различных типах дискурса. Первоначально периферия данного фрейма представляет собой когнитивную структуру с тремя слотами: невидимое глазу сверхъестественное существо, способное выполнять операцию по разделению (распределению) чего-либо, которая является настолько сложной, что не может быть выполнена обычным человеком. В дальнейшем, актуализируясь в различных коммуникативных ситуациях, описываемый фрейм может приобретать новые слоты, в то время как уже имеющиеся в его структуре узлы могут заполняться новой информацией.

Эволюцию фрейма можно проследить обратившись к разновременным художественным текстам, в которых он находит свою объективацию. В цикле произведений американского автора Кристофера Сташефа «Маг Рифмы» («A Wizard in Rhyme») демон Максвелла предстает как могущественное существо равное богам и являющееся перед вызвавшими его смертными в виде очень яркой точки, парящей в пространстве:

Narh frowned at him. «Who's Max?»

«Maxwell's Demon! The one I told you about, the Spirit of Entropy! He controls the organization of matter and energy!» [Stasheff Christopher, 1993].

I realized that what I had asked for was a gimmick James Clerk Maxwell had dreamed up, in an attempt to get around Newton's laws of thermodynamics. Then the air split with the sound of gunshot and the Demon was there, a point of unbearably intense light [Stasheff Christopher, 1994].

Олицетворяя рациональную науку, стоящую над морально-этическими нормами, демон Максвелла не вовлечен в противостоянии добра и зла, представляя собой своеобразный барьер между ними, то есть разделяя противоборствующие стороны:

«If I'm hot and I want to get cool, who should I call for but Maxwell's Demon?»

«I know of him» the dust devil hummed. «We dwell in neighboring realms and are much alike in that we are neither evil nor good» [Stasheff Christopher, 1994].

«Where you have wished to be», the Demon said, «the barrier between the evil and the good. Welcome to my home!» [Stasheff Christopher, 1994].

Как видно из вышеприведенных примеров, без изменения остается содержание только одного терминального узла (сверхъестественное, могущественное существо), в то время как оставшиеся два слота заполняются новой информацией. Это позволяет автору создать многогранный художественный образ демона Максвелла, используя одноименный фрейм, который выступает неким связующим звеном между художественной и научной картинами мира.

Несколько иные изменения в структуре фрейма «демон Максвелла» можно наблюдать в повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», где информация о сверхъестественном могущественном существе отходит на второй план, а узел, содержащий информацию о функциональном назначении демона Максвелла, напротив, является ключевой для понимания следующего эпизода.

Я спустился в необозримый вестибюль, где в фосфоресцирующем тумане маячили два макродемона Максвелла. Они играли в самую стохастическую из игр – в орлянку. Они занимались этим все свободное время, огромные, вялые, неопишимо нелепые, более всего похожие на колонии вируса полиомиелита под электронным микроскопом, одетые в поношенные лифреи. Как и полагалась демонам Максвелла, всю свою жизнь они занимались открыванием и закрыванием дверей. Это были опытные, хорошо выдрессированные экземпляры, но один из них, тот, что ведал выходом, достиг уже пенсионного возраста, сравнимого с возрастом Галактики, и время от времени впадал в детство и начинал барахлить [Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н., 2002].

Слот «сверхъестественное существо», играющий в произведениях К. Сташефа главную роль в формировании художественного образа демона, актуализируясь в данном контексте содержит только информацию о сверхъестественном возрасте одного из демонов. Помимо этого, существенным изменениям подвергается как содержание слота, хранящего информацию о предназначении, или функции, демона Максвелла, так и его место в структуре фрейма. «Помолчанию» данный слот связан с экспериментом в области термодинамики и содержит информацию о разделении быстрых и медленных молекул в герметично закрытом сосуде. В цикле произведений К. Сташефа функция демона Максвелла позволяет интегрировать данный фрейм в религиозно-мифологическую картину мира, лежа-

щую в основе созданной писателем вселенной, представляющей собой результат метафорического переосмысления эксперимента Дж. Максвелла. В мире цикла «Маг Рифмы» две стороны, символизирующие, с точки зрения главного героя, Добро и Зло, отделены друг от друга барьером, повелителем которого является демон Максвелла, разделяющий частицы Света и Тьмы подобно молекулам газа.

В мире, созданном братьями Стругацкими, перегородка в сосуде с газом переосмысливается не как барьер между Добром и Злом, а как дверь, превращая демона Максвелла в заурядного швейцара, занимающего в иерархии волшебных существ этого мира далеко не первое место и не обладающее хоть сколько-нибудь заметным могуществом. Однако актуализация фрейма демон Максвелла в данном контексте все же создает особую атмосферу, подсказывая читателю, что главный герой, минуя демонов Максвелла, проходит некий барьер, отделяющий НИИ чародейства и волшебства от внешнего мира, в котором нет места магии.

Подводя итоги, следует отметить, что актуализируясь в различных коммуникативных ситуациях, фрейм, за которым стоит научное понятие как составляющий элемент научной картины мира, способен вызывать в сознании реципиента текста сложные образы за счет взаимодействия различных типов знания, относящихся к научной, практической, религиозной и мифологической картинам мира. Следовательно, именно фрейм является тем способом организации научного знания, который наиболее эффективно обеспечивает хранение и передачу знания в современном мире, в котором смешение дискурсов является характерной чертой большинства коммуникативных ситуаций.

Литература

- Демьянков В.З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997.
- Кубрякова Е.С. Новые единицы номинации в перекраивании картины мира как транснациональные проблемы // Языки и транснациональные проблемы. М., 2004. Т. 1.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001.
- Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1998.
- Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
- Савченко В.Н., Смагин В.П. Начала современного естествознания. Тезаурус. Ростов-на-Дону, 2006.

Источники

- Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Понедельник начинается в субботу. М., 2002.
Stasheff C. The Oathbound Wizard. NY., 1993.
Stasheff C. The Witch Doctor. NY., 1994.

НЕЙМИНГОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА (СЛОВА-БИОНИМЫ КАК ФИРМЕННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ): КОНЦЕПЦИЯ И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ¹

Я.А. Дударева

Ключевые слова: нейминговое гнездо, нейминговый словарь, эргоним.

Keywords: naming field, naming dictionary, ergonym.

В настоящее время лингвомаркетинговые исследования приобрели особую актуальность. Вопрос выбора фирменного наименования осознается как вопрос особой значимости, поскольку от правильности принятого решения в области нейминга зависит объем продаж, финансовый успех самого дела.

В лингвистике исследования коммерческих наименований с точки зрения их коммерческой удачности/неудачности стали рассматриваться как особый вид экспертизы - нейминговая экспертиза [Соколова, 2011]. Интерес, существующий в практической сфере к коммерческим наименованиям, стимулирует рост научных лингвистических работ по товарным знакам, доменным именам и фирменным наименованиям (А.М. Емельянова, А.А. Исакова, М.Е. Новичихина, Н.А. Стадульская, А.А. Трапезникова, Е.А. Трифонова, Д.Е. Цегельник, Н.В. Шимкевич и др.).

Создание неймингового словаря расширит состав имеющихся на сегодняшний день работ лингвистов в области лингвомаркетологии. Как словарь, подготовленный на основе опроса рядовых носителей русского языка, он войдет в круг лексикографических изданий описа-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Лингвистическая экспертиза товарных знаков с использованием когнитивных методик» № 13-04-00350.

тельного типа. В то же время он станет первым нейминговым словом русского языка и тем самым откроет новую лексикографическую линию в российской лингвистике.

Разработка неймингового словаря, каждая словарная статья которого представляет единицу языка как слово, уже являющееся фирменным наименованием и как потенциальный эргоним, способный быть фирменным наименованием разных организаций и учреждений с позиции носителей русского языка, актуализирует проблему, проявляющуюся через антиномии языка как деятельности и как продукта деятельности, индивидуального и коллективного в языке, ономаσιοлогического и семасиологического подходов в лингвистике.

Нейминговый словарь русского языка представляет собой оригинальный лексикографический проект, возникший на основе пересечения известных в лингвистике типов словарей – ономастического и ассоциативного типов. Такое пересечение позволяет достичь нового научного результата - описать ассоциативно-номинативный потенциал различных групп лексики русского языка, моделировать наряду с уже описанными типами отношений между лексемами (словообразовательными гнездами, синонимическими и антонимическими полями и др.) нейминговые гнезда русских слов.

Количественные показатели реакций позволяют прогнозировать коммерческую эффективность фирменных наименований. Реакции, составляющие ядро неймингового гнезда, представляют собой типовые ожидания носителей русского языка встретить то или иное слово в качестве фирменного наименования организаций, занимающихся определенными видами деятельности (например, ГВОЗДИКА – магазин цветов [Словарь обыденных толкований русских слов¹, 2012, с. 172]; ЖУРАВЛЬ – детский сад; детский магазин [СОТРС, 2012, с. 302]). Периферийные и единичные реакции демонстрируют нейминговый потенциал слова, возможность использования единицы языка в качестве наименования каких-либо иных организации, возможно, даже еще не существующих на сегодняшний день (например, ВОЛ – кадровое агентство; тренажерный зал [СОТРС, 2012, с. 137]).

В настоящее время существует обширный круг научных исследований, выполненных в лингвомаркетологическом аспекте, в которых дается оценка эффективности коммерческой номинации, анализируются фонетические, семантические и ассоциативные критерии удачности фирменных наименований и товарных знаков. Так,

---

¹ далее СОТРС

М.Е. Новичихина, развенчивая мифы, связанные с функционированием коммерческого названия, приходит к выводу о принципиальной невозможности создания «перечня потенциально эффективных коммерческих названий» [Новичихина, 2009, с. 19]. Согласно ее мнению, «могут быть выявлены эффективные коммерческие названия лишь для конкретных объектов, ситуаций» [Новичихина, 2009, с. 19].

Разделяя это мнение, мы предлагаем разработать такое лексикографическое издание, в котором каждое нейминговое гнездо демонстрирует эффективность использования языковой единицы в качестве фирменного наименования определенного типа организаций с позиции рядовых носителей русского языка. Нейминговые гнезда, составленные на основе экспериментальных данных, являются своего рода народными рекомендациями по эффективному наименованию. Они демонстрируют ассоциативно-номинативный потенциал слова, и потому по своему составу никогда не будут полностью совпадать с реальными нейминговыми гнездами.

Включение в словарную статью не только реальных, но и потенциальных нейминговых гнезд для одного и того же слова отличает нейминговый словарь от традиционных ономастических словарей, фиксирующих информацию только о таких именах собственных, которые являются или были ранее названиями географических объектов, личными именами и т.п.

Наличие потенциальных нейминговых гнезд сближает описываемое лексикографическое издание с ассоциативными словарями русского языка. Но если ассоциативные словари (одно-; дву-; многоязычные) составляются на основе свободного ассоциативного эксперимента, то нейминговый словарь составляется по результатам направленного ассоциативного эксперимента.

По своей концепции описываемый нейминговый словарь наиболее близок «Словарю обыденных толкований русских слов» под ред. Н.Д. Голева, являющемуся «принципиально **описательным** толковым словарем, в котором предписательная (нормативная) составляющая редуцирована до минимума [Обыденное метаязыковое сознание, 2010, с. 220]». Каждая из словарных статей «Словаря обыденных толкований русских слов» составлена на основе экспериментов с рядовыми носителями русского языка и включает помимо дефиниционных, ассоциативных и мотивационных полей, также нейминговые гнезда, состоящие из эргонимов и прагмонимов, под разделом «объект называния», например:

АБРИКОС

объекты названия: сок 8; кафе; магазин; фрукт 5; магазин, где продаются фрукты (магазин фруктов); ночной клуб; парфюмерия; продуктовый магазин 2; бар; бытовая химия; витамины; вкус; дерево; детский сад (в Сочи есть детский садик на улице Абрикосовой, который называется Абрикосака); зубная паста; какой-нибудь десерт; картинная галерея; карусель; косметический центр; магазин одежды; мармелад; наименование цвета; напиток; пирожное; пицца с использованием абрикоса (компот, варенье, конфеты); планета; прозвище; пюре; ремонтная мастерская; торговый комплекс; турагентство; форма; фруктовый ларек 1; **59+34+3** [СОТРС, 2012, с. 15–16].

Структура словарной статьи в нейминговом словаре русского языка

Словарная статья в нейминговом словаре строится следующим образом: заголовочное слово-стимул, за ним следуют два нейминговых гнезда, первое из которых составлено на основе данных информационно-справочной системы городов России, а второе – на основе результатов проведенных экспериментов.

Слова-реакции на стимул располагаются по мере убывания их частоты, которая указывается после слова-реакции или в конце группы слов-реакций с одинаковой частотой. Внутри этой группы реакции-ответы располагаются в алфавитном порядке. Организации с близкими видами деятельности объединяются в один тип реакции. Первой записывается та реакция, частота встречаемости которой больше. В скобках указываются более редкие реакции.

В конце каждой части словарной статьи указываются итоговые цифры, например: **112+20+10**:

1. количество реакций, данных на слово-стимул (112);
2. количество разных реакций, данных на слово-стимул (20);
3. количество отказов (10).

Образец словарной статьи в нейминговом словаре русского языка

АБРИКОС

Сервисный центр (сервисная компания; сервисная фирма) **11**; рекламное агентство (рекламная мастерская; рекламно-производственная группа; рекламно-производственная компания; рекламная компания; рекламно-производственная компания) **10**; сервисный центр по ремонту бытовой техники (мастерская по ремонту бытовой техники; компания по ремонту бытовой техники; центр по ремонту бытовой техники); туристическое агентство (агентство ту-

ризма и отдыха) **5**; кафе **4**; парикмахерская (салон-парикмахерская; салон причесок); центр развития для детей и взрослых (центр раннего развития; центр развития личности) **3**; агентство праздников (праздничное агентство); креативная студия; производственная компания; салон красоты; торгово-производственная компания (производственно-торговая компания); торгово-сервисный центр (торгово-сервисная компания) **2**; агентство маркетинговых коммуникаций; арт-студия; аукционная компания; выездная служба ремонта; дизайн-студия декоративной штукатурки и 3D-полов; интернет-магазин продуктов; караоке-ресторан; клининговая компания; магазин теплиц и сотового поликарбоната; магазин хозяйственных товаров; минимаркет; ногтевая студия; отель; портал компьютерной помощи; продовольственный магазин; продуктовый магазин; ремонтная мастерская; сеть салонов реставрации подушек; сеть универсамов; типография; торговая компания; торгово-монтажная компания; торгово-разработческая компания; торгово-транспортная компания; торговый дом; транспортная компания; фабрика мебели; фотостудия; центр печати и рекламных технологий; центр по оформлению купли-продажи автомобилей и страхованию **1**; **82+135+0**.

Магазин фруктов (фруктовый магазин); продуктовый магазин **5**; кафе **3**; агентство праздников и торжеств; детский сад; детское кафе; дом творчества; кинотеатр; магазин детской одежды; магазин модной одежды; ночной клуб; продовольственный магазин; салон красоты; театр молодежи; учреждения развивающего типа; фотосалон; фруктовая база **1**; **27+17+0**.

Нейминговый словарь будет полезен, главным образом, лингвистам для проведения лингвокультурологических исследований, в том числе сопоставительного типа, а также работникам в сфере маркетинга и рекламы, подбирающим для организаций коммерчески эффективные фирменные наименования.

Литература

- Новичихина М.Е. Функционирование коммерческого названия // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2009. № 3.
- Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово, 2010. Ч. 3.
- Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы : В 2-х тт. Кемерово, 2012. Т. 1.
- Соколова Т.П. Нейминговая экспертиза в судопроизводстве : методические и прикладные проблемы // Законы России : опыт, анализ, практика. 2011. № 12.

ВАРЬИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ЖАНРА ИМИДЖЕВОЙ СТАТЬИ ПО ПАРАМЕТРУ «ПРЕДМЕТ ОТОБРАЖЕНИЯ»

Е.И. Клинк

Ключевые слова: модель, имиджевая статья, жанр, варьирование, предмет отображения, событие, субъект.

Keywords: model, image article, genre, varying, represented object, event, subject.

Задача данной статьи – продемонстрировать варьирование модели жанра имиджевой статьи по параметру «предмет отображения». Для решения этой задачи необходимо первоначально обратиться к базовой модели жанра имиджевой статьи, а затем на материале конкретных текстов показать, как «работает» данная модель при ее реализации. Исследование проводится на материале текстов, опубликованных в журнале «Эксперт» и его региональном приложении «Эксперт-Сибирь» в период с 2008 по 2010 год.

Модель жанра имиджевой статьи представляет собой коммуникативно-дискурсивную интерпретацию процесса жанрообразования. Для построения модели применяется методика коммуникативного моделирования, сущность которой заключается в создании моделей объектов лингвистической природы с точки зрения их отнесенности к процессу коммуникации (см., например: [Mikaelyan, 2008; Седов, 2009; Чернышова, 2009; Polanyi, van den Berg, Ahn, 2003 и др.]. Мы полагаем, что текст является отражением соответствующего дискурса, факторы которого влияют на процесс жанрообразования и, как следствие, определяют формальную и содержательную структуру текста [Клинок, 2013а, 2013б].

На современном этапе развития теории речевых жанров особо подчеркивается динамическая природа речевого жанра, которая с необходимостью находит отражение на уровне модели [Askehave, Nielsen, 2005; Казак, 2010 и др.]. Динамическая модель позволяет объяснить подвижность жанровых границ, то есть увидеть объект во всем разнообразии его проявлений, не снижая при этом значимости инвариантных составляющих и закономерностей функционирования данного объекта: «...сама возможность нарушить стандарт не ставит под сомнение объяснительную силу научных теорий, но как раз является необходимым условием для успешной коммуникации в человеческом обществе в ее многообразных ситуативно обусловленных

проявлениях. Норма предполагает варианты, потому что она живая» [Чернявская, 2009, с. 176]. «Модель – это схема процесса (явления) как инвариант, предполагающая реализацию всех возможных конфигураций в прагматическом и потенциальном аспектах» [Олешков, 2007, с. 12]. Таким образом, модель жанра имиджевой статьи создается на основе идеи об инвариантности и вариативности, то есть наличии постоянных и переменных элементов.

К инвариантным элементам мы относим параметры, которые формируют общий облик жанра как такового, к вариативным – то, какую реализацию получают данные параметры в реальном тексте как результате коммуникативной деятельности его создателя. Вариативность, на наш взгляд, обусловлена необходимостью решения определенных практических задач в каждом конкретном акте PR-коммуникации. И, если макроцель всегда остается единой – воздействовать на аудиторию с целью изменения ее картины мира, то набор «локальных» задач ситуативно обусловлен и индивидуален для каждого конкретного текста.

В число параметров варьирования входят: предмет отображения, коммуникативная и практическая цели, фактор адресата, композиционный фактор (см. схему 1). В данной статье мы обратимся к одному из этих параметров – предмету отображения.

Схема. 1. Процесс моделирования текста имиджевой статьи на основе жанровых признаков.

Под предметом отображения мы понимаем фрагмент мнимой или реальной действительности, который воспроизводится в тексте. Таким фрагментом в имиджевой статье является событие из жизни конкретной личности или организации, которое и служит информационным поводом для создания текста. Понятие события в лингвистике является междисциплинарным и изучается в разных аспектах: лингвофилософском (Н.Д. Арутюнова, Е.А. Давыдова), когнитивном (В.З. Демьянков, В.Я. Шабес), дискурсивном (Т.В. Чернышова, Т.А. van Dijk) и т.д. В контексте нашей проблемы событие можно охарактеризовать как единицу коммуникации, репрезентирующую процесс взаимодействия субъектов коммуникации в рамках заданного набора условий.

В теории и практике PR-коммуникации принято считать, что событие должно быть, во-первых, социально значимым, чтобы заинтересовать массовую аудиторию, во-вторых, оно должно соответствовать интересам целевой общественности (тех, на кого PR-субъект ориентируется как на «свою» аудиторию) и, в-третьих, оно должно соответствовать цели, для достижения которой предназначен текст (если цель – шокировать аудиторию, то событие должно быть скандальным и т.п.). Перечисленные характеристики, однако, не всегда наличествуют, что отражается на процессе репрезентации события в тексте и вызывает варьирование модели как процесс поиска оптимального с точки зрения эффективности в каждом конкретном случае варианта (примеры, подтверждающие данный тезис, будут рассмотрены далее).

Каждой разновидности предмета отображения соответствует свой вариант моделирования или несколько вариантов, которые характерны именно для этого предмета отображения и не повторяются в текстах с другим типом предмета. Представим некоторые из этих вариантов:

1. Вариант «событие-субъект»

Фактором варьирования в данном случае является тип предмета отображения, представляющий собой совокупность событийного и субъектного планов. Под событийным планом понимаются характеристики внешней среды, определяющие пространственно-временной отрезок в соответствии с типом совершающегося действия. Иными словами событийный план описывает время, место и сущность происходящего. Субъектный план, в свою очередь содержит информацию о субъекте, принимающем непосредственное участие в описываемом событии. Совокупность событийного и субъектного планов позволяет ответить на вопросы: где, когда и что произошло, кто был главным действующим лицом.

Данный вариант обусловлен особенностью репрезентации события в тексте имиджевой статьи через его привязку к социально-значимому явлению. Происходит это по следующей схеме: 1) описываются объективные характеристики событийного плана (время, место и суть происходящего); 2) событийный план рассматривается сквозь призму категории социальной значимости (даются оценочные характеристики); 3) вводится субъективный план (на фоне созданной «картины» появляется действующее лицо; 4) происходит «сопряжение» введенных ранее объективных и субъективно-оценочных характеристик с образом действующего субъекта.

Рассмотрим на примере. Статья «Ралли "Шелковый путь". Путь к победе» («Эксперт», № 38, 2009) начинается с рассказа о самом ралли, при этом подчеркивается сложность и престижность соревнования. Номинативные предложения формируют цепочку зрительных образов: *«Ралли "Шелковый путь" («Dakar Series»). Казань – Аухабад. 4500 км песчаных барханов и каменистых плато»*, которая подкрепляется невербальными средствами (фотография с изображением трассы и едущих по ней автомобилей). Далее в этот пространственно-временной план вводится субъект действия: *«На этот раз "Шелковый путь" привел команду Volkswagen к победе»*. Характерной особенностью такого перехода является то, что он осуществляется при помощи употребления глагольной лексики – в пространстве статичного по своей природе события появляется субъект, который это событие «проживает», то есть осуществляет какие-то действия. В завершающей части статьи производится сопряжение характеристик событийного плана, которые были важны для автора (в данном случае это сложность трассы и престижность соревнования), с образом действующего субъекта: *«Тоиагег-победитель и его профессиональный экипаж с успехом преодолели все сложности исторической трассы, опередили многочисленных соперников и финишировали первыми с большим отрывом»*.

2. Вариант «субъект-субъект»

Фактором варьирования является тип предмета отображения, представляющий собой многокомпонентный субъектный план, то есть в данном случае в событии задействованы 2 и более субъекта, один из которых является базисным субъектом PR.

Данный вариант в его сравнении с предыдущим представляет собой «сопряжение» другого типа – создание позитивного образа базисного субъекта PR происходит при помощи совмещения этого образа с образом другого (как правило, социально более значимого) субъекта. Такой вариант моделирования наблюдается в тех случаях, когда доста-

точно трудно эксплицировать значимость самого события в силу его локального характера и / или недостаточной степени потенциального интереса к этому событию со стороны целевой аудитории.

Поясним на примере статьи «Citroen пришел надолго» («Эксперт-Сибирь», № 24–25, 2010). Здесь событием становится открытие дилерского центра Citroen в автосалоне «АНТ», что само по себе нельзя назвать социально значимым явлением, важным для широкой общест-венности. В событии участвуют сразу два субъекта – производитель автомобилей (Citroen) и продавец-дилер (автосалон). При этом последовательность упоминания имен базисных субъектов детерминируется принципом «большой значимости». Так, первым упоминается Citroen (имя вынесено уже в заголовок и встречается в первом же предложении текста: *«Барнаул стал 30-м городом в России, где открылся дилерский центр Citroen»*). Затем вводится наименование «АНТ», а далее производится соответствующее совмещение: *«Марку Citroen в Барнаул привел Автоцентр АНТ»*. Причем данный способ моделирования последовательно проводится на протяжении всего текста, становится его основой. Совмещение встречается в разных контекстах и в разных структурных сегментах текста. В адресной части: *«Официальный дилер Citroen – Автоцентр АНТ»*, в комментирующей части, где выполняет функцию оценки одного субъекта другим: *«Наверное, многое зависит и от качества партнера в регионе? <...> –Мы считаем, что АНТ – очень хороший партнер, и надеемся на плодотворное сотрудничество»*.

Наличие нескольких действующих лиц является характерной чертой текстов рассматриваемого жанра, поскольку имиджевая коммуникация направлена одновременно на несколько целевых групп, среди которых – клиенты, партнеры, спонсоры и даже конкуренты. Таким образом, в текстах находит отражение процесс взаимодействия субъектов PR-дискурса.

3. Вариант «проблема-решение»

Фактором варьирования в данном случае является особый тип предмета отображения, который представляет собой ситуацию, понимаемую как повторяющееся состояние отношений [Тертычный, 2011, с. 14–15].

Ситуация, вводимая автором в текст, как правило, актуализирует какую-либо значимую проблему, посредством решения которой и конструируется имиджевая составляющая субъекта. Основной схемой организации информации в таких текстах является модель «проблема-решение», при реализации которой в основной заголовок и / или в лид-

абзац выносится задача, решение которой является важным для целевой аудитории, а текст содержит информацию о способе решения данной задачи с помощью продукта / услуги, описываемых в тексте. Эта общая модель членится на 4 более частных компонента: постановка проблемы, описание, решение, введение субъекта.

Рассмотрим серию статей о компании Microsoft, опубликованных под общим слоганом: «Решения, актуальные сегодня» («Эксперт», 2009, №№ 38, 46, 48). В отличие от предыдущих примеров, в данных статьях мы не наблюдаем никаких конкретных действий, ограниченных определенными временными рамками – нет ни изначальной точки, от которой идет отсчет, ни конечной, маркирующей завершение деятельности субъекта. Эта пространственно-временная неопределенность позволяет нам говорить, что имеет место не описание конкретного события, а ситуация как некое положение неопределенной длительности. Единственной координатой такого положения становится точка «сейчас», что отражается как на уровне общего слогана: «Решения, актуальные *сегодня*», так и на уровне заголовков каждой из статей: «*Самое время* уменьшить бизнес-расходы» (№ 38), «*Пора* увидеть четкую картину бизнеса» (№ 46), «*Время* эффективнее распределять средства» (№ 48). Актуализация модусного временного значения, которое описывает происходящее именно в данное время, создает эффект включения читателя в описываемое положение дел. Обратимся к отдельным компонентам схемы «проблема-решение»:

а. Постановка проблемы

В наших примерах постановка проблемы в тексте отражается на уровне заголовка, причем происходит это имплицитно. «*Время эффективнее распределять средства*» – пресуппозицией в данном случае является положение о том, что в данный момент средства распределяются недостаточно рационально.

б. Описание (введение в проблему)

Описание сути проблемы дается в лид-абзаце; в сжатой оптимизированной форме автор излагает наиболее важную информацию. Как правило, лид выделяют графически и композиционно для того, чтобы привлечь внимание читателя, заинтересовать и побудить его к дальнейшему чтению текста.

с. Возможность решения проблемы

В наших примерах данный элемент модели частично представлен уже в лиде: «... *помогут технологии Microsoft*». В развернутом

виде решение проблемы дается в основном тексте статьи, где подробно описывается предлагаемый продукт или услуга.

d. Введение субъекта

Последний элемент модели на уровне текста отражается в адресной части. После описания проблемы и предлагаемого решения дается «адрес», по которому можно обратиться. Этот адрес – координаты базисного субъекта (в наших примерах – компании Microsoft), который способен разрешить описанную в тексте проблемную ситуацию: «БЕСПЛАТНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ: как сократить расходы компании при помощи ИТ. Закажите консультацию: +7 (495) 789-81-02». Адресная часть как структурный элемент тоже выделяется графически. Следует отметить, что субъект может быть введен и на более высоких уровнях структуры – в заголовке или лид-абзаце. Но на данных структурных уровнях, в отличие от адресной части, введение происходит только посредством употребления имени; никаких координат при этом не дается. Таким образом, можно констатировать взаимопроникновение элементов модели. На наш взгляд, этот процесс связан с функцией лид-абзаца, которая предполагает концентрацию основного смысла статьи на коротком текстовом промежутке. В таком «концентрате» должны в оптимизированной форме найти отражение все важнейшие элементы макроструктуры, которые позднее будут раскрыты более детально.

Итак, мы представили базовую модель жанра имиджевой статьи и рассмотрели варианты моделирования события и ситуации как предметов отображения.

Характерной особенностью репрезентации события для имиджевой статьи является «сопряжение значимостей» – базисный субъект пытается «привязать» себя к значимости события или другого субъекта, тем самым повысив собственный авторитет и сформировав свой положительный образ в сознании аудитории. Мы выявили 2 типа сопряжений:

Первый – «*событие-субъект*», когда на фоне статичной картинке (определенного набора условий, положения дел) появляется и начинает действовать конкретный участник, который, «проживая» событие, тем самым приобщается к его значимости.

Данный вариант моделирования можно соотнести с одной из моделей восприятия, которая носит название «фон–фигура» и впервые была предложена немецкой школой гештальтпсихологии, а позднее получила широкое освещение в исследованиях по когнитивной лингвистике. Figure (фигура) исследователями определяется

как prominent entity (активное существование объекта), остальное в данной ситуации – background (место совершающегося действия, или, другими словами, задний план) [Evans, Green, 2006].

Второй способ сопряжения – «*субъект-субъект*», когда актуализируются отношения между реальными участниками PR-коммуникации, одним из которых является базисный субъект PR, позиционирующий себя в качестве субъекта взаимодействия и связывающий свой имидж с имиджем другого субъекта.

Вариантом моделирования ситуации как предмета отображения становится схема «*проблема-решение*», разные компоненты которой находят свое отражение на определенных уровнях структуры текста и обладают способностью к взаимопроникновению.

Литература

- Казак М.Ю. Медиатекст как открытый тип текста // Стилистика сегодня и завтра : медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах. М., 2010.
- Клиник Е.И. Методика коммуникативного моделирования жанра имиджевой статьи // Филология и человек. 2013а. № 3.
- Клиник Е.И. Принципы построения модели жанра имиджевой статьи: коммуникативность и дискурсивность // Сборник научных статей международной молодежной школы-семинара «Ломоносовские чтения на Алтае» : в 6-ти ч. Барнаул, 2013б. Ч. V.
- Олешков М.Ю. Системное моделирование институционального дискурса (на материале устных дидактических текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Тагил, 2007.
- Седов К.Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Жанры речи. Саратов, 2009.
- Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2011.
- Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2009.
- Чернявская В.Е. «Типологические дилеммы»: основные итоги и тенденции развития современного жанроведения // Жанры речи. Саратов, 2009.
- Askehave I., Nielsen A.E. Digital genres : a challenge to traditional genre theory // Information Technology & People. 2005. Vol. 18. No. 2.
- Evans V., Green M. Cognitive linguistics. An introduction. Edinburgh, 2006.
- Mikaelyan M.E. Linguistic and pragmatic peculiarities of criminal discourse in the Internet // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 2008. Вып. 6.
- Polanyi L., van den Berg M., Ahn D. Discourse structure and sentential information structure // Journal of Logic, Language and Information. 2003. Vol. 12.

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ЭФФЕКТА ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ НА УРОВНЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

С.С. Барсукова

Ключевые слова: эффект обманутого ожидания, спад напряжения, антитеза, зевгма, игра слов, эмотивная функция (высказывания).

Keywords: defeated expectancy effect, bathos, antithesis, zeugma, pun, the emotive function (of an expression).

Располагая определенным жизненным опытом, человек обладает некоторым набором знаний, которые позволяют ему выдвигать предположения относительно того, что произойдет в дальнейшем, или строить причинно-следственные связи между явлениями окружающей действительности. Поскольку художественное произведение строится по образу и подобию мира реального, то в нем, как в зеркале, отражается, воспроизводится, проецируется реальный или структурируется возможный мир, и интрига художественного произведения, выстраиваемая автором, обычно позволяет предвидеть возможные пути ее развертывания. Однако читатель может столкнуться с неожиданным поворотом, непредсказуемым завершением. В стилистическом определении такая структура создает эффект обманутого ожидания. Эффект обманутого ожидания представляет собой способ формальной организации текста, фокусирующий внимание читателя на определенных элементах сообщения, посредством нарушения предсказуемости. Это один из наименее изученных эффектов, как в плане форм его актуализации, так и в плане создания прагматических смыслов. Суть данного эффекта заключается в следующем: непрерывность и линейность речи означают, что появление каждого последующего элемента подготовлено предшествующими и само подготавливает последующие. Другими словами, последующее частично дано в предыдущем. При такой связи переходы от одного элемента к другому малозаметны, сознание как бы скользит по воспринимаемой информации. Однако если на этом фоне появляются элементы малой вероятности, то возникает нарушение непрерывности, при этом неподготовленное и неожиданное создает сопротивление восприятию, преодоление этого сопротивления требует определенного усилия со стороны читателя, а потому сильнее воздействует на него. Явление это замечено уже давно, а в современной стилистике рассматривается в трудах Дж. Лича [Leech, 1981], Р. Якобсона

[Якобсон, 1987], Р. Фаулера [Fowler, 1967] и М. Риффатера [Риффатер, 1980]. Сам термин «эффект обманутого ожидания» был введен Якобсоном.

Обманутое ожидание в том или ином виде встречается в любой области искусства и в любом его направлении, а в речи – при использовании единиц разных языковых уровней. Так, на уровне предложения – как минимальной единицы языка, представляющей собой грамматически организованное соединение слов – эффект обманутого ожидания создается при помощи таких наиболее распространенных приемов, как спад напряжения, антитеза и зевгма.

Рассмотрим, как эффект обманутого ожидания может быть создан с целью привлечения внимания читателя с помощью такого приема, как спад напряжения. Определяя этот прием, можно охарактеризовать его как фигуру речи, состоящую в таком расположении частей высказывания, относящихся к одному предмету, что каждая последующая часть оказывается более впечатляющей, чем предыдущая, а финальная часть предложения выполняет «разочаровывающую» функцию. Внезапность, неожиданность перехода от чего-то возвышенного к чему-то полностью противоположному, от серьезного – к тривиальному обуславливает создание наблюдаемого эффекта. Спад напряжения выражает комичность высказывания через совмещение несопоставимых идей, при этом у читателя возникает ощущение непреднамеренности создания автором комического эффекта. Например: «*In moments of crisis <...> I size up the situation in a flash, set my teeth, contract my muscles, take a firm grip of myself and, without a tremor do the wrong thing*» [Shaw, URL]. В предложении все предпринимаемые для выхода из кризиса попытки расположены в порядке увеличения их интенсивности, иными словами, в этом предложении использован прием градации, призванный создавать некоторое напряжение. Однако все созданное градацией напряжение мгновенно исчезает после прочтения последних слов предложения (касательно того, что все эти попытки предпринимались напрасно, и все равно была допущена какая-то ошибка). Примерами использования приема спада напряжения в современности могут послужить следующие предложения: «*The ballerina rose gracefully en pointe and extended one slender leg behind her, like a dog at a fire hydrant*»; «*The little boat gently drifted across the pond exactly the way a bowling ball wouldn't*» [Wanderings..., URL]. В обоих приведенных примерах присутствует некое «оценочное» падение при описании грациозности балерины и изящности движения лодки по пруду. Начальные части обоих предложений несут в себе положительный заряд вос-

хищения (балериной, лодкой), который мгновенно рассеивается после прочтения предложений до конца. Иными словами, в приведенных предложениях создается эффект обманутого ожидания.

Следующим приемом, создающим эффект обманутого ожидания, является антитеза. Одним из самых известных примеров антитезы в современности является фраза, произнесенная Нилом Армстронгом: «*One small step for a man, one giant leap for all mankind*». В этом предложении очевидно двойное противопоставление: *small step* противопоставляется *giant leap*, а *a man* в свою очередь противопоставляется *all mankind*. В отличие от вышеприведенных примеров эффекта обманутого ожидания на синтаксическом уровне, в этом примере ожидание разрешается не в негативную, а в положительную сторону. Если в предыдущих примерах позитивный настрой читателя по поводу описываемых событий оканчивался разочарованием, то в этом примере, наоборот, финальная часть предложения удивляет своей глобальностью и возвышенностью. В качестве еще одного примера антитезы, производящей эффект обманутого ожидания, рассмотрим следующее предложение: «*Too black for heaven, and yet too white for hell*» [Dryden, URL]. В данном предложении наблюдается цветовое противопоставление, а при метонимическом рассмотрении – противопоставление совокупности отрицательных качеств личности сумме ее положительных качеств. Эффект обманутого ожидания возникает здесь за счет того, что при прочтении первой части предложения у читателя создается отрицательный образ человека; вторая же часть предложения в глазах читателя неожиданно возвышает этого человека, который оказывается не таким плохим, каким он был представлен в первой части предложения.

Согласно У. Эко, языковое сообщение предполагает, в частности, эмотивную функцию, стремясь вызвать определенную реакцию у читателя и привести к возникновению у него определенных ассоциаций [Эко, 2004]. Примеры антитезы, приведенные выше, могут служить доказательством того, что противопоставление – как прием создания эффекта обманутого ожидания – создает данный эффект именно путем формирования у читателя ярких, контрастирующих друг с другом ассоциаций, относящихся к противопоставляемым концептам (например, рай и ад).

Рассмотрим примеры создания эффекта обманутого ожидания при помощи приема зевгмы. Предполагая обязательную предикативность сообщения, зевгма создает эффект обманутого ожидания именно на уровне предложения, отличающегося от словосочетания наличием категории предикативности. Зевгма «выстраивается» вокруг глагола-

предиката, по своей валентности сочетающегося как минимум с двумя однородными синтаксически, но разнородными семантически членами предложения (чаще всего существительными-подлежащими или существительными-дополнениями). Приведем пример: «*You held your breath and the door for me*» [Alanis Morissette, URL]. В данном случае зевгма формируется вокруг глагола *to hold*, образующего идиоматическое выражение в сочетании с существительным *breath* и простое словосочетание с существительным *the door*, то есть в первом случае *задерживается дыхание*, а во втором – *придерживается дверь*. Глагол *to hold*, участвующий в построении данной зевгмы, показывает удивляющую читателя способность одновременного сочетания с существительными, обозначающими явление и предмет соответственно, и создает тем самым исследуемый эффект. Рассмотрим еще один пример создания зевгмой эффекта обманутого ожидания: «*Oh, flowers are as common here, Miss Fairfax, as people are in London*» [Wilde, URL]. Здесь предикат *to be common* имеет двойной смысл: *быть многочисленными* - в отношении *цветов* и *быть вульгарными* – в отношении *людей*, живущих в Лондоне. По создаваемому в результате и оказываемому на читателя эффекту зевгма схожа с каламбуром (игрой слов).

Каламбур (или игра слов) также является одним из приемов создания эффекта обманутого ожидания. Отличие каламбура от зевгмы состоит в различии структур, их образующих. Так, каламбур не требует наличия глагола-предиката, создавая эффект обманутого ожидания на основе многозначности какого-либо слова. Рассмотрим пример: «*My Grandmother is over eighty and still doesn't need glasses. Drinks right out of the bottle*» [Quote DB, URL]. Данная ситуация может считаться анекдотом, поскольку очевидный здесь эффект обманутого ожидания порождает в свою очередь и комический эффект. Шутка основана на многозначности слова *glasses* в английском языке. В первом предложении активизируется его значение *очки*, но после прочтения второго предложения становится понятным, что в виду имеются не *очки*, а *стаканы*.

Итак, существует ряд приемов, создающих эффект обманутого ожидания на уровне предложения. Среди наиболее известных и изученных – приемы спада напряжения, антитезы, зевгмы и игры слов. Каждый из этих приемов имеет собственные отличительные особенности, касающиеся как структуры и средств формирования, так и создаваемых в результате прагматических смыслов, но то общее, что объединяет все эти приемы – это создаваемый их «необычностью» и непредсказуемостью эффект обманутого ожидания.

Литература

- Риффатер М. Критерии стилистического анализа. М., 1980.
Эко У. Открытое произведение. СПб., 2004.
Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.
Feigenberg L. Introduction to Satire. Iowa, 1967.
Fowler R. Essays on Style and Language // Fowler R. Linguistic and Critical Approach to Literary Style. Ldn, 1967.
Leech G.A., Short M.H. Style in Fiction. A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. Longman, 1981.

Источники

- Show B. Steady Nerves in a Crisis. [Электронный ресурс]. URL: http://www.triviumpursuit.com/speech_debate/pieces.php
Dryden J. The Poetical Works of John Dryden. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fullbooks.com/The-Poetical-Works-of-John-Dryden-Vol5.html>
Wanderings. 25 Worst High School Essay Analogies. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wanderings.net/notebook/Main/HighSchoolEssayAnalogies>
Alanis Morissette. Head Over Feet Lyrics. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lyricsfreak.com/a/alanis+morissette/head+over+feet_20005455.html
Wilde O. The Importance of Being Earnest. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hoboes.com/FireBlade/Fiction/Wilde/earnest/act2b/>
Quote DB. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.quotedb.com/quotes/2853>

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ МАНЕРЫ ЖУРНАЛИСТОВ И СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТ В ВЫБОРЕ ТАКТИК АДРЕСАЦИИ

Е.В. Головенкова

Ключевые слова: средства массовой информации, тактики адресации, идиостиль журналиста.

Keywords: mass media, addressing tactics, journalist's individual style.

Важнейшими функциями современных СМИ, в том числе и газет, являются информирование и убеждение зрителей / читателей. Однако важно отметить двустороннее влияние печатных СМИ и читателей друг на друга. Газеты влияют на мнение, взгляды, симпатии и антипатии читателей, а читатели, в свою очередь, оказывают влияние на рече-

вой облик издания. Так, Л.Р. Дускаева в результате исследования диалогической природы газетных речевых жанров установила, что различные информационные запросы аудитории определяют композиционно-тематические особенности жанров, а коммуникативные запросы задают стилистические параметры жанровых моделей [Дускаева, URL].

Это, как отмечают исследователи медиа текстов, приводит к наметившемуся в последние десятилетия сближению письменной и разговорной речи в печатных СМИ. Сознательная установка на разговорность в СМИ [Дементьев, 2007, с. 53], экспансия диалогических форм в сфере публицистики [Паршина, 2003, с. 91], «сплав книжности и разговорности» (цит. по: [Никитин, 2004, с. 96]) – так говорится об одной из основных тенденций развития современной прессы, по нашему мнению, вызванной стремлением журналистов облегчить читателю восприятие текста и сделать информацию максимально доступной.

Все средства массовой информации оказывают большое влияние на жизнь общества. Способы привлечения и удержания внимания читателей разнообразны. Одним из эффективных способов диалогизации медиа речи является употребление тактик адресации. Вслед за О.С. Иссерс, мы понимаем речевые тактики как приемы, применяемые для реализации речевой стратегии [Иссерс, 2008, с. 109]. Соответственно, тактику адресации можно определить как прием реализации стратегии близости к адресату.

В статье представлены результаты анализа тактик адресации, использованных журналистами «Московского комсомольца» (МК), «Коммерсанта» (К), «Литературной газеты» (ЛГ) и «Известий» (И). Эти тактики были выявлены методом сплошной выборки в статьях, расположенных на официальных сайтах этих газет в разделе «Культура» (всего 8 696 словоупотреблений). Нужно отметить, что, помимо выявленных нами тактик, существуют и другие способы следовать интересам читателей и учитывать их потребности (например, выбор темы статьи, героя публикации, стиля и языка текста и т.д.). Мы рассматриваем тактики адресации как речевые приемы диалогизации текстов. Наш анализ показал, что их выбор определяется не только языковой политикой издания, но часто и речевой манерой журналиста.

В данной работе используется типология тактик, предложенная М.А. Кормилицыной [Кормилицына, 2001, с. 211–213]. Поскольку эта типология отражает языковые способы выражения адресации, мы предприняли попытку разделить такие тактики на группы согласно выполняемым ими речевым функциям:

1) идентичность с адресатом, выражаемая прецедентными феноменами и мы-высказываниями, которые объединяют автора с адресатом: *Послезавтра 65-й кинофестиваль в Локарно завершится, и мы узнаем имена победителей* (К) (мы-высказывание); *Отметим две достойные картины, имеющие отношение к Китаю* (К) (объединение с адресатом); *Опубликован список самых продаваемых книг туманного Альбиона* (И) (прецедентный феномен);

2) вовлечение читателя в общение, свойственное тактикам вопросно-ответного единства, имитации диалога, создания эффекта разговорной речи: *Что осталось бы без «второго плана» от Ролана Пети? Ничего* (ЛГ) (вопросно-ответное единство); *Не сказать, что вся улица была забита, нет, но все, кто хотел, – пришли* (МК) (имитация диалога); *А ведь было еще два акта!* (ЛГ) (создание эффекта разговорной речи);

3) приглашение к совместному размышлению или действию, характерное для прямого вопроса к аудитории, риторического вопроса, возражения под видом согласия, побуждения к действию: *Означает ли это, что удел куратора — провозглашать лозунги и удивлять интервьюеров?* (И) (прямой вопрос); *Надо ли нам становиться европейцами?* (ЛГ) (риторический вопрос); *Разумеется, современная Россия не похожа на деспотию. Однако и нормальной демократической страной считать нас нельзя* (ЛГ) (возражение под видом согласия); *Поэтому, внимая «реформаторам», неплохо бы поразмыслить и о целях, которые они преследуют* (ЛГ) (побуждение к действию);

4) создание эффекта присутствия, часто встречающееся в интервью, например, с актером А. Домогоаровым: *Как это ни странно, он более доходчивый (смеется)* (И);

5) достоверность, передаваемая ссылками на источник информации и цитатами: *Это было впустую потраченное время, – рассказал г-н Иванов «Неделе»* (И) (цитата); *Режиссер отметил также, что в случае успеха проект сможет выполнять функции агентства* (И) (ссылка на источник);

6) лично-ориентированное повествование, создаваемое с помощью Вы-высказывания и прямого обращения: *Если на любой московской ярмарке вы увидите кучу студентов, праздношатающихся, то формат Нью-Йорка в преобладающей степени экспертный* (МК) (Вы-высказывание); *Все это предлагается вспомнить тебе, читатель, когда ты в будущем сезоне соберешься посмотреть балет Ролана Пети «Коппелия»* (ЛГ) (прямое обращение);

7) доступность информации, повышаемая метатекстовыми средствами и пояснениями: **Возможно**, жюри оказалось под влиянием идеи директора фестиваля Оливье Пера о расцвете американского независимого кино (К) (метатекст); **Саша (Шейн – режиссер будущего фильма. – «Известия»)** начал вести со мной переговоры (И) (пояснение).

Основываясь на анализе тактик адресации, использованных в статьях различных изданий, мы можем сделать вывод о том, что в каждой из четырех газет используется свой, типичный для нее и, видимо, наиболее эффективный для ее целевой аудитории способ адресации к потребностям читателей, установления и поддержания контакта с ними (см. таблицу 1; полужирным шрифтом указано наибольшее число употреблений той или иной тактики в каждой из газет).

Группы тактик	К	И	ЛГ	МК	Всего тактик
Идентичность с адресатом	10	5	42	19	76
Вовлечение читателя в общение	3	-	23	14	40
Приглашение к совместному размышлению или действию	-	1	21	16	38
Создание эффекта присутствия	2	3	-	4	9
Достоверность	13	29	21	42	105
Личностно-ориентированное повествование	-	-	2	3	5
Доступность информации	43	16	38	23	120
Всего по каждой газете	71	54	147	121	393

Таблица 1. Употребление тактик адресации в четырех российских газетах

Из Таблицы 1 видно, что наибольшее число изучаемых тактик было выявлено в статьях «Литературной газеты». Чаще всего журналисты этого издания используют тактики идентичности с адресатом, вовлечения читателя в общение и доступности информации. Используя тактики идентичности, журналисты показывают, что читатели являются их партнерами и единомышленниками, что и читателей, и журналистов волнуют одинаковые проблемы: *То, что мы в своей массе неевропейцы, вовсе не крест россиян*. С помощью тактик вовлечения в общение журналисты

позволяют читателям почувствовать себя равными участниками диалога: *Что ждешь от автора? Иной темы, иного поворота, возможно – иного героя.* Употребляя метатекстовые средства и пояснения, авторы статей стремятся сделать текст понятным, проявляя заботу о читателе: *И если это разбухание («богатство» – по Эпштейну) будет продолжаться, английский разделит участь латинского или – что немногим лучше – превратится в сленг.* Загравиваемые в статьях темы и язык газеты, на наш взгляд, показывают, что читателями данного издания являются люди эрудированные, активные, много читающие, знакомые с театральными постановками. Для газеты важно соответствовать концептуальной картине мира и системе ценностей таких читателей, в том числе посредством тактик адресации.

Эти средства установления контакта с читателями характерны для ЛГ в целом. Чтобы понять, насколько общая тенденция соответствует предпочтениям журналистов газеты, мы проанализировали статьи Евгения Маликова и Юлии Ипатовой. Оба журналиста используют тактики, типичные для газеты, но количество тактик показывает их языковые предпочтения. Напомним, что в газете самыми распространенными являются тактики идентичности с адресатом, вовлечения читателя в общение и доступности информации. В статьях Е. Маликова чаще всего встречается третья (метатекстовые средства и пояснения): *Например, мне известно, что Виктория Зиновьева, Юлия Невдошенко и Анжелика Воронцова приглашены в труппу новым главным.* А Ю. Ипатова, видимо, считает наиболее важным продемонстрировать достоверность сообщаемого, поэтому ее статьи содержат большие количество цитат и ссылок на источники информации: *«Я долго думал о смысле жизни, правитель. Он – в человеке».* Это цитата из повести Леонида Подольского «Потоп». Другими словами, при создании текста проявление заботы о читателе у первого проявляется, прежде всего, в стремлении сделать статьи максимально понятными, а у второй – использовать фактуальную информацию и быть максимально объективной. Таким образом, наш анализ средств адресации в статьях только двух журналистов показывает, что авторы этой газеты могут как точно следовать языковой политике издания, так и сохранять свой авторский стиль.

Публикации «Московского комсомольца» также насыщены различными приемами адресации. В статьях газеты чаще всего встречаются тактики, повышающие степень достоверности информации. Можно предположить, что журналисты считают важным показать высокую степень объективности рассуждения, часто включая в текст цитаты: *Как не вовремя ушел, - берет слово Сергей Юрский, - так больно теперь без*

него. Анализ особенностей статей МК дает основание предположить, что у этой газеты широкая аудитория, и читатели разных социальных групп могут найти в ней интересные статьи. И это тоже своеобразное средство адресации к широкой аудитории. Статьи в МК различаются и по языковой манере. И хотя в большинстве из них язык не выходит за рамки литературного, есть и такие, в которых употребляется сниженная и жаргонная лексика, скорее всего, адресованная молодым читателям: *Местные жители теперь оправдываются: мол, слишком много в шоне у них проходило рок-фестивалей, ссылаясь на «Движение» и «Рок-лайн».* **В общем – зажрались.**

Языковая манера Аллы Жидковой и Ольги Галицкой в разной степени предполагает использование широко распространенных в МК тактик достоверности. В статьях О. Галицкой они встречаются также часто. В текстах А. Жидковой распространены тактики не только достоверности, но и доступности информации: *Потоп нарочито козырял украинским акцентом (хотя в жизни говорит почти без него).* Таким образом, на основании данных нашего анализа можно предположить, что в МК журналисты, не нарушая принятого в газете стиля, могут следовать и своим личным предпочтениям в выборе тактик.

В газете «Коммерсантъ» используемые тактики не столь разнообразны, как в рассмотренных выше изданиях, и их количество почти в два раза меньше. Наиболее распространены тактики доступности информации: **Причина проста:** *эти фильмы дарят людям заряд чистых эмоций, которых так не хватает современному фестивальному кино.* В них выражается стремление журналистов сделать текст максимально понятным. Статьи данного издания отличаются строгой манерой изложения информации, нами не отмечено отклонение от норм русского литературного языка.

В этой газете для подробного анализа нами были выбраны статьи Андрея Плахова и Анны Толстовой. Для А. Плахова характерен доступный и понятный язык, поэтому самыми частотными в его публикациях являются метатекстовые средства и пояснения (как и по изданию в целом): **Убы,** *кажется, девушка уходит из ниоткуда в никуда: герой погибает, не успев оформить завещание.* Важна для этого журналиста и общность со своим читателем, о чем говорит использование тактик идентичности: *Послезавтра 65-й кинофестиваль в Локарно завершится, и мы узнаем имена победителей.* Для А. Толстовой приоритетом также является понятный текст, поэтому тактики доступности в ее статьях широко распространены: *У самарского музея, надо сказать, роскошная коллекция русского авангарда (она нередко гастролирует по границам),* а все остальные тактики используются нечасто, причем в равной мере. Таким образом,

А. Толстова придерживается стиля адресации, принятого в газете, а А. Плахов сохраняет свою манеру общения с аудиторией.

Меньше всего примеров средств адресации мы встретили в статьях газеты «Известия». Самыми распространенными в ней являются тактики достоверности информации. Следовательно, для издания приоритетом является сообщение точной фактуальной информации: *Попечительский совет обещает, что долгостроя не будет, и через 2–3 года мы уже освятим новый храм, - говорит отец Виктор*. Использование данных тактик дает основание предположить, что газета ориентируется на тех читателей, которые могут самостоятельно интерпретировать факты.

В этой газете мы рассмотрели публикации Ларисы Юсиповой и Виктории Ивановой. У Л. Юсиповой несколько чаще остальных встречаются тактики доступности информации: *Я читал мемуары Жюль Жакоба (бесшумный в течение многих десятилетий президент Каннского фестиваля. – «Известия»)*, а В. Иванова отдает предпочтение тактикам достоверности: *Я счастлив тем, что могу в наше время воплотить тему дружбы и мира через исполнение общей музыки, - сказал Валерий Халилов*, тактики же других групп практически не встречаются в ее статьях.

Итак, проведенный анализ показал, что способы создания диалогичности газетного текста разнообразны. Самыми востребованными тактиками адресации в центральной российской прессе являются тактики доступности, достоверности информации и идентичности с адресатом. При этом в каждой из четырех газет приняты свои тактики адресации, мало распространенные в других изданиях, что, видимо, является отражением редакционной политики, ориентирующей на целевую аудиторию. Многие журналисты, следуя приоритетам языковой политики газеты, все же стремятся не изменять своему идиостилю.

Литература

Дементьев В.В. Об одной оценочной системе в русском языке // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2007. Вып. 7.

Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. [Электронный ресурс]. URL: http://psujourn.narod.ru/lib/dial_.htm

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.

Кормилицына М.А., Сиротина О.Б., Кузнецова Н.И. и др. Риторическая организация речи (адресованность речи) // Хорошая речь. Саратов, 2001.

Никитин О.В. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005 // Русский язык за рубежом. 2004. № 4.

Паршина О.Н. Виды диалога в политическом дискурсе // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. Вып. 2.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СТРАННЫЙ» В ПРЕДЛОЖЕНИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

С.Н. Германов

Ключевые слова: понятие «странный», атрибутивная конструкция, нексусная конструкция, бипредикативная конструкция.

Keywords: concept «strange», attributive structure, nexus structure, bipredicative structure.

На уровне обыденного восприятия понятие странности осознается как отступление от общепринятого, привычного, более рекуррентного, иными словами, такого состояния или изменения событий и ситуаций, которое определяется, как норма и потому прогнозируемо и ожидаемо. Прогностические суждения основываются на знании норм и закономерностей, которое может быть как эмпирическим, так и логически выводным, а равным образом, полученными как уже сформулированный постулат, аргументированный предшествующим опытом социума. Таким образом, определение чего-либо как странного может иметь в основе как высокий уровень знания существа объекта или ситуации, так и недостаточность базового знания о воспринимаемом. Зависимость толкования понятия странности от характера имеющегося знания позволяет отнести его к области гносеологических понятий, входящих в сферу актуализации познавательного процесса.

Отнесенность исходного понятия к области гносеологических и, более всего, его соположенность с понятием нормы позволяют говорить о вхождении понятия странного в сферу оценочных представлений.

Выражение оценки в предложении тесно взаимосвязано с модальностью.

Идея же разграничения структур *de dicto* и *de re* впервые была высказана в модальной логике Аристотеля. Как отмечает У. Нил, именно Аристотелю принадлежит мысль о том, что в одних высказываниях модальность (субъективная) приписывается пропозициональной структуре, или «сказанному» (*de dicto* – к диктуму, или к высказанному), а в других свойство приписывается как необходимому объекту (*de re* – к вещи). Формализованная запись этих структур комментативного вхождения отличается положением модифицирующего оператора – за рамками пропозиции, несущей основную информативную нагрузку, надпропозиционально, или внутри пропозиции, определяя нексус-

ные отношения (отношения «подлежащее – сказуемое»). Таким образом, специфика структур *de re* по отношению к структурам *de dicto* состоит в том, что оператор модальности не выносится за рамки базового суждения. Модальность *de dicto* выносится за рамки базового суждения, при этом пропозициональные отношения «объект – признак» остаются вне сферы действия модального оператора.

Однако, наряду с модусами *de re* (отношение к реальной действительности) и *de dicto* (отношение к сказанному, семантическое пространство, референция в котором осуществляется не к элементам реальной действительности, а к элементам дискурса, речи), выделяют модус *de se* (отношение к сказанному когнитивным субъектом, отличным от говорящего, перспективизация высказывания от лица субъекта истинностной оценки) [Lewis, 1983; Oshima, 2006].

Будучи выявленными в модальной логике [Целищев, 1978], эти модели стали использоваться как инструмент анализа в лингвистике [Арутюнова 1988; Зеленщиков 1992; Трунова, 1991; Roy 2000 и др.], поскольку надпропозициональными могут быть любые комментативные смыслы [Долинина, 1983].

Таким образом, выявляются три модели вхождения оценки в высказывание: атрибутивная, нексусная, бипредикативная.

Приписывание признака объекту определяется рамками структур *de re*. Если этот признак обозначен оценочным предикатом «странный», это может означать, что в обычной ситуации объекту такой признак присущ быть не может:

(1) What an adventure! Unseen vehicles passed us, then there were strange hammering sounds that came and went, followed by a loud hissing like agiant serpent. We stopped soon after this and our guide came around and opened the rear door. I stepped out first and found myself at the foot of a ramp leading up into what could only be the battered hull of a deep spacer (H. Harrison «A Stainless Steel Rat is Born»).

В данной ситуации «hammering sounds» отличаются от всего того, что слышал до этого человек, рассказывающий о них. Эти звуки отличаются от его понимания нормальных, и поэтому он называет их странными. Ситуация в целом для него является типичной, поэтому использование конструкции *de re* в данном случае адекватно отражаемому моменту, так как в привычной ситуации появляется необычное проявление сопутствующих обстоятельств.

В конструкциях *de re* может передаваться также не признак некоторого объекта, а восприятие этого признака субъектом. В каком-либо другом из «возможных миров» этот признак является нормативным,

обычным, но в данной ситуации, по мнению субъекта оценки, он представляет собой отклонение от принятой нормы:

(2) *They were my brothers, those eight strange men garbed in their strange costumes. And I knew that it was right and fitting that they should dress in whatever manner they chose, just as it was right for me to wear the black and the silver. Then I chuckled, as I realized what I was wearing, what I had purchased in the little clothing store of that little town I had stopped in after my departure from Greenwood* (R. Zelazny «The Great Book of Amber»).

Данные конструкции также способствуют передаче значения странности, которое носит обобщающий характер и определяет не собственно объект, а способ его существования, характер производимых им действий. То есть, если в одних случаях признак может не быть присущим объекту в обычных условиях, то здесь признак является ингерентным объекту, но все это не вписывается в ситуацию:

(3) *«We both knew ... Bourne ... years ago. I think you know from where; you read the name off to me. He was the strangest man I ever met, as close to being paranoid as anyone in that outfit. He undertook missions--risks--no sane man would accept. Yet he never asked for anything. He was filled with so much hate»* (R. Ludlum «The Bourne Identity»).

Предикат «странный» в конструкциях de re также может передавать непривычность состояния:

(4) *For a few seconds Moon-Watcher stood uncertainly above his new victim, trying to grasp the strange and wonderful fact that the dead leopard could kill again. Now he was master of the world, and he was not quite sure what to do next* (A.C. Clarke «2001: A Space Odyssey»).

Признак, вводимый в высказывание структурой de dicto, является надпропозициональным и характеризует все высказывание. В этой позиции может стоять любой предикат с комментативным смыслом, то есть отражаемая в высказывании ситуация определяется как возможная, случайная, приемлемая, приятная, странная и так далее.

Рассмотрим следующие примеры:

(5) *He registered dimly how strange it was that the Dursleys, who flinched, winced and squawked if they heard words like «wizard», «magic» or «wand», could hear the name of the most evil wizard of all time without the slightest tremor* (J.K. Rowling «Harry Potter and the Order of the Phoenix»).

В данном случае имеет место каноническая представленность оценочного комментативного смысла. Вся ситуация (the Dursley could hear the name of the most evil wizard without the slightest tremor) определяется как странная, в смысле – непонятная, необъяснимая. Характер не уточняется, поэтому позиционирование оценки на оценочной оси находится в позиции

«нейтрально», так как Гарри еще не осознал, хорошо это или плохо. В ситуации эксплицируется основание оценки: (the Dursleys flinched, winced and squawked if they heard words like «wizard»), то есть поведение семьи Дурслеев в описываемой ситуации кардинально противоположно их обычному, привычному поведению. Именно это расхождение вызывает недоумение и соответствующую оценку.

Особенностью надпропозициональных оценочных конструкций является большая степень синтаксической свободы. Они могут употребляться в начале предложения, в конце предложения, разрывать канву предложения и вводятся как парантеза:

(6) *'We know that for sure Opoku was a strange man. His father Edu penin, the first, died before he was born, and Nyaku, his mother, as is our custom, became the wife of Edu Penin, the second, the new King of Amokum ... Ou! Ou! So **strange it all was**, for Edu, the third, died soon after Opoku was born, Opoku's mother, Nyaku, losing three husbands in rapid succession ... Ou! Ou! What a great portent! What a Great Sign! From long, long, ago, Opoku Ware is the one who created Ntemkose Miensa, the truth of the husbands, The Great Oath Of Three, to mark in truth the quick deaths of the three husbands ... In times of disputes, great chiefs can come forward and swear to the truth of their words on The Great Oath Of Three in the same way as the whiteman uses the black book of Christians...We have our ways and customs. They rallied and rompe* (R. Hinds «Black Lions: A History of Black Players in English Football»).

(7) *The street outside was completely foreign to me. I walked for a long time before realising that I was stuck: the road's name I'd arrived at wasn't the same as the one in my parents' letter. Perhaps I had taken a wrong turn somewhere. Nervously, I asked a passer-by for help. 'Walk straight on and go right at the next turn,' he said. As I passed the correct road name it suddenly occurred to me how **strange it was that I had just had to ask where my own family's street was*** (D. Tammet «Born on a Blue Day»).

(8) *How **strange it all was**: We were home and yet it was utterly new, the variations of the Sultan's palace having given the village an alarming gleam, my mind keenly aware of each step the soldier took, though I saw the garden of the Sultan in strange, warm flashes* (A.N. Roquelaure, A. Rice «Beauty's Release»).

Позиция надпропозициональной оценочной конструкции в предложении не меняет характера оценки. Она может быть значима только в прагматическом смысле: употребленная в начале предложения, она «настраивает» воспринимающего на определенное отношение к суждению, выраженному в главном предложении сложной синтаксической единицы.

Следует отметить, что конструкции такого рода не являются частотными. Более рекуррентны, как показывает материал исследования, являются конструкции с вводными оборотами и вводными словами:

(9) ***Strangely enough**, Frodo felt refreshed. He had been dreaming. The dark shadow had passed, and a fair vision had visited him in this land of disease. Nothing remained of it in his memory, yet because of it he felt glad and lighter of heart. His burden was less heavy on him. Gollum welcomed him with dog-like delight. He chuckled and chattered, cracking his long fingers, and pawing at Frodo's knees. Frodo smiled at him* (J.R.R. Tolkien «Two Towers»).

(10) *That was Vega's cue to let go of the glass. As it dropped, Chavez and León came up to their knees and aimed their MP-5s at the guards. Both took bursts in the head without warning, and both fell without a sound. **Strangely**, the submachine guns sounded awfully loud within the confines of the vehicle* (T. Clancy «Clear and Present Danger»).

В рассматриваемом примере для автора является главным показать не то, что звук пистолета-пулемета звучал слишком громко, а то, что звук внутри автомобиля был слишком громким. Использование конструкции *de dicto* способствует перенесению фокуса внимания с определенного явления на ситуацию в целом.

(11) ***Strangely**, the clarity of the photos was better at night. The cooler night air was less roiled and did not interfere with imaging as much as in the shimmering heat of the day* (T. Clancy «Patriot Games»).

Ясность снимков сама по себе не является странной в силу использования сильной аппаратуры. Странной, необычной, хотя и объяснимой (в ситуации эксплицировано основание оценки) представляется ситуативная обусловленность проявления признака.

(12) *She couldn't bear to listen to the Goldberg Variations yet again, because suddenly the music's piercing beauty was depressing. **Strangely**, for her, it had come to signify loss, loneliness, and quiet desperation. The apartment quickly became stifling rather than cozy, claustrophobic rather than comforting* (D. Koontz «False Memory»).

В данном случае особенностью комментитивного смысла, передаваемого вводным компонентом предложения, является внешняя по отношению к ситуации оценка происходящего. Предикат «strangely» здесь передает негативную оценку, которая формируется контекстуальными показателями: использованием лексики, способствующей формированию негативного эмоционального тона (*depressing, loss, loneliness, desperation, stifling, claustrophobic*).

Оценочные предикаты семантического поля странности могут также вводиться в конструктивную рамку предложения структурами de se, в виде некусных сочетаний:

(13) *If his parents watched him with bewilderment and a little fear, if they seemed happier when he asked to be excused from supper and shut himself in his room, that was all right with Nothing. He was strange to his parents, and they were incomprehensible to him. He rejected their world. There was not a thing in it that touched him, not a thing he could claim as his own* (P. Brite «Lost Souls»).

Имеющиеся варианты вхождения оценочных предикатов микрополя «strange» в структуру предложения могут быть представлены в виде следующей схемы (рис. 1):

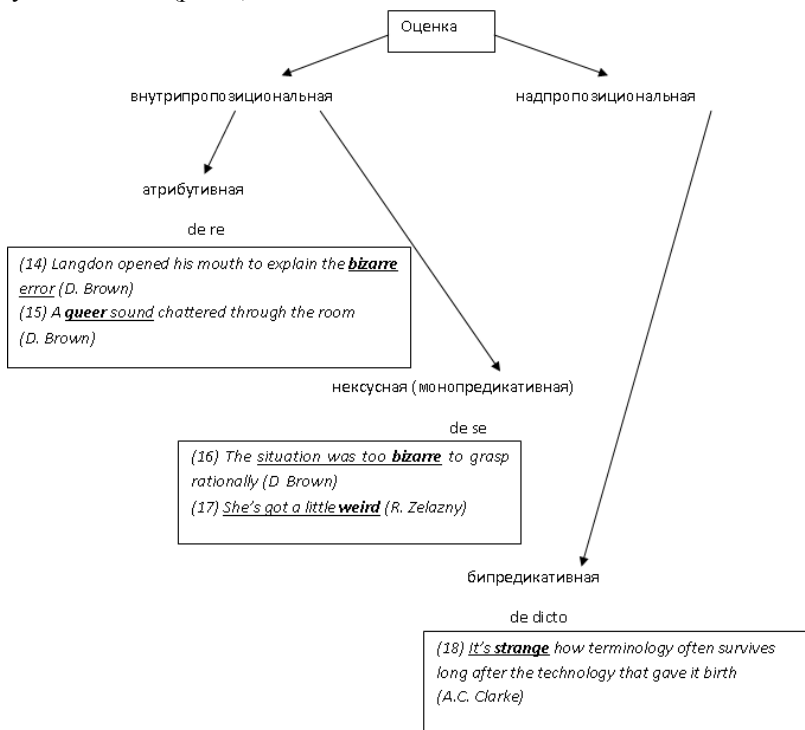

Рис. 1. Структуры вхождения оценочного предиката

Следует отметить, что семантика и характер оценочного смысла предикатов семантического оценочного сегмента «странный» не зависит от структуры вхождения. Оценочный смысл всегда определяется

контекстуально или на основе имеющегося фрейма знания о типичной ситуации «нормы» - «отклонение от нормы». Разница в характере включения этих предикатов в структуру предложения значима в том плане, что этот оценочный атрибут приписывается объекту или пропозиции, определяя изменение фокуса оценки.

Прагматический потенциал высказываний с исследуемыми оценочными предикатами определяется в контекстуальной интерпретации. При этом системное значение лексемы остается неизменным.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
Долинина И.Б. Конструкции с предикатными актантами в неродственных языках // Категории глагола и структура предложения : Конструкции с предикатными актантами. Л., 1983.
Зеленщиков А.В. Форма и интерпретация модальных высказываний // Трёхаспектность грамматики (на материале английского языка). СПб., 1992.
Трунова О.В. Природа и языковой статус категории модальности (на материале английского языка). Барнаул-Новосибирск, 1991.
Целищев В.В. Понятие объекта в модальной логике. Новосибирск, 1978.
Lewis D. Philosophical Papers. Oxford, 1983. Vol. 1.
Oshima D. Perspectives to Discourse : PhD Thesis. Stanford, 2006.
Roy T. Things and de re modality Nous. Bloomington, 2000. Vol. 34. № 1.

ФУНКЦИИ И СПОСОБЫ ВВЕДЕНИЯ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В БРИТАНСКИХ ГАЗЕТАХ

А.И. Матяшевская

Ключевые слова: язык СМИ, национальная специфика медиа-дискурса, речевая культура, сниженная лексика, цели, функции.
Keywords: mass media language, national peculiarities of media discourse, speech culture, informal/spoken and taboo words, aims, functions.

В статье отражены результаты исследования сниженной лексики в пяти британских газетах по их онлайн-версиям (за 2012–2013 годы, по 7 выпусков каждого издания): «качественные» The Guardian (далее - G) и The Independent (далее – I), менее ограниченная в «развлекательности» The Observer (далее – O) и таблоиды The Daily Star (далее – D) и The Sun (далее

– S). Выбранные нами газеты различны по освещаемой тематике: для G и I характерно внимание к актуальным общественно-политическим и социальным проблемам, вопросам экономики, искусства, культуры, а также ориентация на вдумчивого, высокоэрудированного медиаадресата; газета O считается довольно серьезным изданием, тем не менее, она не лишена некоторых элементов «желтизны»; в таблоидах D и S преобладают шокирующие и скандальные истории, новости шоу-бизнеса и спорта. Журналисты всех пяти газет используют сниженную лексику, но в разном количестве: на 100.000 словоупотреблений в G приходится в среднем по 124 сниженные единицы, в I – по 132 единицы (в обоих изданиях сниженные и нейтральные словоупотребления соотносятся как 1:1000), тогда как в газетах O, D и S на 100.000 словоупотреблений насчитывается по 210, 328 и 500 сниженных элементов соответственно [Матяшевская, 2012; 2013].

В основу определения характера используемой сниженной лексики положены словарные пометы: *informal* – лексема воспринимается как неофициальная, что примерно соответствует помете «разг.» в отечественной лексикографии (далее – *inf*); *spoken* – использование лексемы характерно только для разговорной речи; *taboo (rude, offensive)* – грубая, оскорбительная лексика, часто заменяемая точками в газетном тексте (<http://www.ldoceonline.com/>).

В ходе сравнения британской и российской прессы обнаруживается целый ряд сходств, касающихся употребления сниженной лексики. Поскольку концепция самого издания весьма жестко диктует характер использования выразительных средств, рассмотренные нами британские газеты кардинально различаются степенью субъективизма своих публикаций, самой возможностью проявления в них авторского начала. Тем не менее, в британских газетах любого типа – от признанно «качественных» до откровенно желтых – можно обнаружить некоторое количество сниженной лексики, что объясняется, в первую очередь, предназначением передаваемой СМИ информации для весьма неоднородного массового адресата. Использование разговорной лексики помогает британским журналистам эффективно передавать нужную информацию, быстро и доступно сообщать основное содержание статьи, даже если она не будет прочитана целиком и с должным вниманием. Неудивительно, что разговорная лексика становится неотъемлемым компонентом высокоинформативных, насыщенных специальными терминами и цифровыми данными статей, например: *Despite being on the **dole** (inf) more than 65000 households rake in more than £26000 a year (D 03.04.12).*

Особенно востребованной сниженная лексика в журналистских публикациях оказывается в рамках риторической категории разговорности

[Сиротинина, 1998]: британские журналисты активно пользуются ею, стремясь придать статье оттенок непринужденности и доверительности, а также заставить читателя воспринимать автора как «своего». Говоря об этой высокочастотной функции сниженной лексики, необходимо отметить сходство в ее реализации в британских и российских печатных СМИ: поставив задачу расположить к себе читателя, журналисты обеих стран обычно подкрепляют действие разговорной лексемы многократным введением инклюзивного местоимения «мы» или «все мы»: *We all hate it when things go wrong because we didn't follow our **gut instincts** (inf) and we hate it more when we have allowed someone else to talk us into something different* (O 07.04.12). При помощи этих средств журналисту удастся перенести в подтекст и усилить убедительность своего имплицитного утверждения: необходимо жить своим умом – лучше самому совершить ошибку, чем позволять другим навязывать тебе решения.

Значительно реже, чем в российских статьях, британские журналисты преподносят свою точку зрения на затронутую в публикации проблему как единственно верную, истинную. Однако, в предложении: *This would lead not only to the job losses, but also to price **hikes** (inf) mainly putting off poor customers on tight budgets* (O 07.04.12) журналист подкрепляет свою собственную интерпретацию возможных последствий экономической политики не терпящими возражений бездоказательными заявлениями (и это не единственный пример). При этом автор явно рассчитывает на то, что никто никогда не одобрит безудержный рост цен, а значит, читатели будут вынуждены разделить его далеко не однозначную критическую позицию.

Российских и британских журналистов объединяет активное использование в статьях цитирования как универсального способа подчеркивания достоверности своей информации (при этом доля сниженной лексики в чужой речи довольно высока). Сочетание косвенной цитаты и разговорной лексемы помогает журналистам обеих стран создать у читателя впечатление объективности передаваемой информации, полученной непосредственно из первых рук: *Roberto Mancini believes he could **be sacked** (inf) in summer if Manchester City do not win the title*(S 29.03.12). Характерной особенностью британских изданий является стремление авторов подчеркнуть недоказанность высказанных третьим лицом обвинений, что позволяет им самим избежать возможной юридической ответственности за клевету. В предложении: *Megastar Madonna faces being sued by an Australian artist who claims she **nicked** (inf) the design on her perfume bottle from him* (D 07.05.12) журналист вводит обвинительную сниженную лексему при помощи оборота «который утверждает», обращая тем самым внимание чита-

телей, а также юристов звезды на то, что приводимое в статье заявление пока ничем не доказано.

Анализ российской и британской прессы позволяет утверждать, что огромное значение имеет сам характер отбора цитат. Российских и британских журналистов объединяет широкое использование цитат в качестве инструмента манипуляции читательским сознанием. В утверждении: *Disabled pensioner says the reforms will **hammer** (inf) the economy* (G 22.01.13) мнение простой пенсионерки (возможно, субъективное и, скорее всего, непрофессиональное) подается как объективное, значимое для общества – таким образом журналист в своем материале смещает акценты, заменяя факты на определенную, частную точку зрения. Еще одним «интернациональным» способом манипуляции читательским сознанием в печатных СМИ является стилизация журналистских обвинений политиков под их же прямую речь; при этом авторская интерпретация начинает выглядеть как «чтение чужих мыслей»: *The unspoken subtext is «Aren't we fabulous, caring about the poor and their limited budgets?» Often this translates as «I wouldn't dream of eating that **crap** (sp, not polite), but it will suffice for the lower orders who, **bless** (sp), don't know any better»* (O 07.04.12).

Помимо использования разговорной лексики, британские журналисты для придания своим заявлениям еще большей убедительности часто ссылаются на какой-либо авторитет. Как российский, так и британские журналисты часто прибегают к некоему обобщенному экспертному мнению: *From activists to analysts, everyone will be keen to see if H&M can really **crack it** (inf; O 07.04.12)*. В других случаях журналисты, словно проникая в ход мыслей героя публикации, активно убеждают читателя в правильности приводимой ими мотивации решений политиков: *The Tories are desperately hoping that Boris Johnson **hangs on** (sp) as a mayor of London and defeats Ken Livingstone* (O 28.04.12).

Тем не менее, как правило, британские журналисты куда более сдержанны и осторожны, чем их российские коллеги – не обладая бесспорными доказательствами, они стараются избегать прямых оценок и утверждений, дополнительно подчеркивая, что высказывают лишь одно из возможных мнений, умалчивая при этом о характере источника (обычно это мнение части читателей или даже неподтвержденные слухи). В российских СМИ этот способ введения используется значительно активнее и реализуется неопределенно-личными конструкциями, что связано с грамматическими особенностями языков, но все-таки встречается такой способ и в британских газетах: *There's a belief that Tory confusion in government may persuade some voters **to ditch** (inf) Johnson* (O 28.04.12); *Rumours swirled around Barclays at the end of last year that just under one in 10 of the invest-*

ment bank's 23000 global workforce would be axed (inf) by a strategic overhaul (G 22.01.13).

Разговорные лексемы часто вводятся в контекст как российских, так и британских статей в качестве своеобразных ярлыков. При этом иногда «ярлыковые» оценки получают в статье особое преломление, начинают осмысливаться в ироническом контексте. Например, журналист, рассказывая о себе, использует довольно оскорбительное слово со значением «женоподобный мужчина», намекая на стереотип, что большинство вегетарианцев – женщины: *Even before I became a sissy (inf, not polite) vegetarian, a friend told me about his working in a burger-processing plant* (O 08.04.12).

Разговорная лексика дает возможность автору углубить содержание текста – часто значение одной сниженной лексемы заменяет собой сразу несколько характеризующих слов как в русском, так и в английском языке. Так, в предложении: *Many newlyweds are signing up to a lifetime commitment to debt as well as love as they splurge (inf) on their «dream wedding»* (S 15.01.12) слово *splurge* с наибольшей точностью характеризует предмет статьи, сочетая в себе значения «транжирить», «выставлять напоказ», «хвастать», «пускать пыль в глаза»; кроме того, автор иронизирует, указывая на то, что в наше время результатом идеальной свадьбы становится не только вечная любовь, но и вечные долги.

Помимо этого, в британской прессе сниженная лексика оказывается особенно востребованной именно в функции синонимизации – включая разговорные выражения в состав синонимического ряда, журналист получает возможность подчеркнуть многосторонность явления, детально описывая характеры и глубоко проникая в суть проблемы. В следующем утверждении последовательное нагнетание деталей и указание на типичность агрессивного поведения для подростков значительно повышает степень воздействия журналистского материала на читателей: *The vast majority of Brit (inf) adolescents are as they always were, as most of us were – vile (inf), maddening, stroppy (inf), sarcastic ignorants, who would doubtless be labelled dangerous, disaffected sociopaths in any other European country* (O 18.02.12).

Как в «качественных», так и в откровенно желтых изданиях, сниженная лексика оказывается незаменимым средством передачи эмоциональной реакции журналиста, выражения полного неприятия описываемого явления или события, заявления о несправедливости и предвзятости общественного мнения: *Whether one likes Jamie Oliver or not, his meeting with this woman and others like her led him to spend years – while we were all*

*sitting on our **fat arses** (sp, not polite) **slagging him off** – on a quest to work out why people in poverty aren't cooking fresh food (I 28.08.13).*

Кроме того, сниженные элементы гармонично вплетаются в текст статей, авторы которых намеренно воссоздают колорит определенной социальной среды – статьи на тему полицейских спецопераций изобилуют разговорными лексемами со значениями «расколоть», «мошеничество», «схватить на месте преступления» и др.: *The banner was a reference to Preziosi's punishment for buying a crucial match against Venezia in 2005, a **scam** (inf) that was **rumbled** (inf) when police **nabbed** (inf) Enrico Preziosi with 250000 euro stuffed in a bag (O 28.04.12).*

Немалый интерес представляет использование разговорных лексем в заголовках газет. Одной из характерных причин, объясняющих включение сниженной лексемы в заголовки британских статей, является форма этой лексемы, а именно – ее краткость, способствующая компрессии передаваемой информации: *Meningitis vaccine gets Europe **nod** (inf; G 22.01.13).* Сниженная лексика в составе заголовка позволяет выразить самую суть статьи. С целью заинтриговать читателя, заголовки часто сочетают в себе языковую игру и экспрессивные разговорные лексеммы. Эта особенность характерна для британских газет в целом; среди российской прессы ее наиболее ярко и последовательно демонстрируют заголовки «Аргументов и Фактов», а также некоторые заголовки «Новой газеты». В следующем заголовке языковая игра направлена на создание эффекта неожиданности – обыгрывается созвучие глагола *pout* и словосочетания *out of control*: ***Pout of control. Kristina blows** (inf) **4k pounds on lip jabs** (inf) but still wants more (S 15.01.12).*

Итак, все выбранные для исследования британские газеты («качественные», желтые и смешанный тип) обнаруживают в своих публикациях сниженную лексику. Ее состав и количество прямо соотносится с особенностями самого издания и потенциальной читательской аудиторией: изобилующие разговорной лексикой таблоиды контрастируют с относительно невысокой частотностью сниженных элементов в серьезных, «качественных» газетах [Матяшевская 2012; 2013]. При этом, в отличие от российских изданий, в британских газетах всех типов практически не встречается откровенно грубая лексика.

Использование разговорных элементов в газетном тексте передает авторское настроение, придает убедительность и наглядность суждениям, а также способствует усилению экспрессии и установлению контакта с читателями. Во многих случаях журналист усиливает воздействие сниженной лексемы, добавляя к ней иные средства выразительности (например, иронию, языковую игру, ссылку на авторитет и др.) По нашему мне-

нию, подавляющее большинство разговорных лексем во всех рассмотренных в данной статье британских газетах используется журналистами сознательно и к месту (с учетом содержания публикации) – в качестве действенного контактоустанавливающего и выразительного средства.

По-видимому, глобальным явлением в газетных СМИ оказывается их движение в сторону большей приближенности к языку масс; при этом количественное соотношение нейтральной и сниженной лексики в пределах одного номера определяется типом газеты: желтые издания буквально пестрят сниженной лексикой, тогда как «качественные» газеты тяготеют к более официальному типу общения с читателем в стремлении избежать подчеркнутой субъективности и излишней эмоциональности, присущей сниженной лексике.

Литература

Матяшевская А.И. Сниженная лексика в британских СМИ (на материале газет The Observer, The Sun и The Daily Star) // Вторая международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах». М., 2012.

Матяшевская А.И. Особенности функционирования сниженной лексики в британских газетах The Guardian и The Independent // Предложение и слово. Саратов, 2013.

Сиротинина О.Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» // Лики языка. М., 1998.

The Longman Dictionary of Contemporary English Online. [Электронный ресурс] URL : <http://www.ldoceonline.com/>

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ НАРРАТИВНОЙ ПОЭТИКИ

К.А. Воротынцева, И.В. Силантьев

Ключевые слова: лирика, нарратив, повседневность, событие, событийность.

Keywords: lyric, narrative, daily routine, event, eventfulness.

Наиболее распространенной концепцией нарративности является трактовка ее как событийности: именно событие чаще всего рассматривается в качестве ключевой нарратологической категории. Нарратив порождается общечеловеческой потребностью в «новом», «неслыхан-

ном», он возникает благодаря спросу на «сюрпризы» [Шмид, 2010, с. 21]. В отличие от мифа, который, с точки зрения древнего человека, «всегда говорит обо мне», нарратив рассказывает о Другом: «первое организует мир слушателя, второе добавляет интересные подробности к его знанию этого мира» [Лотман, 1998, с. 226]. Нарративный дискурс индивидуализирует, а не обобщает свое референтное содержание (ход событий): обобщение в нем может присутствовать лишь имплицитно, в качестве картины мира, составляющей фон происходящего [Тюпа, 2010, с. 12]. В целом, нарратив ориентирован на изложение нетривиальных изменений – различных отступлений от комплекса норм, соотносенных со временем, целями, намерениями и т.д. Таким образом, событие, имманентное референту нарративного дискурса, предстает в качестве некоего отклонения от законного, нормативного в художественном мире, нарушения одного из тех правил, соблюдение которых сохраняет порядок и устройство этого мира [Шмид, 2008, с. 22]. Отметим, что в данном случае речь идет о рассказанном событии, поскольку особенность нарратива – здесь мы опираемся на идеи М.М. Бахтина – состоит в его двоякой событийности: соотношение референтного события (события, о котором рассказывается) и события рассказывания (дискурсии) являют произведение в его событийной полноте [Тюпа, 2002, с. 8]. В целом, рассказанное событие мыслится как то, что произошло, хотя могло и не произойти, как наименее вероятное [Лотман, 1998, с. 226], что кардинально отличает нарратив от мифа, в котором реализация вероятностной модели невозможна – как, в свою очередь, неприемлемо и наличие более чем одного правильного, освященного пути (пути культурного героя, который необходимо повторить).

Следует, однако, отметить, что ученые, принимающие во внимание эпистемологическое измерение нарратива, полагают, что в литературе мы всегда имеем дело не с событиями или фактами в их сыром виде, а с тем или иным изложением событий [Тодоров, 1975, с. 69]. Иными словами, события связаны с личностью, объектом или позицией, с которыми происходит серьезная перемена (говорящий субъект, протагонист, имплицитный или реальный автор, адресат, читатель), и событийность всегда зависит от перспективы, позиции, при которой изменение переживается как событие (например, позиции говорящего субъекта или читателя). Там, «где нет причастности к человеческому интересу, где изложенные события не порождены и не пережиты антропоморфным агентом или объектом, там нет и рассказа», поскольку «только проецируясь на человека, события приобретают смысл» [Бремон, 1972, с. 112]. В целом, интеллигибельность (умопостигаемость)

событийности, а также представление о событии как интенциональном объекте [Тюпа, 2002, с. 24] являются наиболее важными свойствами события для многих исследователей: согласно современным теоретическим разработкам, именно в нарративном сознании актуализируется смыслообразность происшедшего (см.: [Силантьев, 2006; Тюпа, 2010; Шмид, 2010]).

Перейдем теперь к анализу повседневности в аспекте нарративной поэтики. В течение XX века категория повседневности оказывалась в центре внимания многих исследователей (Э. Гуссерль, А. Шютц, П. Бергер, Т. Лукман, И. Гофман, Ф. Бродель и др.). В целом, повседневность обычно рассматривается как нечто нормальное, привычное, рутинное [Ионин, 2000, с. 119], «непроблематизируемое», типичное, естественное – то есть как то, что воспринимается нами в качестве интерсубъективно разделяемой нормы, ускользающей от рефлексии. Отметим, что нас, однако, будет интересовать не повседневность, переживаемая в опыте субъектом, а повседневность в *художественном* нарративе, то есть в том типе повествования, изображаемый мир которого являет собой заверченный со стороны автора эстетический объект (М.М. Бахтин). На первый взгляд, именно в художественном нарративе не может быть повседневности, поскольку та воспринимается человеком нерелексивно, в то время как в искусстве незначущих элементов по определению не существует; следовательно, повседневность в рассказанном событии должна также быть маркирована. Однако, как мы попытаемся показать, «маркированная повседневность» не является оксюмороном. Миромоделирующая функция повествования действительно предполагает выделение из недискретного жизненного потока определенных фактов и перегруппировку их в соответствии с правилами дискурса, но подобный взгляд на повседневность свойственен, скорее, метапозиции. «Внутри» же художественного нарратива, характеризующегося установкой на событийность (ведь если бы ничего не происходило, то «не было бы события», «не было бы неожиданности», «нечего было бы рассказывать» [Рикер, 2000, с. 64]), наблюдается градация происшествий от нейтрального факта, воспринимаемого актантом в качестве естественного и нормального, до полноценного события. Таким образом, повседневность в повествовании, на наш взгляд, предстает в качестве соотнесенной с риторической картиной мира нормы или доксы, в диалектической связи с которой существуют события, выступающие как выход, прерывание привычного течения жизни или «пересечение запрещающей границы» – одним словом, как отклонение от внутритекстовой нормы.

Обращаясь к проблеме повседневности в повествовании, необходимо также отметить работы В. Шмида, занимающегося анализом доксы в нарративе и указывающего, что полноценное событие подразумевает некоторую парадоксальность [Шмид, 2010, с. 16]. Парадокс – это то, что не помещается в области здравого смысла и житейской логики, то, что существует или совершается, или мыслится вопреки ожидаемому, обычному, нормальному [Силантьев, 2009, с. 173]. По мнению В. Шмида, в повествовании доксои выступает последовательность действий, которая в рамках художественного мира является предсказуемой для протагониста [Шмид, 2010, с. 16]. Ученый относит доксу к уровню художественного мира, подразумевая, что для опытного читателя, знакомого с литературной или жанровой традицией, нарушение доксы, неожиданное для персонажа, вполне может быть ожидаемым и закономерным: докса не равнозначна script, «сценарию» читателя (то есть тому ходу событий, который читатель ожидает, исходя из моделей, существующих в литературе или реальном мире) [Шмид, 2010, с. 16] – рассуждая о «доксальном» компоненте референтного события нарративного дискурса, ученый разграничивает интра- и метапозиции, которые может занимать субъект.

Следует также отметить особенности позиций абстрактного автора и абстрактного читателя [Шмид, 2008, с. 61] (то есть креативных и рецептивных компетенций дискурса [Тюпа, 2010, с. 93–96]), с точки зрения которых определяется, что именно получает статус нормы или события. Находясь на метапозиции, абстрактный автор, выступающий как последователь литературной традиции, может не признавать создаваемое им событийное изменение в качестве действительно «событийного» – то есть неожиданного или нового (аналогичную метапозицию может занимать читатель, что также отмечает В. Шмид). С другой стороны, автор как креативная инстанция находится на интерпозиции, то есть он является порождающей инстанцией истории, характеризующейся определенной событийностью и обладающей той или иной степенью рассказываемости. Общее соотношение события и нормы в повествовании, на наш взгляд, складывается из соотношений повествовательных инстанций: для анализа художественного образа повседневности необходимо учитывать не только точку зрения актантов, но и позицию нарратора, который, занимая по отношению к актантам более высокое положение, может выстраивать свое соотношение событийного и нормированного в повествовании. Еще «выше» находятся конституирующие дискурс креативные и рецептивные компетенции – то есть

автор и читатель как абстрактные функции повествования, которые соотносятся с представлениями о норме и событии.

Отметим, что на уровне героя событие манифестируется – если воспользоваться концепцией Лотмана – пересечением границы семантического поля [Лотман, 1998, с. 224], то есть фактически переходом из одной системы норм в другую. Однако для определения типа повседневности нам будут важны не эти конкретные нормы, конституирующие каждое семантическое поле и определяющие меру событийности в нем (то есть то, что следует или не следует считать событием). Если рассматривать повседневность как категорию художественного мира, анализируя соотношение нормированности и событийности с позиции нарратора, а также абстрактного автора (и читателя), то важным окажется само пересечение границы и возможность осуществления подобного события. Следовательно, повседневность в литературном нарративе определяется не частным пребыванием героя в том или ином семантическом поле и конкретным содержанием его норм, а точкой зрения абстрактного автора (и читателя), рассматривающих сам факт нарушения границы как возможный (в отличие от тех текстов, которые Ю.М. Лотман называет бессюжетными, характеризующихся тем, что пересечение границы в них в принципе неосуществимо). Таким образом, нарратив всегда дает нам образ повседневности, понимаемой как рутина и обыденность и существующей в диалектической связи с событием, реализующимся в качестве нарушения нормы. В целом, эстетическое осмысление повседневности в повествовании моделируется средствами всего дискурса: именно рассказывание являет нам образ повседневности в художественном мире произведения.

Следует отметить, что в повествование может также вторгаться лирический дискурс, вследствие чего происходит разворачивание лирических модальностей и формирование лирического события с опорой на определенную парадигму лирической мотивики [Силантьев, 2009, с. 34–35]. Напомним, что адекватное восприятие лирики состоит в сопряжении позиций автора/лирического субъекта и читателя: лирический субъект является актантом, создателем «рефлективного события-откровения», причем сама событийность порождается «коммуникативным актом обращения к читателю с определенной точки зрения, на которую помещается и адресат» [Тюпа, 2013, с. 162–163]. Рецепция лирического высказывания, таким образом, оценивается с помощью перформативной оппозиции успех-неудача [Левин, 1994, с. 64]: лирика, «вживляющаяся в ткань нашей души» [Левин, 1994, с. 66], требует от читателя «симпатического понимания» [Левин, 1994, с. 65]. При этом,

в отличие от нарративного события лирическая событийность отсылает к типовым ситуациям, закономерностям бытия [Тюпа, 2013, с. 146], представляя соотнесенной со «смыслооткровением нормального течения жизни» [Тюпа, 2013, с. 147]. Она открывает «некую норму переживания в индивидуальном “ненормированном” случае», следуя формуле: «Так было не только один раз, так бывало и бывает» [Сильман, 1977, с. 199–200]. Иными словами, лирическое событие предстает не отклонением от нормы, а, скорее, нормой «жизни в одном из ее бесчисленных проявлений» [Тюпа, 2013, с. 159].

Однако подобная «нормативность» лирического события парадоксальна: с одной стороны, событие в лирике отсылает к универсальным моментам бытия, «закономерностям жизненных обстоятельств» [Тюпа, 2013, с. 147]. С другой стороны – оно переживается лирическим субъектом (и вслед за ним и читателем) в качестве уникального личного опыта, что позволяет говорить о корреляции лирического высказывания с мифопоэтическим мироощущением: мир, возникающий в результате реновации, отсылает к уже имеющемуся образцу, повторяя его, однако сам он при этом является уникальным миром, созданным в результате нового акта творения – кроме того, в него входит новый субъект, новый наблюдатель. В целом, лирическое слово является «мирообразующим» (М.М. Гиршман) в отличие от нарративного, которое лишь свидетельствует о мире [Тюпа, 2013, с. 120]. Касаясь проблемы соотношения лирического дискурса со строем мифологического мышления [Шмид, 1998, с. 297–308], отметим, что для мифа характерно то, что он проживается, а не рассказывается: нечто подобное наблюдается при рецепции лирического произведения, которое требует «присвоения» со стороны адресата, фактически «проживающего» его: в лирике читателю предлагается вовлечься в мир, демиургически сотворенным автором / лирическим субъектом.

Таким образом, в лиризованном повествовании, характеризующемся возрастанием событийности, экзистенциальной для героя и вовлекающей весь наличный художественный мир в его (и в наше как читателей) переживание [Силантьев, 2009, с. 29], происходит моделирование художественной повседневности, отличной от той, которая создается нарративным дискурсом. Образ повседневности в данном случае будет представлять экзистенциальным, «событийным», исчезнет сама возможность противопоставления события и нормы, поскольку «вневременное» лирическое событие [Тюпа, 2013, с. 160] не нарушает, а утверждает некую норму (пусть и сама рецепция подобной нормы на метауровне является уникальным опытом для субъекта). В целом, мо-

дель повседневности, испытывающая влияние мифологических конструкций, характеризуется цельностью и неразрывностью: современное понимание событийности, ориентированное на новеллистичность, появляется далеко не сразу – лишь после разрушения традиционного мира, когда законы необходимости утрачивают свое основополагающее значение.

Таким образом, художественный образ «событийной», «экзистенциальной» повседневности, в рамках которой отсутствует возможность противопоставления события и нормы, является имманентно присутствующим лирике, показывающей нам «завоевание истины через личное переживание действительности» [Сильман, 1997, с. 76]. При взаимодействии художественного нарратива с лирическим дискурсом, характеризующимся определенной корреляцией с мифопоэтическими конструкциями, происходит моделирование особого образа повседневности, возникающего на границе нарратива и лирического перформатива.

В целом, как мы постарались показать, повседневность, рассмотренная в качестве категории нарративной поэтики, предстает своего рода нарративной доксой, причем, особенности художественного образа повседневности определяются реализацией того или иного типа событийности (нарративного или лирического), то есть в общем виде – динамическим и смысловым соотношением события и нормы. В художественном нарративе повседневность всегда имеет вид асобытийности, в то время, как событие выступает в качестве своеобразной «точки разрыва». При вторжении лирического перформатива в повествование наблюдается трансформация коммуникативных свойств нарративного дискурса и образование лирической событийности. Весь мир превращается лирическим субъектом (а вслед за ним и читателем) в момент внутренней жизни. В итоге снимается возможность противопоставления события и нормы, характерная для «чистого» нарратива, и происходит формирование художественного образа «событийной», экзистенциальной повседневности.

Литература

- Бремон К. Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
- Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000.
- Левин Ю.И. Заметки о лирике // Новое литературное обозрение. 1994. № 8.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998.
- Рикер П. Время и рассказ. М.: СПб., 2000. Т. 2.
- Силантьев И.В. Газета и роман : Риторика дискурсных смещений. М., 2006.

- Силантьев И.В. Сюжетологические исследования. М., 2009.
Сильман Т.И. Заметки о лирике. Л., 1977.
Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. М., 2013.
Тюпа В.И. Дискурсивные формации: очерки по компаративной риторике. М., 2010.
Тюпа В.И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. 2002. Вып. 5.
Шмид В. Нарратология. М., 2008.
Шмид В. Проза как поэзия. СПб., 1998.
Шмид В. Событийность, субъект и контекст // Событие и событийность. М., 2010.

КОМЕДИЙНО-САТИРИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ «КВАРТИРНОГО ВОПРОСА» В ТВОРЧЕСТВЕ М. БУЛГАКОВА: «ЗОЙКИНА КВАРТИРА»

Е.В. Белогурова

Ключевые слова: комедия, дом, квартира, зазеркалье, притон, шабаш, миф.

Keywords: comedy, house, apartment, mirror-world, den, sabbath, myth.

«Зойкина квартира», премьера которой состоялась в театре им. Евгения Вахтангова 28 октября 1926 года, с одной стороны, развивает мотивы «квартирного вопроса» повести «Собачье сердце». С другой стороны, комедия предвдваряет некоторые ведущие мотивы и образы этой темы в пьесе «Бег» и романе «Мастер и Маргарита», работа над которыми осуществлялась почти одновременно, начиная с 1928 года.

«Громадный дом» как место действия комедии исследователи справедливо соотносят и с домом в рассказе «№ 13 Дом Элит-Рабкоммуна», и с домом № 302-бис на Большой Садовой в романе «Мастер и Маргарита» [Соколов, 1998; Гаспаров, 1994; Яблоков, 2001; Жданова, 2003]. Причем, как в рассказе, дом заполняет все пространство художественного мира пьесы, действие всех 3-х актов совершается только в его пределах. Сравнение «двора громадного дома» с «музыкальной табакеркой» создает образ замкнутого и самодостаточного мира, а оперная фраза, озвученная «граммофоном», «На земле весь род людской...» / «Чтит один кумир священный», разорванная в тексте ремарки и как бы охватывающая, вбирающая в себя голоса толпы, гудение трамвая, автомобильные сигналы, развертывает метафору «громадного дома»

как дома всего «людского рода» – Дома-Мира, находящегося во власти Дьявола, о чем свидетельствует и ария Мефистофеля из оперы Шарля Гуно «Фауст», и авторские тропы «страшная музыкальная табакерка», «адский концерт».

Переходом же из музыкального регистра темы дьявольского универсума в регистр темы частного домашнего бытия представителей «людского рода», поклоняющегося «кумиру», служит смена затихающего «адского концерта» «веселой полькой», исполняемой на «гармонике», которую «подхватывает, переодеваясь у зеркального шкафа», Зоя – хозяйка квартиры из шести комнат в пятом этаже этого дома. Пятый этаж в художественной архитектонике данной пьесы приобретает особое значение.

В «Зойкиной квартире» многоэтажная конструкция дома-мира эпохи НЭПа, перемешавшего и объединившего в одном замкнутом пространстве омертвевшие обломки старого и живые реалии нового мира, обретает более развернутую социальную и метафизическую иерархию. Подвал – «мерзкая подвальная комната, освещенная керосиновой лампой» – заняли «гости» из шанхайского «пекла» – «китайские жулики и бандиты», как они сами характеризуют себя, творящие «над горящей спиртовкой» адское зелье – наркотики и замышляя убийство. Первый этаж всецело принадлежит пролетариату, неутомимую бдительность которого за жизнью верхних этажей в поисках возможности «уплотнения» квартир их обитателей олицетворяет «недреманное око» домкома. Квартиру из семи комнат в бельэтаже занимает высокопоставленный советский чиновник – «коммерческий директор Треста тугоплавких металлов». Наконец, верхний – пятый этаж отдан на откуп новым «предпринимателям» – устроителям частных коммерческих предприятий, к коим принадлежит главная героиня Зойка Пельц и ее компания.

Верхнее положение новых коммерсантов в сатирическом плане пьесы характеризует их как «накипь», грязную пену в адском котле громадного дома-мира. «Кузен» Зои Аметистов – человек без определенного лица, места жительства и профессии – картежный шулер, искатель легкой наживы – во все времена плававший в парах накипи, едва не «снятый» расстрелом в Баку, очутившись в Зойкиной квартире, говорит: «Эх, судьба ты моя горемычная, затащила ты меня опять в пятый этаж!» [Булгаков, 1986, с. 343]. Впрочем, вскоре он, обжившись в «пятом этаже», почувствует себя, как и другие его обитатели и посетители, небожителем: «ослепительный свет», зеркала, «хорошо, уютно» – «райское место».

Однако ощутить себя на «седьмом небе» мешает им сознание временности своего существования, отсутствие надежной опоры под ногами. Поэтому пятый этаж для них лишь ступень для воспарения к седьмому небу, которым им представляется заграница – Париж, Ницца, и достичь его они готовы любой ценой.

Между тем, какофония, «адского концерта» в открывающей пьесе ремарке определяет общее состояние дома-мира, в котором рушатся иерархические перегородки, ад и рай оборачиваются, меняясь карнавальными масками. В «мерзком подвале» обитает красивый юноша китаец Херувим, тогда как хозяйку квартиры в пятом этаже называют «чертом» (...Алла. <...> *Знаете, кто вы, Зойка? Вы – черт!*). Вместо нектара Херувим доставляет небожителям адское зелье – кокаин, а Зойка спускает в подвал свою прислугу Манюшку, из-за которой влюбленные бесы-китайцы готовы резать друг друга, а заодно и Манюшку. Советский директор из бельэтажа сорит деньгами из кассы треста, ссужая их Зойке на организацию ателье-притона, оказываясь клиентом и «Ателье», и собственной любовницы, которую намеревался взять в жены, не ведая о ее тайном ремесле, и, в конечном счете, становится жертвой бандита Херувима. Бывший граф, изгнанный из наследственного особняка, живет на содержании Зойки, подрабатывая тапером в ее «Ателье», а безродная мешанка Зойка не прочь стать «графиней» в обмен на обещание подарить Абольянинову Ниццу, обрести которую надеется на капитал, сколоченный в притоне. Комическим интегралом хаоса подмен и превращений, сведенных к абсурду, становится рассказ бывшего графа Абольянинова: «еду к вам в трамвае мимо Зоологического сада и вижу надпись: «...демонстрируется бывшая курица»...Спрашиваю у сторожа: а кто она теперь? Он отвечает: «Теперь она петух». Ничего не понимаю...» [Булгаков, 1986, с. 343].

Вся эта адская мешанина развертывается на сцене в пределах одной квартиры: «Видны передняя, гостиная и спальня» [Булгаков, 1986, с. 336]. В этом обозримом, в соответствии с законами сцены, пространстве сосредоточено действие пьесы. Однако из визита «домкома» в эту квартиру выясняется, что ее хозяйка Зоя живет «одна в шести комнатах», что является нарушением нового порядка распределения «жилплощади» среди советских граждан, и гражданке Зое грозит либо «уплотнение» бездомным пролетарским элементом, либо «выселение».

Этот «квартирный вопрос» в «Зойкиной квартире» освещается в связи с сатирическими заданиями комедии с точки зрения нового закона. Речь идет о том, как владельцы больших квартир обходят этот закон, сохраняя свои «метры» любыми средствами. Создаваемую этими сред-

ствами иллюзию законности Булгаков изображает в семантике низовой мифологии: «*Португя*. Первая комната тоже пустует. / *Зоя*. Простите, он в командировке. / *Португя*. Да что вы мне рассказываете, Зоя Денисовна! Его в Москве вовсе нету. <...> Мифическая личность» [Булгаков, 1986, с. 338]. Вторую из шести комнат якобы занимает мифическая «племянница» – прислуга Манюшка. В третьей будет прописан счастливо появившийся «кузен» Аметистов. Остаются две «лишние» комнаты: «Спальня (*Португя*. При советской власти спален не полагается)» [Булгаков, 1986, с. 336]) и «зала». Но на эту «площадь» влиятельный сосед Зои Гусь-Багажный «выправил документик», разрешающий на «дополнительной площади» открыть мастерскую и школу «для шитья прозодежды для жен рабочих и служащих». И мастерская, и школа также окажутся «мифом».

В новой пьесе Булгаков фиксирует углубление процесса дезорганизации домашнего пространства как с точки зрения культуры быта, так и с точки зрения частного бытия, огражденного законом и запорами от чужого вторжения. Домком Португя, демонстрируя одной своей фамилией причастность к властной силе, не слушая «возражений», «лезет» с черного хода в самые недра «частной квартиры» – «прямо в спальню к даме». Но, в отличие от «честного» Швондера, новый домком развращен состоятельными жалыцами, откупающими взятку и ложью незаконные метры своей жилплощади, так что его «португя» оказывается холостой, и на его власть проникать безнаказанно в любую квартиру («*Не видишь, я с портфелем <...> Значит, я всюду могу проникнуть. Я лицо должностное, неприкосновенное. У меня ключи от всех квартир*» [Булгаков, 1986, с. 337]) находится большая власть в лице «неизвестных пролетариев» (тоже «с портфелями») из уголовного розыска, у которых ключи не только от всех квартир, но и «от всех шкафов». Так, Булгаков под маской смеха обнажает картину тотального надзора, от которого не защищают частное бытие человека ни стены, ни двери, ни портьеры на окнах. За портьерой, под дверью, в нише стены – всюду согладатаи. Защитная функция дома, стен, дверей, окон превращается в миф. Обыгрывая образ «мифической личности», обитающей в «пустой комнате», Булгаков развивает его в плане мифа о доме-крепости: «*Зоя. <...> Пойдемте, Павлик, к мифической личности, я не хочу здесь разговаривать, окно открыто. (Уходит с Абольяниновым через гостиную в дверь и закрывает ее за собой)*» [Булгаков, 1986, с. 343]. Но и дверь не спасает от чужих ушей и глаз. Традиционные комедийные мотивы подглядываний, подслушиваний в пьесе Булгакова приобретают зловещий криминальный характер: Аметистов, подслушивающий у двери разговор Зои с графом, тут же

готов превратить его в средство шантажа своей же «кузины»; подсматривающий из-за портьеры Портупея использует свой прием для вымогательства новых взяток; прячущийся в нише, где обычно находились статуи античных богов и богинь, новый «божок» – Херувим подстерегает с ножом свою жертву.

В то же время Булгаков, продолжая мысль своего героя профессора Преображенского о том, что «разруха... в головах», показывает в комедии, что нарастающий дискомфорт частного бытия человека усугубляется его собственной саморазрушительной работой. Хозяйка спальни, оскверненной бесцеремонным вторжением Портупеи, сама несет и сеет семена скверны. Появляясь из «шкафа» дезабилье («я не одета»), она вступает в «деловой» разговор с домкомом. Едва последний покидает спальню, как последняя превращается в тайное злчное место, куда Херувим доставляет из подвала кокаин для любовника хозяйки, приготовляя его здесь же на спиртовке. Спальня-лаборатория затем описывается в лексике больничного покоя, где с помощью «лекарства» совершается «исцеление» Абольянинова, который «оживает на глазах», а след за воскрешением бывшего графа в спальне воскресает из мертвых Аметистов: *«Зоя. Тебя же расстреляли в Баку!»/ «Аметистов. Ну расстреляли меня... Ну что же делать? <...> Эй, Зойка, очерствела ты в своей квартире! Оторвалась от массы!»* [Булгаков, 1986, с. 345, 347]. Зойка под давлением шантажа обретает милосердие, одаривая «сироту» «гуманными штанишками» любовника графа, как бы возвращая месту действия – спальне – его интимное значение.

Масштабные перемены претерпевает гостиная, которая сначала превращается в мастерскую, – «но отнюдь не для «шитья прозодежды для жен рабочих», а для шитья дорогих модных нарядов для жен состоятельных граждан. Но и модное ателье не завершает цепи превращений домашнего пространства. С наступлением вечера квартира «преображается»: «зажигают огни», создавая иллюзию уюта с претензией на былой аристократизм (*«Абольянинов. Очень уютно. Отдаленно напоминает мою прежнюю квартиру <...>. Очень хорошо, только у меня ее отобрали...»* [Булгаков, 1986, с. 356]). Ностальгию по утраченному раю – *«Аметистов <...> (Оглядев квартиру.) Вуаля! Ведь это же рай!»* [Булгаков, 1986, с. 356]) – усиливают фрачные костюмы мужчин, вечерние туалеты появляющихся дам. Но условные звонки, нетерпеливое ожидание чего-то другого, наконец, суматоха в связи с появлением «властного» гостя – Гуся-Багажного выдает конспиративный, маскировочный характер домашнего уюта. Едва важный гость устроился «поудобнее», гостиная превращается в театр: *«Абольянинов начинает играть. Распа-*

живается занавес», и «на освещенной эстраде» одна за другой дефилируют дамы в «роскошных» нарядах, изображая показ мод в ателье, однако «довольно откровенные туалеты» и не менее откровенное заигрывание одной из дам с Гусем, впадающим в «крайнее возбуждение», выдает новое назначение квартиры, превращенной в публичный дом, то есть в полную противоположность «дома» как частного, личного, семейного пространства.

Сатирической профанацией «семейственности» в Зойкином «доме» являются отношения между его обитателями: мифическая племянница Манюша, мифический «морганатический супруг» Зои Абольянинов, которого воскресший Зоин «кузен» называет «папашей», намекая на его преклонный возраст. Вся «семейка», начиная с хозяйки относится к «дому» как временному пристанищу, в доме всем «скучно», и связывает их только надежда пожить на тайном «предприятии».

В обстановке Зойкиной квартиры, где бы ни происходило действие – в спальне или гостиной, в мнимой «мастерской» или в театре «Ателье» – центром оказывается «зеркальный шкаф». Этот предмет вождления бывшего пролетария эпохи НЭПа в пьесе В. Маяковского «Клоп», написанной почти одновременно с «Зойкиной квартирой», в последней является не только предметом моды, роскоши и, вместе с тем, знаком материального благосостояния и телесно-материальных приоритетов над духовными, но и сквозным мотивом, организующим, с одной стороны, театрално-игровые аспекты комедийного сюжета, а, с другой стороны, двоемирие художественного пространства пьесы.

В первом случае образ зеркального шкафа генерирует мотивы переодеваний, лицедейства, чудесных превращений комедийных персонажей: Зоя открывает шкаф – и нищий Аметистов «в засаленном френче», «в рваных штанах», «в кепке» чудесным образом превращается в элегантно одетого «администратора» в «великолепных брюках», а вечером – во фраке. Еще одно магическое движение хозяйки, и шкаф «распахивается», являя перед вечной Зойкиной должницей Аллой «парижские туалеты», ввергая ее в соблазн греха.

Зеркала шкафа отражают двойную сущность лиц и, в то же время, являются границей двух миров, каждый из которых предстает в обратной перспективе: реальный мир квартиры (спальня, гостиная, мастерская) оказывается мнимым, ложным, тогда как «азеркалье» открывает тайную суть квартиры как «веселого дома», злачного места. Кроме того, образ зеркального шкафа включается в метафорическую риторику, обозначая границу между здешним миром и нездешним, потусторонним. В шкафу то «исчезает», то возникает хозяйка квартиры, то вспыхивает

ослепительный свет, то «тьма поглощает Зою и Аллу» [Булгаков, 1986, с. 355]. Игра света и тьмы, жизни и смерти исчезновения и воскресения, реальности и миража в двух первых актах завершается картиной зазеркалья как «мертвого дома», где правит балом Сатана – сценическая реализация заглавной метафоры Дома в первой развернутой ремарке пьесы.

Наступает ночь и под звуки фокстрота, которым открывается шабаш, среди гостей возникает Мертвое тело, обозначая пространство «мертвого дома» и предвеляя появление второго мертвого тела, в которое превращается Гусь, набитый пачками денег, за что и будет зарезан Херувимом, согласно заглавному музыкальному мотиву пьесы: «люди гибнут за металл». Преступники бегут, хозяйка арестована. В пустой квартире остается только бывший граф, знаменуя конец былой жизни, последним признаком которой остается след памяти костюмного этикета, позволивший под занавес разоблачить «неизвестных» агентов переодетых в смокинги: «*Абольянинов*. Простите, к смокингу ни в коем случае нельзя надевать желтые ботинки» [Булгаков, 1986, с. 378].

В целом, действие, разыгрывающееся в Зойкиной квартире, является одной из ранних версий главных эпизодов в московской части «Мастера и Маргариты». Во втором акте манипуляции с зеркальным шкафом, показ модных туалетов в сцене «Ателье» представляют вариации будущего «Магазина» в сеансе черной магии на сцене театра Варьете. А ночной бал в открывающейся анфиладе Зойкиной квартиры – гостиная, спальня, зала – с улыбающимися манекенами – «не разберешь», живые они или мертвые» [Булгаков, 1986, с. 369], – с Мертвым телом, с фокстротом и вальсами, льющимся шампанским и кровью является скромной репетицией бала Воланда в квартире дома 302-бис. При этом ведущим комическим героем – шутом, гаером, ловким «помощником черта» – Зойки – является Аметистов. Его первое появление в «нехорошей квартире» – «в засаленном френче», без штанов «с каким-то» медальоном на груди и с чемоданом карт – это черновая редакция сцены визита генерала Чарноты в парижскую квартиру Корзухина, а его рассказ о скитаниях по России вплоть до «расстрела в Баку» – возможная версия судьбы генерала, если бы он остался в России или решил бы вернуться на Родину из Константинополя. В то же время все дальнейшее действие Аметистова в роли администратора Зойкиного «предприятия» явно намечает образ Коровьева – Фагота.

«Квартирные» коллизии пьесы являются, таким образом, важнейшим звеном в развитии темы судьбы русского дома в творчестве Булгакова, в продолжении его уникальной летописи «квартирного вопроса» в советской России.

Литература

- Булгаков М.А. Пьесы. М., 1986.
- Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М., 1994.
- Жданова В.А. Тема дома в творчестве М.А. Булгакова // Начало. М., 2003. Вып. 6.
- Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. М., 1998.
- Яблоков Е.А. Художественный мир М. Булгакова. М., 2001.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ БАШКИРСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Г.Х. Абдрафикова

Ключевые слова: литература, башкирская детская литература 20-х годов.

Keywords: literature, Bashkir children`s literature of the 20^s.

В истории башкирской литературы первые значительные произведения для детей стали появляться еще второй половине XIX века. Цикл стихотворений «Четыре времени года» (в рукописном сборнике «Манзумати Галия») Гали Сокорья проникнут любовью к родному краю, ее природе. В то же время, эти произведения ценны и своей познавательностью и назидательностью, где автор дает характеристики каждому времени года, стремится показать единство природы и человека, их вечное взаимодействие.

В центре внимания религиозно-дидактических и просветительских стихотворений и басен Мухаметсалима Уметбаева (в книге «Ядкар», 1897), Гарифуллы Киикова («Поэтический сборник для детей, или Рифмы для детей», 1903), Мифтахетдина Акмуллы («Памяти Шигабутдина Марджани и другие стихи», 1907) были вопросы о гуманизме, нравственности, пользе знания и общей

культуры. В них авторы остро критикуют невежество, безграмотность, призывая овладевать ремеслами.

Своего рода педагогической энциклопедией можно назвать назидательно-поучительные сочинения-насихаты Ризаитдина Фахретдинова. Его книги «Воспитанный ребенок» (1905), «Наставления для детей» (1911), «Наставления для одиноких девушек» (1910), «Наставления для девочек» (1916) с их учебно-педагогическим, морально-этическим, религиозно-дидактическим содержанием дают ответы на многие вопросы педагогики, не теряя своей ценности и по сей день. В них автор дает подробную характеристику воспитанного ребенка, отдельно для каждого случая расписывает нормы поведения. По словам исследователя С.З. Салиховой, эти сочинения просветителя «являются ориентирами в решении важной задачи воспитания – формировании духовно-нравственной личности» [Салихова, 2006, с. 63].

Духом просветительства пронизаны и назидательно-дидактические рассказы для детей Гали Рафики, написанные в 10-х годах XX века. Кроме призыва к знаниям, эти произведения писателя учат детей постигать секреты природных явлений, растительного и животного мира, объективно рассуждать об окружающей действительности. В своих рассказах, таких как «В поисках уток», «Домашний журавль», «Ноги покрылись цыпкой», «Охотник Нури», автор не только призывает изучать природу, но и, применяя разные художественные приемы, приводит интересные, занимательные сведения и факты об окружающей среде, животных и птицах.

В первые годы Советской власти основу произведений составляет присущий духу времени пафос утверждения революционных идей с его романтикой и патетичностью. По словам исследователей, «романтика первых лет Октября возникает из ощущения романтичности самой действительности» [История советской многонациональной литературы, 1971, с. 64]. Многие произведения заметно тяготеют к простому пересказу, информативности, описанию какого-либо события. Некоторое время они продолжали иметь дидактический характер, сохраняя традиции просветительства и критического реализма.

К середине 20-х годов детская литература постепенно начала развиваться как явление со своим поэтическим лицом. От простой разъяснительной описательности она поднялась до уровня целостной, самостоятельной художественной системы, где постепенно нарастали признаки нового идеологического метода с названием

социалистический реализм. Во всей литературе преобладала тема передела мира: разрушения старого и строительства нового, из-за чего характерной в ней были такие средства и приемы изображения, как противопоставление, антитеза, контраст. Согласно этому, изображались и герои произведений, которые обладали только положительными, или только отрицательными качествами, будучи в разных лагерях классовой борьбы или же из разных социальных слоев общества. Положительные герои, как правило, – это выходцы из простого обездоленного народа, бедноты, а отрицательные – это богачи, муллы, представители так называемого класса эксплуататоров.

Существенную роль в оживлении детской литературы, воспитании новых авторов в этой области сыграло и издание некоторых газет и журналов. Так, в 1923 году начала выходить газета «Молодой бедняк» («Йэш юкхыл»), а в 1925 году – «Молодежь Башкортостана» («Башкортостан йэштэре»), в которых отводились специальные страницы для детей, а в 1929 году начал издаваться журнал «Ежик» («Терпе»). Произведения для детей выходили и отдельными книгами.

В детской литературе 20-х годов, как в поэзии, так и в прозе, преобладали малые жанры, отличающиеся своей емкостью, мобильностью, способностью быстро реагировать на бурно развивающиеся события и в наибольшей степени отвечающие потребностям времени.

Детской тематике особое место уделил в своих произведениях классик башкирской литературы М. Гафури. Еще в дореволюционной своей книге «Специальные национальные стихи для девушек», 1910) и в других стихотворениях, таких как «Детская работа», «Хорошие дети», «Старательный ребенок», «Ленивый ребенок», «Озорной ребенок», вошедших в сборник разных авторов «Стихотворения с иллюстрациями» (1915) из серии «Для детей школьного возраста», поэт призывает детей к борьбе с безграмотностью, овладению знаниями, воспитанности и вежливости. Он также является одним из авторов букваря «Первый учитель», предназначенного для мусульманских мектебов и медресе. Под его руководством был издан и учебник «Свободная школа».

В стихотворении «Детский праздник» (1920) лирический герой в лице автора стоит и наблюдает за детьми, радуясь в душе их песням и пляскам, счастливой жизни. Невольно он вспоминает свои детские годы, сожалея о том, что в то время не было таких праздников.

Утверждение о том, что страну и будущее поколение отныне ждет светлое будущее, идет в стихотворении через прием контраста, где дореволюционная тяжелая жизнь противопоставляется новой действительности, новым переменам.

Применение приема контраста или поэтической антитезы в изображении противоречий времени, отчетливо проявляется и в стихотворениях Д. Юлтыя «Старина соха, посторонись, трактор едет» и «Мечта и жизнь». Соха и трактор – это два противоположных образа, символизирующие соответственно старое и новое. Через победу трактора над сохой автор, с одной стороны, утверждает о наступлении переломного времени в жизни страны, с другой – об облегчении человеческого труда с помощью техники.

В другом стихотворении он всю радуется произошедшим переменам: что вчера еще было лишь мечтой, сегодня становится явью. В реве мощных тракторов, в гулах заводов и фабрик – везде поэт слышит победную симфонию. Тема свободного труда, ставшая сквозной темой стихотворений Д. Юлтыя и обогатившая его творчество реалистическими деталями и разнообразными средствами образительности, красной нитью проходит и в произведениях, посвященных детям.

В некоторых стихотворениях М. Гафури, таких как «Давайте учиться, шакирды!», «Дети и книга», «Труд и знание», «Детям» видны просветительские идеи, где чувствуется созвучность со стихотворением известного поэта-просветителя М. Акмуллы «Башкиры мои, надо учиться». Если Акмулла видел в просветительстве пути облегчения жизни обездоленного народа, то у Гафури в свете нового времени эти идеи прозвучали в ином ракурсе. В знаниях он видит основы совместного созидательного труда, а в труде – основу жизни. По его мнению, получение знаний будет способствовать правильному формированию в них активной гражданской позиции, сознательного отношения к жизни.

В многих стихотворениях, созданных для детей в 20-е годы, согласно требованиям той поры, в центре внимания были темы о пионерах, комсомоле, о Родине, строящей основы социализма.

В стихотворениях Б. Ишемгула (сб. «Песни пионеров», 1924, «Песни комсомола», 1925), Г. Амантая¹ (сб. «Деревенские мальчики», 1928 «Старательный Вали», 1928, «Младшим друзьям», 1928) и других

---

¹ См. новые материалы о нем: Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук: сб. науч. ст. Уфа, 2008.

раскрытие темы труда, утверждение основ новой действительности идет через изображение конкретных дел из жизни пионеров, комсомольцев, их дум и чаяний. Так, в стихотворении «Чашка» Г. Амантай шаг за шагом описывая процесс изготовления одной чашки хочет показать насколько трудоемка работа, труд скольких людей вкладывается в эту работу, воспитывая тем самым трудолюбие у юного читателя, уважение к чужому труду, бережливость. Такого рода стихотворения имеют, несомненно, и познавательное значение.

Произведениям, прославляющим творящую силу революционных перемен, богатство духа людей труда присущи романтический пафос, декларативность, иной раз и публицизм. Стихотворения для дошкольного и младшего школьного возраста с их нравочениями и наставлениями преобретают дидактический характер.

Наряду с реалистическими и публицистическими стихотворениями, в детской поэзии 20-х годов особое место занимает и пейзажная лирика. Если здесь одни стихотворения имели описательно-познавательный характер, то другие выполняли более емкую функцию, проводя параллели между явлениями природы и общественной жизнью людей. Для примера обратимся к творчеству М. Гафури. В таких стихотворениях как «Луг», «Поле» автор рисует живую картину луга или поля, соответственно, где летают бабочки, обнимая разноцветные цветы, весело щебечут птички, серебряной лентой бежит речка, а в полях попевают разные хлеба. Здесь мы видим, что, с одной стороны, воспевается красота родного края, с другой, – показывается жизненная гармония мирного существования.

Изображая некоторые эпизоды из жизни птиц, М. Гафури призывает детей не бросаться в них камнями, не разорять гнезда, говоря тем самым о том, что птицы также являются частью окружающей нас среды, что они – наши друзья. («Птицам», «Птицы и дети», «Наши друзья прилетели» и т.п.)

Стихотворение «Пчела и шмель» М. Гафури является прямой проекцией на жизнь людей, их взаимоотношения. Использование в нем аллегии делает его стиль близкой к басенному. Подобно тому, как целый день летая от цветка к цветку трудолюбивые пчелы собирают мед, где рядом без дела летает и шмель, так и в жизни живут рядом работяга и тунеядец. Когда шмель, ухмыляясь, спрашивает у пчелы, почему они работают и работают целый день не отрывая головы, когда и так всего полно, то пчела отвечает, что они существуют благодаря совместному жизнеустройству и совместному труду и по этой же причине дают людям столько меда. Если здесь, с одной стороны,

очевидно возвеличивание труда, то, с другой, виден призыв к коллективному труду. Также важно, чтобы твой труд приносил пользу другим.

С целью усиления воспитательного момента произведений некоторые авторы обращались к приемам сатиры и юмора («Сладкоежка Тимербай» Д. Юлтыя, «Распутный мальчик» С. Агиша и т.п.) Так, в стихотворении «Сладкоежка Тимербай» отрицательные качества мальчика изображаются через гротеск. Упрямство и непослушность Тимербая, который безмерно любил сладкое, даются в приувеличенном виде. Если его плохое поведение приводит к проблемам со здоровьем, то скрытым замыслом стихотворения является намек на нравственное воспитание.

В центре внимания детской прозы 20-х годов, основу которой составляли рассказы, стояли те же темы и проблемы, что и в поэзии. По сравнению с дореволюционными произведениями, эти рассказы существенно обогатились в плане формы и содержания. Однако большинство из них было построено на описании какого-то события, пересказ биографии героя. Им были присущи, как и требовала официальная идеология времени, мотивы показа и объяснения революционных преобразований, происходящих в стране. Хотя и были в них на лицо элементы эпизодичности, фрагментарности, нельзя не увидеть, вместе с тем, важные черты, обеспечившие развитие жанра. Например, в рассказах Д. Юлтыя «Маленький Кутуш», «Философия Тимеркая» через описание эпизодов из жизни двух мальчиков-сирот Апуша и Тимеркая показывается формирование двух противоположных характеров (борец и батрак).

В первом произведении образ главного героя маленького Апуша совпадает с образом рассказчика, чей рассказ о своей судьбе выглядит немного фрагментарным. Вместе с тем, из главы в главу мы наблюдаем постепенное становление личности, превращение маленького героя в борца за свободу.

В «Философии Тимеркая», наоборот, изображается духовное бессилие и, как следствие, деградирование главного героя. Большое место в рассказе отводится его внутреннему монологу, где отражаются его противоречивые переживания, мечты. Будучи всю жизнь батраком, он далек от мысли о выражении какого-либо недовольства по поводу своего существования, становлении на путь борьбы. Внутренний сюжет рассказов приводит к глубокому художественному обобщению, когда перед глазами встает целый этап в истории страны, отображающий столкновение социальных слоев.

Элементы портрета, пейзажа органично вплетающиеся в сюжет произведений, способствуют раскрытию социального лица, душевного состояния героев. Например, описание прекрасного весеннего утра, оказываясь созвучным внутреннему миру героя, с одной стороны, говорит о приподнятости его настроения, переживании им какой-то внутренней радости; с другой стороны, весна – это время пробуждения, обновления в природе. В этом плане весеннее пробуждение созвучно изменениям и обновлениям, происходящим в обществе: Хибат агай приносит весть о свершении революции.

Отображение темы «двух миров», их столкновения, противопоставление старого и нового, было присуще и другим произведениям этого периода. Как и в поэзии, в детской прозе 20-х годов большое место занимает творчество М. Гафури. В его рассказах «Когда продавали наши вещи», «Сейчас легко, раньше было трудно» чувствуется стремление оценить ушедшую тяжелую жизнь с высоты нового времени, отображая ее согласно идеологическим принципам социализма. В подтверждение сказанному похоже звучат и выводы: «Потому что в то время не было Советской власти» и «Сейчас очень легко, раньше было трудно» в первом и во втором рассказах соответственно.

Через эти и другие произведения с похожей тематикой («Когда были бояре» С. Кудаша, «Маленький революционер» Б. Мирзанова и т.п.) авторы хотят объяснить детям о жизнеутверждающей роли новых достижений, которые стали возможны после Октябрьской революции, для большей наглядности противопоставляя все это прошлой тяжелой жизни батраков и бедноты. Призывают их дорожить свободной счастливой жизнью. Изображение событий в этих произведениях идет через прием «воспоминание», где преобладает повествование, основанное на утверждении «так было».

Со второй половины 20-х годов появляется все больше произведений, отображающих картины повседневной жизни преимущественно в реальных красках, без явного контраста с прошлым («Хылыукай-пионерка» Х. Давлетшиной, «Приключения одного красного галстука» Г. Гумера и др.). Главными героями таких произведений становятся дети-пионеры, где показываются их взаимоотношения и поступки в процессе учебы, в пионерском движении, участие в общественных делах.

Так, в рассказе Х. Давлетшиной «Хылыукай-пионерка» изображается маленький эпизод из жизни девочки – ученицы младших классов, безмерно радующейся тому, что ее приняли в ряды пионеров,

в связи с чем выдали красный галстук и что она еще будет участвовать в предстоящем празднике, посвященном 8 марта. Хылыукай искренне делится своей радостью с домочадцами, которые по-разному реагируют на ее рассказ. Если мать и отец радуются вместе с ней, то бабушка, которая выросла совсем в иной реальности и в иной среде, выражает недовольство и непонимание происходящего. В силу обстоятельств, многие понятия и явления настоящей действительности чужды ее пониманию, она рассуждает по-старому.

В своем нэсере¹ «Цветы... но другие» Имай Насыри пионеров, идущих с песнями под барабанный бой и с красными флажками в руках, уподобляет цветам и говорит: *«Их надо чаще поливать водой из родника с названием “наука”.* Только тогда у них окрепнут корни, они будут расти дыша свободно». Автор проводит идею о воспитании образованного, вооруженного знаниями подрастающего поколения. Образы пионеров, появившихся в этом и в других произведениях воспринимаются своего рода символом новой жизни.

Ознакомлению детей и подростков с некоторыми достижениями науки и техники посвящен цикл рассказов о мальчике Хасане в книге Тагира Байша «Хасан и наука» (1930). Через маленькие занимательные сюжеты автор рассказывает детям о такой области науки как медицина, знакомит с отдельными медицинскими терминами; дает понятия об электричестве, инкубаторе, разъясняя принципы их работы и значимость всего этого.

Наряду с пейзажной лирикой, в детской прозе 20-х годов заняли свое место и рассказы, дающие знания о живой природе, таинственных природных явлениях, о животных и птицах («Старик-охотник», «Дикий гусь» М. Гафури, «Радуга» Т. Байша и т.п.). Знания об этих понятиях скрепляются поучительными примерами из жизни, которые

---

¹ Издавна известно о промежуточных формах между поэзией и прозой. Стихотворение в прозе или проза в стихах – это, с одной стороны, промежуточная форма, близкая к стихотворению, с другой – она является ритмической прозой. В башкирской литературе такие произведения именуется «нэсер»ами. Нэсер – арабское слово, означающее в переводе «прозаическое произведение», «проза». В башкирской и татарской литературах нэсер еще до Октябрьской революции сформировался как отдельный жанр. (Например, видный башкирский мыслитель Габдрахим Усман (1752-1836) многие свои прозаические произведения на арабском языке написал рифмованной прозой – саджг нэсер). Жанр, называемый «стихотворение в прозе», имеется и в других литературах: в русской – у Ивана Тургенева, Юрия Куранова, Василия Субботина, в армянской – у Леонида Гурунца и др. Однако нельзя проводить полную аналогию между стихотворением в прозе и нэсером. Корнями нэсер уходит в средневековую арабскую литературу, где он был особенно популярным и распространенным. Известно, что видный поэт и ученый Абу-ль-аля аль-Магарри (973-1057) даже свои лекции писал ритмической прозой.

учат постигать секреты растительного и животного мира и бережно к ним относиться, правильно рассуждать об окружающей действительности.

Из известных произведений, относящихся к детской драматургии, можно назвать небольшую пьесу Фазыла Туйкина «Старик Салих» (1922). В центр пьесы поставлен занимательный рассказ старика Салиха, присматривающего за общественным огородом, детям-подросткам. Рассказывая поучительную историю из жизни волков, старик не навязчиво дает им и свои умные советы, наставления. Пьеса учит детей не брать без спроса чужое и не воровать, не быть лентяями, а трудиться ради своего благополучия, в трудные минуты держаться вместе.

В 20-е годы детская литература, таким образом, вступила на путь активного развития, находясь в поиске темы, жанра, стиля, формы и языка. Красной нитью в произведениях этих лет проходит идея строительства нового общества. Отображение процесса исторических преобразований происходит через контрастное изображение старого и нового мира. Изображение героев часто носит примитивный, схематичный характер, а самим произведениям присущи описательность, публицистичность и не достает глубокого драматизма. Часто в них описываются лишь внешние события, люди же остаются безликими, исполняя иллюстративную роль. Положительные герои лишены индивидуальных качеств, а отрицательные персонажи показаны лишь в черных красках. Подобные произведения вполне отвечали требованию вульгарно-социологической критики.

Следует сказать и о тематической ограниченности произведений этих лет, которой способствовали жесткие идеологические рамки. Как правильно заметил С. Сафуанов, «Отображение жизни только под углом зрения производственных нужд, игнорирование художниками человековедческой роли литературы и приводило к плакатности и иллюстративности заранее заданных идей» [Сафуанов, 1977, с. 174].

Литература

- История советской многонациональной литературы. М., 1971. Т. 2. Кн. 1.
Салихова С.З. Риза Фахретдинов и современный воспитательный процесс // Проблемы башкирской, татарской культуры и наследие Ризы Фахретдинова. Уфа, 2006.
Сафуанов С.Г. Проза // История башкирской советской литературы. М., 1977.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛ СТРАХА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ Ю. МУШКЕТИКА

Н.Л. Павлюк

Ключевые слова: экзистенциализм, страх, предательство, смерть, стеничность, астеничность.

Keywords: existentialism, fear, betrayal, death, stenichnist, astenichnist.

Предметом исследования каждого художественного произведения является человек со всеми его закономерностями мироощущения, незаурядными взглядами и жизненными позициями, проблемами и радостями. На материале трагических страниц истории Украины второй половины XVII-XVIII столетий осмысливает человека в различных аспектах известный украинский писатель Ю. Мушкетик, потому что задача писателя, как считает литературовед А. Белый, «...заключается не только в изучении исторических документов, памятников культуры..., но и в исследовании общих структур человеческого бытия» [Білий, 1980, с. 57].

Важным аспектом исторической прозы Ю. Мушкетика является влияние философии экзистенциализма на формирование взглядов писателя. Следует отметить, что точками соприкосновения художественной литературы и экзистенциальной философии есть уникальность «человека, философия жизни, гуманизм, вопросы свободы и ответственности, смерти, времени...» [Бугайова, 2011, с. 55]. В связи с этим, романист стремится не только изобразить определенные исторические события, но и показать человека в истории, его глубокий внутренний мир, дать ответы на вопросы философского характера.

Главными концептами, которые определяют экзистенциальные измерения исторических произведений писателя, являются страх, одиночество, отчаяние, смерть, поэтому целью нашего исследования будет анализ модуса страха на материале исторического творчества Ю. Мушкетика.

Для первых произведений автора характерно акцентирование внимания именно на исторических событиях, а не на внутреннем состоянии героев, ведь, как отмечает исследователь В. Шевчук, «Семен Палий» и «Гайдамаки» являются ученическими, в них ощущается нехватка писательского опыта, и поэтому их «...можем назвать лишь попыткой молодого писателя создать историческое полотно, попыткой художественно освоить исторический материал...» [Шевчук, 1994, с. 143]. В процессе написания других исторических романов и повестей наблюдаем усовершенствование

индивидуально-авторского стиля, сосредоточение на глубинах человеческой экзистенции.

Среди доминирующих экзистенциалов исторической романистики писателя есть страх, и его всемогущая сила приобретает различную интенсивность в зависимости от ситуаций, которые обычно несут в себе угрозу жизни и порождают неуверенность, незащищенность героев. «эмоция страха, – согласно философским взглядам Ж.-П. Сартра, – возникает, когда человек не может реально изменить «страшный мир», не имея возможности ликвидировать объект, который напугал его сознание, он через эмоции преодолевает само сознание» [Кузнецов, 1969, с. 158]. В этом случае страх перед смертью, в минуты большой опасности становится паническим, он парализует человека. Именно такой момент изображен в экспозиции романа «Яса», когда автор описывает неожиданное нападение татар во время караула Мокия Сыроватки: «*Страх холодним списом встромився козакові в живіт*» [Мушкетик, 2006а, с. 7]; «*А зверху вже стояла гупотнява, по його спині, по голові товклися копита й на мить вибили всі думки, лишився тільки страх смерті, страх полону*» [Мушкетик, 2006а, с. 8]. Как видим, чувство страха олицетворяется и сравнивается с оружием (с «*холодным списом*» [Мушкетик 2006а, с. 7], «*гострою шаблею*» [Мушкетик, 2006а, с. 9]), которое само по себе означает гибель. И только большая сила воли помогла Мокию взять себя в руки и зачехь предупредительный костер, потому что страх за жизнь собратьев, за невыполнение своих обязанностей был сильнее страха перед собственной смертью.

Чувство страха является полисемантическим эмоциональным состоянием, и разнообразие его проявлений зависит от конкретной ситуации, индивидуальных особенностей человека, а также степени осознания реальной или мнимой опасности. Страх – это неуверенность, неизвестность того, что ожидает впереди. Например, Юрася Хмельниченко, героя повести «Ночь без рассвета», перед первым боем охватил неопишуемый страх, его пугала собственная неопытность в военных делах и ответственность, которая так неожиданно легла на его плечи: «*...як же мені бути, страх мене палить, страх мене тріпає, дай, Боже, вистояти мені...*» [Мушкетик, 2011а, с. 91]. Не покидает чувство панического страха перед тоталитарной системой и персонажей романа «Придем, поклонимся...», Олега Зайченко и Акима Коробченко. Так, Олег, аспирант исторического факультета, который исследовал особенности гайдамацкого восстания 1768 года, услышав от жителя села Медведовки, Василия Черного, неслыханные ранее факты этого исторического события, «*...розгубився. Страх жорстокою п'ятірнею хапонув за серце. <...> Про такі речі чув уперше*»

[Мушкетик, 1996, с. 24]. Это был страх перед новыми фактами истории, владение которыми равнялось страшной смерти, физическим и психологическим пыткам, ссылке. Страх перед системой за свою жизнь и покой семьи с невыразимой силой охватил Акима Коробченко, обходчика железнодорожной сторожки, который прятал у себя раненого Даниила Засядько, целью которого было обнаружение и вывоз в Германию летописи о Гайдаматчине: *«Страх ходит за спиною, неначе лютий конвоїр: будить вночі, кидається з-за кожного куца...»* [Мушкетик, 1996, с. 65]. Такое напряженное эмоциональное состояние истощает героев, наполняет их будущее абсолютной неизвестностью.

Литературовед Ю. Ковалив отмечает, что «...когда речь идет о страхе, то имеется в виду не малодушие или физическое переживание ужаса и его психологическое содержание, а метафизическое потрясения прозрелого человека, перед которым неожиданно засияла раньше ему неизвестная пропасть бытия...» [Ковалив, 2007, с. 317]. Именно такое проявление страха охватывает Матвея Журавку, героя исторического романа «На брата брат». После того, как братья Журавки оказались в разных политических лагерях, жизнь Матвея превратилась в постоянную борьбу с долгом перед родом и перед гетманом: *«...що б він не зробив, як би не вчинив, шкодуватиме довіку. Життя загнало його в пастку. Зробить – шкодуватиме, не зробити – шкодуватиме»* [Мушкетик, 2007б, с. 113]. Он, помогая брату, понимал, что может попасть в немилость гетмана И. Выговского, поэтому где-то с *«...дна душі піднімався страх за самого себе, він затоптував його...»* [Мушкетик, 2007б, с. 97]. И, увидев Супруна мертвым, в его мысли *«...майнула крилом кажана...: це кінець всьому, страхові, тривогам...»* [Мушкетик, 2007б, с. 275], хотя гибель брата не принесла ему долгожданного покоя, так как с потерей родного человека, он потерял и часть себя.

В порыве страха герои, как правило, не могут контролировать свои действия, в таком случае страх, как полагает психолог З. Фрейд, – это своеобразное «аффективное состояние» [Фрейд, 2012, с. 394], под влиянием которого Марк неоднократно шел на предательство. Во всех своих поступках он находится в плену страха: *«Десь у глибині душі Ногасєч почував, що страх має над ним більшу, ніж над деякими іншими козаками, силу. Проте не один він такий. На хоробрість Бог чогось скупий, а страх сіє щедро»* [Мушкетик, 2006а, с. 258]. Страх делает его мысли ничтожными: он завидует счастью Лаврина, похищает его невесту. З. Фрейд, отмечает, что страх – это «...реакция на восприятие внешней опасности, т. е., ожидаемого, предполагаемого повреждения, связан с рефлексом бегства, и его можно рассматривать как выражение инстинкта самосохранения» [Фрейд, 2012, с. 395]. Однако в ситуациях жизненного выбора Марка ре-

шающее значение отводится страху: он не может рационально осмыслить свои поступки, поэтому во время обороны Ладьяжина изменяет собратьям и убегает из осажденного города: «*А чого має гибіти отут він, Марко? <...> Страх вів душу до дна. Страх, ніч і смолоскип, що миготів зловісно*» [Мушкетик, 2006а, с. 259]. К тому же инстинкт самосохранения никоим образом не оправдывает измену братству и Родине.

Следует отметить, что эмоция страха «...может иметь как стенический, так и астенический характер» [Степанов, 2006, с. 183], то есть стенический страх побуждает к мобилизации всех сил, к решительным действиям, а астенический, наоборот, связан с бессилием человека, его нерешительностью. В исторических произведениях Ю. Мушкетика наблюдаем дуалистическое проявление этих видов страха в зависимости от индивидуальных особенностей и ситуаций. И в моменты наиболее интенсивного страха открылась истинная сущность не одного героя произведений автора: кто-то из них преодолел это эмоциональное состояние и пошел на самопожертвование, а кто-то опустил до уровня предателя.

В исторической прозе Ю. Мушкетика экзистенциал страха пронизывает критические, пограничные ситуации жизни героев. Тесно с этим понятием связана лексема «смерть», ведь страх смерти «...имеет огромное значение в нашем внутреннем опыте: он преследует нас как ничто другое, постоянно напоминает о себе неким «подземным грохотом», будто дремлет вулкан» [Ялом, 2008, с. 253]. Экзистенциальные категории страха, смерти и отчаяния в произведениях писателя усилены изображением реалий войны.

Угроза смерти в описанных автором ситуациях (оборона родного края, наступление и отступление) неизбежна, однако герои не боятся ее, не боятся взглянуть ей в лицо: «*Страшно отак зблизька дивитися на лютого ворога, який жадає твоєї погибелі... Здригає в страхові душа, моторошна відвага наливає її, рука сама тягнеться до шаблі*» [Мушкетик, 2006а, с. 230]. Реалистичностью изображения, даже натуралистичностью, характеризуются описанные в произведениях картины военного ужаса. Соответствующим является и звуковое оформление батальных эпизодов: автор использует акустические средства крика, лязга оружия, конского ржания, грома выстрелов для создания убедительной боевой атмосферы и раскрытия антигуманного характера войны. Однако страх смерти не сковывает патриотов, а наоборот, придает силы действовать во имя идеи защиты Родины. Так, Лаврин перед казнью, находясь на грани между жизнью и смертью, храбро принял последнее: «*...не відчував страху смерті. Про неї думав не раз, до неї готувався увесь час, а на одну думку про те, що може виміняти життя ціною зради, хололо*

серце» [Мушкетик, 2006б, с. 376]. Не боится смерти и Семен Белокобылко, герой романа «Погоня», ибо в боях неоднократно на его глазах гибли враги и друзья: «...ми підхопили Шквирю під руки й перетягли його на той бік валу. Очі його зтягло туманом, вуста порожевіли, я знаю той колір, колір смерті» [Мушкетик, 2011б, с. 157]. Полковник Семен Палий, персонаж первой исторической повести, находясь в плену, «...знав, шляхтичі не випустять його звідси. Та він не боявся смерті. За свій вік стрічався з нею більше, ніж з деякими своїми побратимами» [Мушкетик, 1979, с. 284]. Не испытывает страха перед смертью и Иван Гонга из романа «Гайдамаки», хотя знает, что впереди его ждут страшные пытки: «Смерть – страшна вона. Однак бояться її нема чого. Незадарма вмираємо. Згадають нас колись люди» [Мушкетик, 1987, с. 476], он с честью принимает смерть во имя лучшего будущего родного края. Автор наделяет своих героев исключительным мужеством, несгибаемой силой духа. Кроме того, близость смерти дает им возможность оценить жизнь, задуматься над ее смыслом, но, как правило, ситуации на грани жизни и смерти не меняют сложившихся жизненных позиций и взглядов персонажей.

В экзистенциальной философии проблема смерти «...занимает в понимании человека центральное место в качестве исключительного обстоятельства, которое обуславливает напряженность личного бытия в его окончательной непереносимости» [Бугайова, 2011, с. 60]. Напряженность личной жизни в связи со смертью родных людей характерна для другой категории персонажей прозы Ю. Мушкетика. В первую очередь, это касается героя романа «Гетманское сокровище» Ивана Сулимы, человека с ранимой и чувствительной душой. Иван очень болезненно принял смерть сначала матери, а потом отца: «...матір поклали на стіл, я поривався до неї і чомусь боявся її..., боявся не матері, а самої смерті, яка, здавалося, могла навіть через віддалений дотик перейти до мене» [Мушкетик, 2007а, с. 14]. Именно смерть матери оставила на его душе болезненную рану и повлияла на его мироощущение. Страх перед смертью чувствует и героиня романа «Последний гетман» императрица Елизавета. Но, скорее всего, это больше был страх потери власти, своего могущества: «Турботи, війна..., скандальна поведінка великої княгині – все це забирало сили. А тут ще панічний страх перед смертю. Не гоїлися рани на ногах – ...все свідчило про недалекий кінець» [Мушкетик, 2011б, с. 125].

Кроме того, страх является своеобразным средством подчинения воли других людей. Так, при дворе Елизаветы «...панує страх, дикий страх, хоч імператриця ніби й добра» [Мушкетик, 2011б, с. 36]. Так же держит в страхе своих подданных и турецкий султан: «Отож єдиною втіхою султанові лишався страх, страх його підданців» [Мушкетик, 2006а, с. 25].

Как видим, страх – это возможность воздействия, способ самовыражения правителей, хотя именно у них это чувство сочетается с состоянием безнадёжности, бессилием перед неизбежной смертью.

Характерной особенностью индивидуального стиля Ю. Мушкетика является то, что передача состояния страха осуществляется на внутреннем уровне, внешне это проявляется очень редко. Обычно автор не надевает на своих персонажей «эмоциональную маску страха», которую создают «...прямые поднятые брови, горизонтальные морщины на лбу, раскрытые глаза и напряженные губы» [Степанов, 2006, с. 183]. Герои постоянно контролируют свои эмоции, переживая чувства внутри себя, что помогает автору в большей мере акцентировать внимание на их психологическом состоянии.

Как видим, экзистенциал страха является определяющим полифункциональным и полисемантическим модусом исторической прозы Ю. Мушкетика. Это эмоциональное состояние, стенического или астенического характера, передается с помощью художественного средства олицетворения: страх действует, руководит людьми, захватывает их в свой ледяной плен, при этом толкая персонажей на героические поступки или на путь предательства. Онтологическая направленность экзистенциала страха усиливает идейно-философскую основу исторических произведений писателя.

Литература

- Кузнецов В. Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М., 1969.
 Фрейд З. Введение в психоанализ. Харьков, 2012.
 Ялом И. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. М., 2008.
 Білий О. Літературний герой у контексті історії. К., 1980.
 Бугайова Н. Сутність людської особистості як провідний мотив новели В. Шевчука «Біла нитка печалі» // Теоретична і дидактична філологія. К., 2011. Вип. 10.
 Літературознавча енциклопедія: у 2 т. К., 2007. Т. 1.
 Мушкетик Ю. Гайдамаки // Мушкетик Ю. Твори: у 5 т.: Смерть Сократа. Суд над Сенекою. Гайдамаки. Жовтий цвіт кульбаби. К., 1987. Т. 1.
 Мушкетик Ю. Гетьманський скарб. Харків, 2007а.
 Мушкетик Ю. На брата брат. Харків, 2007б.
 Мушкетик Ю. Ніч без світання // Київ. 2011а. № 6, № 7-8.
 Мушкетик Ю. Останній гетьман. Погоня. Харків, 2011б.
 Мушкетик Ю. Прийдімо, вклонімося... // Сучасність. 1996. № 7-8.
 Мушкетик Ю. Семен Палій // Мушкетик Ю. Твори: у 2-х т.: Жорстоке милосердя. Семен Палій. К., 1979. Т. 2.
 Мушкетик Ю. Яса: Розд. 1-17. Харків, 2006а.
 Мушкетик Ю. Яса: Розд. 18-33. Харків, 2006б.
 Степанов О., Фіцула М. Основи психології і педагогіки. К., 2006.
 Шевчук В. Шляхи історичної прози Ю. Мушкетика // Українське слово. К., 1994. Кн. 3.

**«ДЕТСКАЯ КНИГА» Б. АКУНИНА:
ПРОБЛЕМЫ ЖАНРОВОГО ПАРОДИРОВАНИЯ
СКАЗОЧНОГО КАНОНА**

О.А. Сысоева

Ключевые слова: беллетристика, жанр, сказка, пародия, канон.
Keywords: fiction, genre, fairytale, parody, canon.

В традиционной культуре образ детства очень часто становился тем «фокусом», в котором сходились направления идейных исканий художников, обозначалась система ценностей художественного мира. Именно поэтому образ ребенка, совершающего открытие «основ бытия», всегда привлекал внимание самых разных писателей.

Современный автор Борис Акунин (Григорий Чхартишвили) также не обходит стороной эту тему, свой известный проект «Жанры» он начинает с «Детской книги». Обозначению жанровой специфики указанного романа и соотносению ее с жанровым каноном сказки будет посвящена данная работа.

Исследование особенностей детской литературы имеет немалую историю. Широкую известность приобрело суждение В.Г. Белинского о том, что «детским писателем надобно родиться, а не сделаться» [Белинский, 1976, с. 75]. Современные литературоведы называют следующие отличительные признаки детской литературы: органическое слияние законов искусства и педагогики, динамизм, сюжетность, занимательность, поэтизация обыденного, ощущение слова, восприятие его как необъятной области исторической прапамяти.

Преображающий взгляд ребенка, который заставляет мир непрерывно обновляться, – это тот специфический ракурс, который должен преобладать в детской книге. Однако он никак не проявлен в романе Б. Акунина. Хотя повествование идет от лица шестиклассника Эраста Фандорина (Ластика), создается ощущение, что для автора этот аспект не принципиален: его герой думает и рассуждает как «маленький взрослый».

Более того, становится очевидным, что структуроопределяющими признаками «детской книги» в романе современного писателя становятся именно формальные особенности. Б. Акунин так обозначает задачу проекта: «Это попытка создания своеобразного инсектариума жанровой литературы, каждый из пестрых видов которой представлен одним «классическим» экземпляром» [Акунин, 2008, с. 610].

Как справедливо отмечает И.Г. Минералова, «наиболее распространенным и наиболее любимым детским жанром является сказка: для самых младших – сказка о животных и далее <...> волшебная, бытовая и сатирическая сказки» [Минералова, 2002, с. 32]. Сказка привычно отождествляется с миром детства, ожиданием чуда, победой добра над злом. Генезис этого жанра обнаруживает тесную связь с мифом, который, по признанию известных филологов (М.И. Стеблин-Каменский, А.А. Потебня, Е.М. Мелетинский, Д.В. Затонский, Ф.Х. Кессиди, П. Рикер и др.), являлся способом первоначального образного осознания реальности. Как и миф, сказка в своих истоках – жанр, прежде всего, серьезный.

Миф не разграничивает фантазию и действительность. Та же неразделенность реального и воображаемого характерна для сказки (в ней эта особенность становится жанрообразующим признаком). По мысли Е.С. Куприяновой, ощущение чуда «отличает волшебные истории от фольклорных и более поздних литературных (нравоучительная история, новелла, сентиментальный рассказ и др.) жанров» [Куприянова, 2007, с. 3].

Хотя жанр сказки с середины XIX века приобретает черты авторского литературного жанра, но при этом он не утрачивает жанромоделирующий черт фольклорного сказочного канона. Вместе с тем, отдалившись от мифа, сказка демонстрирует прозрачность жанровых границ, впитывая художественные достижения современной ей литературы и в свою очередь влияя на нее. Этот процесс, по наблюдениям исследователей, имеет, прежде всего, «стадиальную специфику» (Е.М. Мелетинский), развиваясь от моножанровой зависимости к полижанровому синтетизму.

Как отмечает Е.С. Куприянова, «богатейшие возможности сказочного жанра и сегодня остаются востребованными: чем сложнее ... уровень осмысления автором современной действительности, тем чаще встречаются случаи обращения к сказке» [Куприянова, 2007, с. 4]. Е.И. Воробьева доказывает, что «сказка становится репрезентантом всего литературного дискурса, универсальным жанром», претендующим «на прямое слово об истине» [Воробьева, 2002, с. 297–298].

Современный роман успешно использует сказочную образность, черты сказочной поэтики, жанровые приметы. Еще более интересная ситуация наблюдается в современной беллетристической литературе (именно к писателям-беллетристам относит себя Борис Акунин). Американский культуролог Дж. Кавелти указывает, что любое произведение можно рассматривать как архетипическую модель, воплощенную в

образах, символах и мифах, характерных для той или иной культуры. Ученый дает свое определение формулы как способа, с помощью которого конкретные культурные темы и стереотипы воплощаются в более универсальных повествовательных архетипах [Кавелти, 1996, с. 35]. В своем наиболее естественном виде архетипы реализуются в популярных текстах, которые построены по примеру сказок: имеют четкую структурную схему. Е.В. Полосина совершенно верно отмечает, что в XX веке массовая культура заменила фольклор, который в синтаксическом плане построен чрезвычайно жестко.

Вслед за В.Я. Проппом и рядом других исследователей (И.П. Лупановой, И.Г. Минераловой, Ю.С. Подлубновой) можно выделить несколько ключевых моментов, в совокупности составляющих жанрообразующие признаки волшебной сказки:

- необыкновенное место действия, некоторое царство;
- необычный герой;
- невероятные антагонисты и вредители, с которыми борется героиней;
- трудности и препятствия, которые преодолевает герой;
- неожиданные дарители и волшебные помощники героя;
- чудеса и предметы, обладающие магической силой;
- неременная победа героя в финале и «конечный сказочный покой».

Существует также ряд мотивов, входящих в сказочный архетип: например, мотив сватовства и женитьбы героя, мотив инициации и т.д. В дискурсивном плане для сказки характерна некая сказовость, ядром повествовательной структуры сказки нередко становится фигура рассказчика.

В сказках, согласно исследованию В.Я. Проппа, выделяются величины постоянные и переменные: меняются названия действующих лиц, не меняются их функции.

В романе Б. Акунина обнаруживается множество элементов, соотносимых со сказочными функциями. Например, «Детская книга» начинается с некоторой исходной ситуации, вслед за которой в самом традиционном порядке следуют функции: «отлучка» – родители уходят на работу, главный герой Ластик идет один в школу; «запрет» – отец запрещает ему залезать в подвал; «нарушение запрета» – Ластик слышит таинственный голос, решается узнать, кто прячется в подвале.

Четыре приключения-испытания, которым подвергается главный герой (проверки на смелость, находчивость, великодушие и

удачливость) явно соотносимы со сказочной функцией «испытания», в результате которой «герой получает помощника». Им является дальний родственник Фандориных – профессор, чья специальность ННЯ, Необъясненные Наукой Явления. Далее, в той же последовательности, как определил ее В.Я. Пропп, следует функция «снабжение»: «в распоряжение героя попадает волшебное средство» – унибук, *«универсальный компьютер-ноутбук, замаскированный под гимназический учебник геометрии Киселева»* [Акунин, 2008, с. 101]. Этот волшебный предмет сделан из огнеупорного, водонепроницаемого материала, он может дать ответ на любой вопрос героя, перевести тексты и живую речь с любого языка, а также имеет «множество других полезнейших свойств» [Акунин, 2008, с. 101].

Как и в сказке, в романе имеется «недостача»: мистер Ван Дорн рассказывает маленькому Эрасту о том, как предок Фандориных крестоносец Тео де Дорн, получив в награду клочок земли неподалеку от Храмовой Горы в Иерусалиме, нашел там части креста, на котором распяли Иисуса Христа, и розовый алмаз – Райское Яблоко, который представляет собой сосредоточие мирового Зла. С тех пор, как только это Яблоко пытаются распилить, по теории профессора, в мире происходят различные беды и несчастья: природные катаклизмы, войны, революции. Ван Дорн ставит целью своей жизни обнаружение и уничтожение Яблока, однако в одиночку справиться с этой задачей не может, поэтому ищет другого достойного представителя рода Дорнов. В данном случае реализуется девятая функция – «посредничество»: «беда или недостача сообщаются, к герою обращаются с просьбой, отсылают или отпускают его».

Такая функция, как «отправка» реализуется во второй главе «Вчера»: через открытую родственником «хронодыру» Ластик отправляется в 1914 год за помощью к своему знаменитому предку, детективу Эрасту Петровичу Фандорину, который должен вернуть в настоящее Райское Яблоко, тем самым восстановив равновесие добра и зла в мире.

Далее, следуя традиционной формуле, «герой и антагонист вступают в непосредственную борьбу»: оказывается, что Эраст Петрович уехал в длительную командировку, мальчику приходится действовать самому. Ластик притворяется сообщником некоего Дьяболо Дьяболини, который намерен выкрасть драгоценный алмаз, герой пытается обмануть фокусника, его «преследуют», «спастись» Эрасту удастся только в следующей «Хронодыре», которая приво-

дита героя в 1605 год (эпоху Смутного времени). Таким образом реализуются еще две парные функции: «преследование» – «спасение».

Анализируя распределение всех функций по действующим лицам, В.Я. Пропп отметил, что функции логически объединяются по кругам действий. Подобную схему можно представить и на материале романа «Детская книга».

1) Круг действий антагониста – охватывает: вредительство, борьбу с героем, преследование.

2) Круг действий дарителя – охватывает: подготовку передачи волшебного средства (изобретение хроноскопа, унибука и магистериума), снабжение героя волшебным средством (глава «Инструктаж и экипировка»).

3) Круг действий помощника – охватывает: пространственное перемещение героя, ликвидацию беды или недостачи (совместные с героем поиски унибука), спасение от преследования (помощь при восстании), разрешение трудных задач (советы, рекомендации, обучение языку), трансфигурацию героя (превращение мальчика Эраста в ангела Эрастиила).

4) Круг действий героя охватывает: отправку и поиски.

Каждая категория персонажей имеет свою форму появления, применяются особые способы, какими персонаж включается в ход действия. Антагонист появляется в ходе действия внезапно, со стороны – после ряда неожиданных происшествий Эраст поступает к нему на работу в цирк; даритель-отправитель и помощник также встречаются случайно («чудесная встреча»).

Согласно сказочному канону, приключения героя повторяются троекратно: он путешествует в 1914 год, в 1605 год, а оказывается в будущем времени.

Однако вопреки традиционным формулам жанра сказки, финал романа неоднозначен. Герой не смог одержать победу над антагонистом, он горестно заключает: *«У меня ничего не вышло, профессор. Я потерял унибук. Райское Яблоко было у меня в руках, но я не смог его удержать. Оно безвозвратно утрачено. Я побывал не только в прошлом, но и в будущем. Там все ужасно. Человечество погибнет»* [Акунин, 2008, с. 599]. Хотя мистер Ван Дорн говорит о возможности повторного выполнения задания («не получится со второго раза – попытаетесь в третий раз, в десятый, в сотый»), но сам герой уже не уверен в своих силах и произведение завершается именно на такой трагической ноте. Сказка сталкивается с реальностью и терпит поражение. Обязательный «конечный

сказочный покой» заменяется бесконечным рядом продолжений, происходит пародийная трансформация обязательного сказочного элемента. На фоне четкого следования всем другим функциям волшебной сказки, финал произведения становится своеобразным аналогом новеллистического пуанта - неожиданной развязки, не мотивированной развитием сюжета. Тем самым он приобретает пародийную окраску, так как приводит к «разрыву», принципиальному несовпадению между структурой изображаемого и изображения

«Детская книга» Бориса Акунина – это пример развлекательно-массового чтения, формула романа как жанрово-тематической разновидности массовой литературы во многом соответствует структурам волшебной сказки, описанным В.Я. Проппом. Сходство проявляется по целому ряду параметров: 1) определенный набор мотивов, которые взаимодействуют внутри фундаментальной схемы; 2) герои, типичные для сказок; 3) готовые эмоции, настроения, психологические стереотипы; 4) занимательность, динамичность сюжета.

Однако автор отказывается от общепринятых норм сказочного канона: счастливого финала, «стандартов» читательского восприятия, что приводит к «эффекту обманутого ожидания». В «Детской книге» отсутствует традиционный нравственный кодекс, преобладает особый тип рационального мировосприятия. В композиционном плане текст характеризуется предельным насыщением формульными клише, представленными в ироничном (пародийном) плане.

В романе Бориса Акунина ситуация пародирования становится средством художественного типизирования и обобщения, выявляет типологические конфликты, константы общественного бытия. Сказочный жанровый канон трансформируется путем травестийного обыгрывания культурных и литературных штампов, расхожих концептов массового сознания, именно это позволяет интерпретировать данный текст в пародийном ключе.

Литература

- Акунин Б. Детская книга. М, 2008.
Белинский В.Г. Собрание сочинений : В 9-ти тт. М, 1976. Т. 3.
Воробьева Е. Неизвестный Кржижановский (Заметки о киевском периоде творчества писателя) // Вопросы литературы. 2002. № 6.

Кавелти Дж.Г. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22.

Куприянова Е.С. Литературные сказки Оскара Уайльда и сказочно-мифологическая поэтика романа «Портрет Дориана Грея» : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Великий Новгород, 2007.

Минералова И.Г. Детская литература. М, 2002.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М, 2001.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Л.А. Козлова. О трех способах манифестации культурно-специфического в лексиконе языка. Статья представляет собой попытку анализа лексикона языка в этнолингвистическом ракурсе. Определение языка как зеркала культуры предполагает, что в языковых единицах находят свое отражение культурные ценности нации и особенности национального менталитета. На основе проведенного анализа автор выделяет три способа такой манифестации: 1) наличие в лексиконе языка слов-реалий, то есть названий предметов и явлений, уникальных для определенной культуры (включая реалии внутреннего мира, так называемые культурно-специфические концепты); 2) различие в семантическом объеме близких по значению лексических единиц, что создает трудности при переводе; 3) наличие в семантике слова культурных коннотаций, которые не совпадают в разных лингвокультурных сообществах. При этом особый интерес представляет т.н. эмоционально-ассоциативная аура слова, под которой понимаются те культурные коннотации, которые формируются в сознании индивида как представителя той или иной нации в результате знакомства с произведениями мастеров «высокой культуры». Статья адресована специалистам в области этнолингвистики, лингвокультурологии и когнитивной семантики.

L.A. Kozlova. Three ways of manifestation of the culturally-specific in the lexicon of the language. The article presents an attempt to analyze the lexicon of the language in the ethnolinguistic aspect. The definition of language as the mirror of culture presupposes that lingual units reflect in their semantics the cultural values and the specificity of national mentality. As the result of the analysis undertaken in the article the author points out three ways of manifestation of the culturally-specific in the lexicon of the language: 1) the existence in the lexicon of any language of realia words, i.e. names of culturally-unique objects and phenomena (including the realia of the inner world, culturally unique concepts); 2) the difference in the semantic volume of the lexically similar units in different languages which presents difficulties for translation; 3) the presence in a word seman-

tics of cultural connotations which vary across languages. Of special interest is the phenomenon of the so-called emotional-associative aura of a word, by which the author means the cultural connotations which exist in the mind of an individual as a representative of a certain nation as the result of his/her interaction with the works of the masters of the so-called *Culture writ large*. The article may present interest for specialists in ethnolinguistics, cultural linguistics and cognitive semantics.

Л.И. Шелепова. Данные диалектов и история русского слова (словообразовательный и семантический аспекты). Статья посвящена выявлению роли диалектных данных в реконструкции истории слов современного русского литературного языка. Внимание сосредоточено на наиболее перспективных для воссоздания словообразовательной и семантической истории слов явлениях русских народных говоров. Анализируются архаические черты говоров, позволяющие представить у ряда слов современного русского литературного языка древнюю производящую основу и исходную словообразовательную структуру (деривационную историю), древнейшее значение и промежуточные звенья семантического развития. Исследуются регулярные явления, наблюдаемые в говорах, учет которых способствует доказательности предлагаемых реконструкций, так как каждый объясняемый случай может быть рассмотрен в «широком лингвистическом контексте» (в определенном типологическом ряду): на фоне образований, созданных по словообразовательным моделям, функционирующим преимущественно в системе диалекта; словообразовательных гнезд, «комплекующихся» на диалектном материале; лексико-семантических групп, характеризующихся общностью признаков номинации входящих в них лексем; тенденций семантического развития, которые в говорах благодаря устной форме их бытования проявляются более полно и последовательно, чем в литературном языке.

L.I. Shelepova. Dialects Data and Russian Word History (Derivation and Semantic Aspects). The article is devoted to the role of dialects in the reconstruction of the word history of modern literary Russian. It dwells on the most prospective phenomena of Russian dialects for the reconstruction of word-building and semantic history of the Russian vocabulary. The article analyses the archaic features of the vernacular revealing the early derivational stems and the original word-forming structures (derivational history), the early meanings and intermediate links of semantic development of some Russian words. It touches upon some regularities which prove the supposed reconstructions since every case can be considered in a «wide linguistic context» (in a certain typological series): taking into account the

formations created by word-building patterns typical mostly of the vernacular, the family of words produced in the dialects, the lexico-semantic groups with similar nominating means, the tendencies of semantic development which are revealed more clearly in oral dialects than in the literary language.

Т.В. Чернышова. Типологические признаки речевого жанра дискредитации в медиадискурсе. В статье с опорой на теорию речевых жанров М.М. Бахтина выделены базовые признаки речевого жанра дискредитации, представлены его инвариантные и вариативные признаки на материале конфликтных медиатекстов, ставших предметом судебного разбирательства. Жанровые формы описаны с учетом положений семантической теории элементарных смысловых единиц («semantic primitives») А. Вежбицкой, позволяющей выявить не только основные структурно-композиционные и языко-стилевые особенности изучаемого жанра, но и определить речевой замысел автора текста, то есть коммуникативную цель медиатекста. На основе комплексного лингвостилистического анализа изучаемых текстов в качестве базовых составляющих изучаемого речевого жанра выделены такие его типологические признаки, как тематическое содержание, предметно-смысловая исчерпанность высказывания, речевые акты, реализующие в тексте стратегию на понижение; типические композиционно-жанровые формы высказывания. В результате предпринятого описания установлены четыре варианта наполнения жанровой формы дискредитации.

T.V. Chernysheva. Typological features of the speech genre of discredit in the media discourse. In this paper, relying on the theory of speech genres by M.M. Bakhtin the author highlighted basic features of the speech genre of discredit and described his invariant and variable signs on a material of conflict media texts that have become the subject of litigation. Genre forms are described with regard to the provisions of the semantic theory of elementary semantic units («semantic primitives») by A. Wierzbicka that allowed not only to elicit the basic structural, compositional, linguistic and stylistic peculiarities of this genre, but also to determine the plan's speech of a text, i.e. the communicative purpose of media text. A comprehensive linguostylistic analysis of the studied texts specified the speech genre's typological features as its basic components. The speech genre's typological features are thematic content, semantic exhaustiveness of a statement, speech acts that implement the strategy of «shorting» in the text; typical compositional genre forms of expression. As a result of the study the author identified four variants of the genre form filling of discredit.

Т.Г. Пшенкина. Междисциплинарность перевода как отражение интегративных процессов в современной лингвистике. Междисциплинарность – одна из характерных черт, обусловленная интеграционными процессами современной науки. В статье данное явление рассматривается в аспекте переводоведения, которое по природе обладает тесными связями с рядом гуманитарных дисциплин. При этом значимой оказывается и обратная связь гуманитарных дисциплин с переводом, так как перевод выступает одним из средств доступа к ментальным процессам индивида. Однако чрезмерное расширение предметного поля переводоведения вызывает тревогу специалистов, которые считают, что в «стыковых» исследованиях собственно переводческие проблемы уходят на второй план, а основополагающие переводческие понятия приобретают расплывчатую трактовку. В статье делается попытка обосновать плодотворность междисциплинарного подхода для восприятия и порождения смысла высказывания, привлекая данные современных познавательных парадигм – коммуникативной, психолингвистической и когнитивной. Это способствует не дистанцированию отдельных дисциплин друг от друга, а их пересечению. В результате решение конкретной проблемы из сферы дисциплинарной переходит в сферу проблемно ориентированную.

T.G. Pshenkina. Multidisciplinary aspect of translation as an outcome of integration processes in modern linguistics. A multidisciplinary feature of contemporary investigations is determined by the integrative processes of Modern Science. The article explores multidisciplinary aspects in Translation, which *per se* is closely connected with a number of disciplines. The links of those disciplines with Translation turn out to be equally important for them as translation is one of the accesses to the individual mental processes. Yet the specialists are concerned with an overextended problematic field of Translation. They believe that translation problems, as they are, might be pushed to the background and translation notions might acquire a vague and obscure interpretation. The article focuses on the advantages of multidisciplinary approach to the reception and production of the message in the text. This procedure is carried out through the application of various knowledge paradigms: communicative, psycholinguistic, and cognitive. As a result, we do not observe the drifting away of one discipline from the other but rather their overlapping. Consequently, the salvation of the definite problem does not lie in the discipline-oriented sphere but in the problem-oriented one.

А.Н. Байкулова. Периферийная зона неофициальной коммуникации: общение знакомых. Статья посвящена проблемам речевой коммуникации. Автор представил классификацию устного неофициального общения, включающую его ядерную и периферийную зоны. В основе классификации фактор степени близости межличностных отношений коммуникантов. Особое внимание уделено периферийной зоне неофициальной коммуникации, в частности общению знакомых. Эта разновидность общения исследуется по разработанной автором методике, включающей анализ таких параметров, как *коммуниканты, их роли и апперцепционная база; сфера, место и время общения, его цель, доминанта, тематика, речевые особенности*. Материалом послужили записи «живой» разговорной речи. Сопоставление общения знакомых с другими разновидностями устной неофициальной коммуникации позволило выявить его специфические признаки. Особое внимание в статье уделено общению соседей – жителей городских многоквартирных домов. Представлены результаты наблюдений за их речью, реализацией в ней различных стратегий и тактик. Сопоставлены системы именований, используемые разными группами соседей в обращениях и вне обращений.

A.N. Baikulova. Marginal sphere of informal communication: acquaintance interaction. The article investigates verbal communication. The author offers a classification of oral informal communication that includes its nuclear and marginal spheres. The classification is based on the factor of a degree of closeness of interlocutors' interpersonal relationships. The author focuses on the marginal sphere of informal communication, especially acquaintances communication. This kind of communication is studied with the help of the method developed by the author. The method includes the analysis of a number of parameters such as interlocutors, their roles and apperception base, communication sphere, time and place of communication, its goals, dominant, topics, speech characteristics. The material contains the «live» speech recordings. The author emphasizes that comparison of acquaintances communication with other varieties of informal oral communication has revealed its distinguishing features. The author pays close attention to neighbors (i.e. residents of urban apartment buildings) communication. The author describes the results of observation of their speech and implementation of various strategies and tactics. The author also compares the nomination system used by different groups of neighbors as vocatives and other naming units.

И.А. Бедарева, Т.И. Орехова. Фаунистическая лексика Алтая в региональном пространстве (семантические модели и этимология). Статья посвящена исследованию региональных фаунистических номенов на материале русских говоров Алтая. Названия птиц с прозрачной внутренней формой в исконной группе составляют 76 лексических единиц и распределяются по семи общим семантическим моделям, образованным на основе мотивировочных признаков. Кроме того, разнообразие воплощения мотивировочных признаков (их конкретизация) способствует выделению частных семантических моделей. В исследовании акцентируется внимание на семантическом аспекте и этимологии. На материале говоров Алтая подтверждается положение о том, что каждая лексическая группа, выделенная по тематическому принципу, имеет свой набор мотивировочных признаков, зависящий от объективных свойств самих обозначаемых объектов, что является проявлением системы языка в процессе номинации. Основными мотивировочными признаками в фаунистической лексике являются: окраска, размер, характерная особенность, пол, возраст, качество, состояние, характер питания, место обитания, время активности животного. Данные мотивировочные признаки могут быть квалифицированы как типичные для исследуемых групп, поскольку на базе этих признаков формируются целые ряды номинативных единиц. Набор основных мотивировочных признаков в каждой семантической модели обусловлен, главным образом, внелингвистическими факторами и имеет ярко выраженную прагматическую направленность.

I.A. Bedareva, T.I. Orekhova. Faunistic vocabulary in the region of Altai (semantic models and etymology). The article is devoted to the study of regional faunal material nomens on Russian dialects of Altai. The names of birds with a transparent inner form in the native group, 76 lexical units and distributed to the seven common semantic model, formed on the basis of the reasoning features. In addition, a variety of incarnations motivational characteristics (their specification) promotes the release of partial semantic models. The study focuses on the semantic aspect and etymology. Studying the Altai dialects the author proves the idea stating that each lexical group thematically picked, has its own set of motivational signs, depending on the properties of the objective referred objects, which is a manifestation of language in the nomination process. The main features of the reasoning in the faunal vocabulary are: color, size, feature, sex, age, quality, condition, diet, habitat, time of activity of an animal. These motivational symptoms can be classified as typical of the groups, as on the basis of these features are formed whole series of nominative units. A set of basic motivational traits in each of the semantic model is driven mainly by extralinguistic factors and has a strong pragmatic orientation.

В.Н. Аристова. Вербальные расистские оскорбления в современном французском обществе. В статье рассматривается проблема вербальных расистских оскорблений и отношение к ним в современном французском обществе. Во Франции, где проживает более 7 миллионов иммигрантов, проблема расовой терпимости стоит чрезвычайно остро, и, как и в большинстве европейских стран, расистские оскорбления преследуются по закону. В настоящее время за оскорбления по расовому признаку уголовный кодекс предусматривает строгие наказания – до 5 лет тюремного заключения и штраф до 75 000 евро. И несмотря на такие решительные меры в отношении обидчиков, доказать факт оскорбления по расовому признаку и наказать виновных зачастую является сложной задачей. На примере ряда наиболее освещаемых за последние три года в средствах массовой информации событий, связанных с расистскими оскорблениями, анализируется вокабуляр вербальной расистской инвективы, производимый ею эффект и меры, принимаемые французским обществом с целью наказания подобных оскорблений или их недопущения. Далеко не всегда оскорбления выражены инвективами, представленными в словарях нецензурной лексики. По сути, обвинение в расистском оскорблении может быть вынесено даже в том случае, если обидчик не употреблял вербальных расистских оскорблений, но было доказано намерение оскорбления или дискриминации оппонента. При этом наибольшее количество громких разбирательств связано, прежде всего, с оскорблением арабов. И, наконец, происходит формирование так называемой «обратной» расовой нетерпимости, которая проявляется по отношению к французам со стороны мигрантов.

V.N. Aristova. Verbal racist abuses in the contemporary French society. The article looks at the verbal racist abuses and the attitude towards them in the contemporary French society. France is home to more than 7 million immigrants and therefore the problem of racial tolerance is rather acute and, just like in many European countries, these abuses are punishable by law. Currently the abuses on racial grounds are very strictly punished by the criminal code with 5 years in prison and a fine of up to 75 000 Euros. Although the measures are more than decisive, singling out the offenders and punishing them is a difficult task. The more notorious racial abuse cases that have made it to the media spotlight in the past three years are taken as the core for the article, the vocabulary of verbal racial invective is analyzed alongside with its effect and the measures taken in the French society to punish or avoid these abuses. Quite frequently the abuses are not expressed through the invectives included into the dictionaries of taboo words. Con-

ceptually, the charge with racial abuse can take place even if the offender did not use verbal means, but the intention to insult or discriminate the opponent has been proved. At the same time, the majority of scandalous cases are connected to abusing the Arab immigrants. Finally, the 'inverted' racial intolerance is formed, whereby the French are the victims of the abuse by the immigrants.

Л.Н. Демченко. Творчество Чингиза Айтматова в аспекте художественной антропологии. Художественная антропология как воплощение человека в художественном тексте позволяет говорить о творческой индивидуальности писателя, его способности создания пластического телесного образа, передающего не только статические и динамические характеристики, но позволяет раскрыть специфический национальный образ. Художественная антропология имеет дело не с реальным человеком, а с образом человека, создаваемым писателем в художественном мире. Изображение человека в его подвижности может быть передано с помощью различного рода приемов, которые могут выступать специфическим средством создания телесного образа, своеобразной моторикой различных частей тела, отображающей эмоциональные реакции человека. Позы и жесты проявляют себя как семиотические, являющиеся сигналами диалога. Воссоздавая или пересоздавая пропорции, пластику, анатомию, динамику, эстетику человеческого тела, искусство как бы открывает его заново.

L.N. Demchenko. Chingiz Aitmatov's creativity in the aspect of art anthropology. Art anthropology as the embodiment of human being in literary text allows to speak about creative identity of a writer, his ability to create plastic corporal image transferring not only static and dynamic characteristics, but also allows to open a specific national image. Art anthropology deals not with the real person, and with the image of the person created by a writer in art world. The image of a person in his mobility can be transferred by means of different devices which can act as a specific tool for a corporal image, a peculiar motility of various parts of body, displaying emotional reactions of the person. Poses and gestures prove themselves as semiotic, peculiar to dialogue signals. Re-creating or creating again proportions, plastic, anatomy, dynamics, esthetics of a human body, art as though rediscovers it. The corporal image recreated in art world of a writer is interesting, first of all, by creative identity of the writer which shows connection of the general and special, universal and national.

Э.П. Хомич. Скромное обаяние детской книги Алтая. В статье рассматривается сущность и содержание понятия «детская литература Алтая» как неотъемлемая часть литературного процесса. Однако, прежде, чем осветить региональный аспект заявленной темы, автор делает небольшой экскурс в историю и теорию детской литературы, и лишь затем переходит к характеристике особенностей ее развития на Алтае. Взяв за точку отсчета 60-е годы предыдущего века, он дает обзор произведений для детей и определяет вектор в формировании детской литературы, рассматривая его в движении и восприятии эпох, вплоть до первого десятилетия нынешнего века. Историко-культурологический подход автора к детской литературе Алтая создал условия для сравнительно-сопоставительного и типологического анализа основных произведений «литературного детства» и на условиях критерия художественности произвести отбор произведений для детей. С учетом существенных характеристик детской литературы выделяются и подчеркиваются ее основные категории, функции, типы детских текстов у разных писателей, их формирование в преемственности и взаимодействии традиций. Автор обосновывает факт самосознания литературного детства, который реализуется в такой, например, черте литературы для детей, как психологизм. Особенность этой статьи еще и в том, что автор выдвигает тезис относительно глубины определений таких понятий, как «детский писатель», «детская книга», «детский текст». Выделяется ряд талантливых детских писателей Алтая, «настроенных» на детское мировосприятие, которые творят в различных жанрах, отличающихся своими особенностями. Рассматривая жанровый состав литературы для детей, автор показывает завоевания и позиции «большой литературы для маленьких», приводит убедительные аргументы успешности ее развития на Алтае. Так достаточно подробно анализируются книги последнего десятилетия, «книги нового типа». В статье представлены как книги, адресованные детям младшего и среднего школьного возраста, так и книги двухадресные, которые можно рекомендовать юношеству. Авторский обзор новинок позволяет назвать основные современные тенденции и выделить отличительные особенности детской литературы, а также уточнить ее категории и функции, определить характер социализации и логику читательских предпочтений.

E.P. Khomich. The Discreet Charm of Children Literature of Altai. The author of the article treats the essence and the content of the notion «Children literature in Altai» as an integral part of the literary process. Before focusing on the regional aspect of the proposed subject, the author makes a slight turn into history and theory of children literature in general,

and only then goes on to describe how children's literature developed in Altai. Beginning with 1960s as the starting point, the author overviews books for children and determines the direction in the creation of literature for children, seeing it as motion of historical periods up to the first decade of this century and their perception. The author's historical and cultural approach to children literature in Altai region makes the basis for comparative and typological analysis of the major works of «literary childhood» and she takes the criterion of artistic merit to select children books for literary analysis. In view of the essential characteristics of children literature are put forward and emphasized its main categories, functions, types of children texts by different writers; their origin is connected to the continuity and interaction of traditions. The author defines the self-consciousness of literary childhood as psychologism. The author puts forward a thesis on definitions of such concepts as «a children writer», «a children book», «a children text» and their reliability. The author identifies a number of talented children writers in Altai who are «tuned» to juvenile worldview and write in different genres with distinctive features. Considering the number of genres in children literature the author shows the achievements and position of «great literature for young», and provides convincing arguments for its progressive development in Altai region. The author gives a close examination to last decade's editions, which are «a new type of a book». The paper names books, addressed to young and middle-school age kids and books that can be recommended to both young kids and teenagers. The author's review of new editions names the current trends in children's literature and highlights its distinctive features, it can be also helpful to clarify its categories and functions, to determine the nature of socialization and the logic of readers' preferences.

Ю.В. Трубникова. Лексико-деривационная структура и семантика поэтического текста. Статья посвящена анализу феномена лексико-деривационной структуры – совокупности сквозных семантических и формально-семантических рядов текста, объединенных семантико-синтаксическими отношениями. В статье обосновывается мысль, что такой тип структуры является способом формальной организации текста и основанием формирования семантики текста, которая зависит, таким образом, от характера внутритекстовой деривации. Кроме того, лексико-деривационная структура определяет систему смыслов и является основанием восприятия текста. Вариативность смыслового восприятия объясняется тем, что данный тип структуры задает прежде всего направление формирования смысла. В процессе восприятия в сознании реципиента может акцентироваться тот или

иной фрагмент структуры, что трансформирует смысл целого. Это объясняет феномен интерпретации. Чтобы показать возможность для лексико-derivационной структуры формировать семантику текста, рассматривается стихотворение И. Бродского «Воротишься на родину...».

Yu.V. Trubnikova. Derivational structure and semantic of poetic text. The subject of the article is the problem of derivational structures of the text as a language text's construction. This structure is formed with lexical lines of the text and differs from other kinds of text's structures. We describe the method to reveal it, and prove the idea that derivational structure determines text's meaning. So we regard this type of structure as a basis of text's derivational functioning and a basis of text's interpretation. We base our arguments on the fact that recipient perceives the derivational structure and understands the text. But he can perceive several lexical lines as more important, so text's meaning is transformed. To ground this thought we analyse the meaning of the poem by J. Brodsky «Воротишься на родину...».

Д.А. Кожанов. Фреймовая структура организации знаний в научной картине мира. В статье сопоставляются традиционный и современный подходы к определению и описанию языка науки. Функционирование единиц языка науки рассматривается в неразрывной связи со стоящими за языковыми знаками структурами сознания, в связи с чем поднимается проблема организации знаний в научной картине мира. В статье выделяются основные аспекты соотношения в ментальном мире человека научного понятия и концепта, научной картины мира и практической (наивной) картины мира с точки зрения реконструирования языковой личности исследователя на материале художественных текстов. Материалом исследования выступают тексты, состоящие из множества субтекстов, принадлежащих различным дискурсивным формациям. Интертекстуальность рассматривается как способ построения собственного текста через сложную систему отношений с текстами других авторов. Делается акцент на случаях заимствования не отдельных концептов, а фреймов, организующих познавательную деятельность человека и упорядочивающих его опыт. В статье рассматриваются различные точки зрения на понятие репрезентации и предлагается разграничивать ментальные и вербальные репрезентации. Задачей лингвистического анализа должна быть не только вербальная репрезентация, но и ментальная, так как второй тип репрезентации предполагает одновременно и знание языка, и знание реального мира. В статье анализируются методологические посылки современной когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания, в отношении менталь-

ных и языковых репрезентаций. В статье дается характеристика совокупного коллективного знания как объекта когнитивной науки, уточняется его роль и значимость в современном мире.

D.A. Kozhanov. Frame structure of knowledge in the scientific picture of the world. The paper presents the analysis of traditional and modern approaches to definition and description of language of science. Language functioning is viewed in its inseparable unity with mental structures connected with language signs. Consequently, there appears a problem of representation of knowledge in the scientific picture of the world. The article focuses on the main aspects of correlation of the concept and scientific notion, on the one hand, and scientific picture of the world and practical picture of the world, on the other hand. This approach is determined by the necessity of detailed analysis of researcher's personality on the material of fictional texts. The corpus of fictional texts is presented by texts consisting of numerous subtexts belonging to different discursive formations. Intertextuality is interpreted as the means of creation of the text on the basis of complex system of relations with texts belonging to different authors. The article also highlights the cases when the author borrows not only single concepts but also frames which organize cognitive human activity and categorize the experience. The article analyses the different views about the concept of representation and covers the problem of differentiating between mental representations and verbal representations. The goal of linguistic analysis must become not only the verbal, but also mental representation, for the latter type suggests both the knowledge of language and the knowledge of the real world. The article deals with methodology of modern cognitive-discursive paradigm in relation to language and mental representations. In the article the characteristics of common collective knowledge as an object of cognitive science are given, its role and importance in modern society are clarified.

Я.А. Дударева. Нейминговый словарь русского языка (слова-бионимы как фирменные наименования): концепция и технический проект. В статье изложена концепция нового ономастического словаря описательного типа, каждая словарная статья которого представляет собой нейминговое гнездо: слово-стимул (бионим) выступает как эргоним, потенциально возможный и реально существующий в ономастическом пространстве современного русского языка. В соответствии с представляемой концепцией словаря каждая из статей описываемого лексикографического издания формируется на основе источников 2 типов. Первым из них является база данных информационно-справочной системы «ДубльГис», рассматриваемая, с учетом целе-

вой направленности научного исследования, как картотека эргонимов. В существующих на сегодняшний день фирменных наименованиях проявляются уже реализованные лингвомаркетинговые возможности русского слова: способность нарицательных имен расширять номинативный потенциал, становиться именами собственными, функционирующими в качестве наименований различных организаций. Второй источник – это экспериментальные данные. Каждая словарная статья отражает нейминговый потенциал русского слова, который определяется не предписательно на основе интуиции лингвиста-лексикографа, а выявляется описательно в ходе опроса рядовых носителей русского языка. В настоящей публикации приводится пример статьи из создаваемого неймингового словаря с заголовочным словом *абрикос*.

Ya.A. Dudareva. Naming dictionary of Russian language (word-bionimy as trade names): concept and technical design. In this paper the author offers the concept of a new onomastic dictionary descriptive type, which each dictionary entry represents naming field: word - stimulus (bionym) acts as ergonym potentially possible and actually exists in onomastic field of the modern Russian language. In accordance with the concept represented by each of the dictionary article describes lexicographical publication is based on sources of 2 types. The first is a database of information system «DoubleGIS» considered, taking into account the target orientation of scientific research, as a database of ergonyms. In the currently existing brand names there are already implemented Russian words' lingvomarketing facilities to expand the ability of common nouns nominative potential to become proper names, functioning as the names of various organizations. The second source represents experimental data. Each entry reflects naming potential Russian words, which is not determined on the basis of intuition prescriptive by a linguist lexicographer, but revealed in a survey descriptive by ordinary Russian speakers. This publication is an example of an article from a naming dictionary with the entry word *apricot*.

Е.И. Клинк. Варьирование модели жанра имиджевой статьи по параметру «предмет отображения». Статья посвящена проблеме варьирования модели жанра имиджевой статьи. Модель жанра имиджевой статьи представляет собой коммуникативно-дискурсивную интерпретацию процесса жанрообразования. Одним из главных свойств модели является динамичность, продиктованная подвижностью жанровых границ. Модель создается на основе идеи об инвариантных и вариативных элементах. В данной статье рассматривается варьирование по параметру «предмет отображения». Под предметом отображения понимается фрагмент действительности, который воспроизводится в

тексте. В имиджевой статье предметом отображения является событие из жизни базисного субъекта PR. Характерной особенностью репрезентации события является принцип «сопряжения значимостей» как попытка субъекта сформировать собственный положительный образ через его соединение с другим образом, обладающим характеристиками социальной значимости. Варианты моделирования обусловлены различиями в типе предмета отображения. В данной статье представлены три варианта моделирования: 1) «событие-субъект»; 2) «субъект-субъект»; 3) «проблема-решение».

E.I. Klink. Varying of image article's model by a parameter of represented object. The article devoted to varying of image article's model. Genre model of image article is a communicative and discursive interpretation of genre formation process. One of the main properties of the model is dynamic, provided by the mobility of genre boundaries. The model is created following the idea of invariant and variable elements. This article examines the varying by a parameter of represented object. Represented object is considered as a fragment of reality, which is reproduced in the text. Represented object of image article is an event in the life of the basic subject of PR. A characteristic feature of the event's representation is the principle of «conjugation of significances» as a subject's attempt to form their own positive image by means of its connection to another image, which has the characteristics of social significance. Variants of modeling are conditioned by differences in the type of represented object. This article presents three options for modeling: 1) «event-subject»; 2) «subject-subject»; 3) «problem-solution».

С.С. Барсукова. Приемы создания эффекта обманутого ожидания на уровне предложения. В статье рассматриваются основные способы реализации эффекта обманутого ожидания на уровне предложения. Стилистические средства актуализации данного эффекта представлены спадом напряжения, антитезой, зевгмой и игрой слов. Спад напряжения может быть определен как смена постепенного нарастания (градации) напряжения его внезапным рассеиванием, что достигается использованием в финальной части предложения такого слова или словосочетания, которое не может быть поставлено в единый логический ряд с единицами из начала предложения, призванными придавать патетичность, возвышенное звучание первой части предложения. Основу антитезы составляет заключение двух контрастирующих идей в рамки одного предложения и возникающее в результате подобного соположения «свежее», неожиданное звучание предложения. Зевгма и игра слов обусловлены способностью одного и того же слова образовывать

206

словосочетания с семантически совершенно отличными друг от друга словами, что представляет собой интерес не только в грамматическом, но и в прагматическом отношении. Использование перечисленных приемов, по замыслу автора, должно способствовать возникновению у читателя определенных эмоций или подчеркнутому выражению комичности описываемой ситуации.

S.S. Barsukova. Ways of the defeated expectancy effect's realization at the sentential level. The given article reviews the basic ways of the defeated expectancy effect's realization at the sentential level. The means of the defeated expectancy effect's sentential foregrounding are presented by such stylistic devices as bathos, antithesis, zeugma and pun. Bathos as a means of creating defeated expectancy may be characterized as gradual growth of tension and subsequent anticlimax due to the appearance of a word or a phrase that does not stand in the same logical line as the words/phrases from the beginning of the sentence stand in. Another means of creating the effect in question, antithesis, is based on putting two contrasting ideas/notions in the neighboring positions within the limits of one sentence, with the resulting juxtaposition's sounding fresh and, thus, unexpected. The combinational ability of one and the same word to form phrases with semantically distant words contributes to the existence of such means of creating defeated expectancy as zeugma and pun. The usage of the above mentioned means is employed by the author in order to arouse certain emotions on the part of the reader or to underline the jocularity of the situation described.

Е.В. Головенкова. Отражение языковой манеры журналистов и специализации российских газет в выборе тактик адресации. В статье рассматриваются современные тенденции в развитии российской прессы, подчеркивается двустороннее влияние печатных СМИ и читателей друг на друга. Для современных печатных СМИ характерно сближение письменной и разговорной речи, о чем говорят многие исследователи. Одним из способов диалогизации медиа текста являются различные тактики адресации, которые в данной работе группируются согласно выполняемым ими речевым функциям. В результате анализа газетных статей о культуре выявляются самые распространенные группы тактик адресации четырех центральных российских газет. Самыми востребованными тактиками адресации в центральной российской прессе являются тактики доступности, достоверности информации и идентичности с адресатом. При этом в каждой из четырех газет приняты свои тактики адресации, мало распространенные в других изданиях. Данная особенность, возможно, связана с редакционной по-

литикой изданий, с ориентацией на свою целевую аудиторию. Однако многие журналисты сохраняют свой идиостиль.

E.V. Golovenkova. Reflection of Journalists' Language Manner and Specialization of Russian Newspapers in Choice of Addressing Tactics. The article deals with current trends in development of the Russian press, mutual influence of print media and readers at each other is emphasized. For modern print media contingency of written and informal conversation is characteristic, as many researchers speak. Various tactics of addressing are one of ways of media text dialogization. In this work these tactics are grouped according to speech functions carried out by them. As a result of the analysis of newspaper articles about culture the most widespread groups of addressing tactics in four central Russian newspapers come to light. The most demanded addressing tactics in the central Russian press are tactics of availability, reliability of information and identity with the addressee. Thus in each of four newspapers the specific addressing tactics are accepted; and these specific for one edition tactics are of a little widespread in other ones. This feature, possibly, is connected with editorial policy of editions, with orientation to the target audience. However many journalists keep their idiostyle (individual style).

С.Н. Германов. Репрезентация понятия «странный» в предложении в английском языке. В статье рассматривается понятие «странности» как отступление от общепринятого, то есть того, что определяется, как норма и потому прогнозируемо и ожидаемо. Зависимость толкования понятия странности от характера имеющегося знания позволяет отнести его к области гносеологических понятий, входящих в сферу актуализации познавательного процесса. Отнесенность понятия к области гносеологических позволяет говорить о вхождении понятия странного в сферу оценочных представлений. В свою очередь, выявляются три модели вхождения оценки в высказывание: атрибутивная, некусная, бипредикативная. Одним из важных пунктов в статье является рассмотрение использования конструкции *de re* для репрезентации понятия «странный» в предложении. Не менее важным является использование конструкции *de dicto* для выражения «странности» характеризующей все высказывание, а так же ввод «странности» в конструктивную рамку предложения структурами *de se*, в виде некусных сочетаний.

S.N. Germanov. Representation of the concept «strange» in the sentence in the English language. This article describes the concept of «strange» as a deviation from generally accepted that is defined as norm and that is why it is predictable and expected. Interpretation dependence of

the «strange» concept from the character of possessed knowledge allows us to refer it to the sphere of gnoseological concepts in the sphere of cognitive process actualization. Reference of the concept to the gnoseological ones allows us to speak about the «strange» concept entering into the sphere of assessment concepts. By-turn three models of assessment entering into the statement come to light: attributive model, nexus model, bi-predicative model. One of the main points in the article is the consideration of the de re structures usage in the representation of the concept of «strange» in a sentence. Not least important is the usage of the de dicto structures for the explication of «strangeness» characterizing the whole statement. The inclusion of «strangeness» into the construction frame of a sentence by the de se structures in the form of nexus combinations is also important.

А.И. Матяшевская. Функции и способы введения сниженной лексики в британских газетах. В статье рассматривается употребление сниженной лексики в пяти британских газетах различных типов. Выявлены ее основные функции: использование для установления контакта с читателями, углубления содержания текста, необходимой синонимизации, в целях создания в статье определенного колорита, усиления экспрессии и выражения эмоционального отношения журналиста к затронутой им проблеме. Определена частотность: в качественных газетах – в среднем от 124 до 132 сниженных лексем на 100000 словоупотреблений, в таблоидах – от 328 до 500 сниженных элементов на 100000 словоупотреблений. Способы введения: более активное использование цитирования, указания на источник информации, чем в русских газетах. Различия в употреблении сниженной лексики в основном сводятся к частоте ее употребления, способам введения и более характерному для русских газет использованию грубой и жаргонной лексики. В британских газетах встречается преимущественно разговорная лексика, появление которой вполне допустимо в журналистском тексте.

A.I. Matyashevskaya. Substandard Vocabulary in British Newspapers: Functions and Ways of Introducing. The article examines substandard vocabulary that is used in five British newspapers of various types. Its functions are revealed, among them are the usage of substandard words to get into contact with the reader, to deepen significance of the article, as one of the necessary convertible terms, also in an effort to give an article a certain flavor, to intensify the expressiveness and to convey to the reader journalist's feelings about the subject. Frequency of occurrence is determined: in quality newspapers the reader can find from 124 to 132 substandard words upon average falling at 100000 word usage and in tabloids the

number is from 328 to 500 substandard expressions correspondingly. Ways of introducing substandard vocabulary are described: the usage of citations and other references to source of information are more significant in British newspapers, than in Russian printed mass media. The differences between Russian and British newspapers consist mainly in frequency of substandard words' occurrence, ways of introducing them and the usage of offensive and rude slang words that is typical for Russian newspapers. On the contrary informal and spoken words that are entirely acceptable prevail in British newspapers.

К.А. Воротынцева, И.В. Силантьев. Повседневность как категория нарративной поэтики. Статья посвящена исследованию проблемы повседневности в художественном нарративе. Конститутивные свойства нарративного дискурса позволяют рассматривать его как «остраняющее» повествование. Характерная для него установка на событийность формирует художественный образ повседневности, который соотносится с нарративной доксой. Особый интерес в аспекте исследуемой проблематики представляет для нас лиризованное повествование. Конститутивные свойства лирического дискурса соотносятся со спецификой лирической событийности, значительно отличающейся от событийности в нарративе. Вторгаясь в повествование, лирический дискурс существенно трансформирует коммуникативные свойства и событийную организацию художественного нарратива. В целом, можно говорить о формировании особого типа повседневности, в основе которого лежит мифопоэтическое восприятие действительности. Таким образом, моделируемые типы повседневности в художественном повествовании определяются взаимодействием нарративного и лирического дискурсов.

К.А. Vorotyntseva, I.V. Silantyev. Daily Routine in Narrative Structure. The present article deals with the problem of representation of daily routine in fictional narrative. Constitutive characteristics of narrative discourse allow us to consider it as a 'defamiliarized' narrative. Eventfulness as a core of narrativity generates a very special literary image of everyday life that correlates with the narrative doxa. Besides, so called lyric narrative is analyzed in the present paper. Constitutive characteristics of lyrical discourse are determined by the special features of lyrical eventfulness which differs radically from eventfulness in a narrative. Intruding into a fictional narrative, lyrical discourse transforms its communicative characteristics and event structure. Generally, in this case we can talk about creating a special type of daily routine which is based on mythopoeic perception of reality. Thus, the possible types of literary images

of daily routine established in fictional narratives are determined by the interaction of lyric and narrative discourses.

Е.В. Белогурова. Комедийно-сатирическая версия «квартирного вопроса» в творчестве М. Булгакова: «Зойкина квартира». В статье рассматривается комедийная специфика освещения Булгаковым судьбы русского Дома в советской России, в частности, карнавальное «оборотничество» лиц, предметов и функций домашнего мира, способы сатирической мистификации квартирных афер в годы НЭПа, предваряющие некоторые мотивы романа «Мастер и Маргарита», что определяет особое место пьесы «Зойкина квартира» в творческой эволюции писателя. Образ зеркального шкафа становится сквозным мотивом, организующим, с одной стороны, театрально-игровые аспекты комедийного сюжета, а, с другой стороны, двоемирие художественного пространства пьесы. Масштабные перемены, затрагивающие все сферы жизни главных героев в домашнем пространстве, отражают современные тенденции, приводящие к дезорганизации традиционных устоев семьи, дома как с точки зрения культуры быта, так и с точки зрения бытия. В то же время Булгаков под маской смеха обличает мотив тотального надзора за личной жизнью человека в Советской России. Традиционные мотивы комедийных подглядываний в замочную скважину, подслушиваний из-за портьер приобретают криминальный характер, направленный на вымогательство новых взяток, доносы, шантаж.

E.V. Belogurova. Comic-satirical version of «housing problem» in M. Bulgakov's play «Zoya's Apartment». The article deals with the peculiar comedic interpretation of fate of the Russian House in Soviet Russia. Particularly, it represents carnival shape-shifting of characters, house world objects and functions. It dwells on the methods of satiric mystification of housing frauds during the NEP. All this determines the distinctive position of the play «Zoya's Apartment» in the creative evolution of the writer. The image of a mirror wardrobe becomes a cross-cutting motive organizing, on the one hand, theatrical-acting aspects of the comedic plot and world duality of the artistic space of the play, on the other. Large-scale changes involving all spheres of life of the main characters at home reflect modern tendencies which lead to disorganized traditional foundations of the family and home both from the point of view of way of life and existence. In the meantime Bulgakov exposes the total control over the private life of an individual in Soviet Russia under the guise of laugh. Traditional motives of peeping and eavesdropping acquire the criminal character as they are aimed at bribing, denouncing and blackmailing.

Г.Х. Абдрафикова. Художественные искания башкирской детской литературы 20-х годов XX века. В статье рассматриваются пути и направления поисков башкирской детской литературы 20-х годов XX века. Выявляются основные идея-тематика, образы, характерные средства и приемы изображения. Башкирская детская литература рассматриваемого периода не возникла вдруг, на пустом месте только после Октябрьской революции, что показывается на примерах предшествующего периода. В 20-е годы XX века она вступила на путь активного становления и развития. Литературные явления анализируются в неразрывной связи с процессами исторических преобразований того времени, произошедших в нашей стране. Как показывает анализ, в детской литературе, как и в литературе в целом, преобладала тема разрушения старого и строительства нового мира. А в центре многих произведений, созданных для детей со второй половины 20-х годов, согласно требованиям той поры, были темы пионеров, комсомола, Родины, строящей основы социализма. Также делается вывод о том, что изображение героев часто носит примитивный, схематичный характер, что в произведениях описываются лишь внешние события, а люди же исполняют иллюстративную роль. Таким ограничениям, по мнению автора, способствовали жесткие идеологические рамки.

G.Kh. Abdrafikova. Literary quest in Bashkir literature for children in the 20^s of the XXth century. The article discusses the ways and directions of searches by Bashkir literature for children in the 20^s of the XXth century. The author identifies the main idea, theme, imagery, specific tools and techniques of image. Bashkir literature for children has not sprung of nowhere as it was the custom to consider things in national literatures during Soviet times. In the 20^s of the XXth century it embarked on the way of active formation and development. The literary phenomena are analyzed in an indissoluble connection with the processes of historical transformations that happened in our country. As an analysis shows, as was the situation in other sections of literature, here, too a prominent topic was the topic of demolishing the old and constructing a new world imbued with the then ideology. Ways and means of depicting reality were also specific ones. The author has also drawn the conclusion that the image of characters is often primitive and schematic, that only external events are described in works, and people carry out just an illustrative role. Those limitations, in the opinion of the author, are due to hard ideological scopes.

Н.Л. Павлюк. Экзистенциал страха в исторической прозе Ю. Мушкетика. В результате усиления философского осмысления закономерностей человеческого бытия в исторической прозе исследованы

особенности семантического наполнения и функциональной нагрузки экзистенциала страха на материале исторических произведений украинского писателя Ю. Мушкетика. В статье подробно исследован экзистенциальный концепт страха, анализ которого позволяет раскрыть не только специфику исторического периода XVII–XVIII столетий, но и главные закономерности человеческой жизни. Категория страха представлена в контексте проблемы жизненного выбора героев, пограничных ситуаций, которые тесным образом связаны с формированием морально-этических ценностных ориентаций героев. Проанализированы в статьях романы и повести доказывают, что основным художественным средством изображения анализированного модуса, который проявляется в различных пограничных ситуациях, в моментах приближения к смерти и предательству, в переживаниях чувства вины и совести, есть прием олицетворения.

N.L. Pavlyuk. Existential of fear in Yu. Mushketik's historical prose.

In the result of philosophical understanding of human existence's patterns in the historical fiction the author analyses the features of the semantic content and the functional filling of the existentsial of fear studying the Ukrainian writer Yu. Mushketik's historical novels. The existential concept of fear is analyzed in the article in detail; its analysis allows not only to solve the specificity of historical period of the XVII–XVIII centuries, but also to show the key patterns of human life. The category of fear is presented in the context of the problem of heroes' choice, borderline situations, which are connected with the formation of the characters' moral orientations. The analyzed novels and stories prove, that the main artistic medium of the analyzed modus, which appears in different border line situations, at the moments of approximation to death and betrayal, in the feelings of guilt and conscience, is the device of personification.

О.А. Сысоева. «Детская книга» Б. Акунина: проблемы жанрового пародирования сказочного канона. Работа посвящена анализу жанровой специфики романа Бориса Акунина «Детская книга». Показано, что формула романа во многом соответствует структурам волшебной сказки, описанным В.Я. Проппом. Сходство проявляется по целому ряду параметров: 1) определенный набор мотивов, которые взаимодействуют внутри фундаментальной схемы; 2) герои, типичные для сказок; 3) психологические стереотипы; 4) занимательность, динамичность сюжета. Однако автор отказывается от общепринятых норм сказочного канона: счастливого финала, «стандартов» читательского восприятия. В «Детской книге» отсутствует традиционный нравственный кодекс, преобладает особый тип рационального мировосприятия. В композиционном плане текст характеризуется предельным насыщением формульных клише, представленных в ироничном (пародийном)

плане. Сказочный жанровый канон трансформируется согласно авторской установке на травестийное обыгрывание литературных штампов, именно это позволяет интерпретировать данный текст в пародийном ключе.

O.A. Sysoeva. «Children book» of B. Akunin: the problem of parody genre of the fairy canon. The work is devoted to the genre specificity of Boris Akunin novel «Detskaya kniga». It shows that the formula of the novel largely corresponds to the fairy-tale structures described by V. Propp. The similarity is manifested in a variety of settings: 1) a certain set of motifs that interact within the basic scheme; 2) typical characters of fairy tales; 3) psychological stereotypes; 4) engagement, dynamic plot. The author, however, rejects the generally accepted norms of the fairy tale's canon: a happy ending, «standards» of the reader's perception. There is no traditional moral code in «Detskaya kniga» («Children book»), the story has a special type of rational worldview. In compositional terms the text is characterized by marginal congestion formula cliché in the ironic (burlesque) view. The fabulous genre canon is transformed according to the author's approach at the parodying of literary clichés, it allows to interpret this text in a burlesque manner.

НАШИ АВТОРЫ

АБДРАФИКОВА,
Гульнара
Хависовна

– кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН.
E-mail: gulnara1273@bk.ru

АРИСТОВА,
Валентина
Николаевна

– кандидат филологических наук, преподаватель
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва).
E-mail: avn2611@gmail.com

БАЙКУЛОВА,
Алла
Николаевна

– кандидат филологических наук, доцент
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: allabay15@mail.ru

БАРСУКОВА,
Светлана
Сергеевна

– аспирант Алтайской государственной
педагогической академии (Барнаул).
E-mail: sveta_barsukova@yahoo.com

БЕДАРЕВА,
Ирина
Александровна

– кандидат филологических наук, доцент
Горно-Алтайского государственного университе-
та.
E-mail: bediral@mail.ru

БЕЛОГУРОВА,
Евгения
Васильевна

– аспирант Алтайского государственного
университета (Барнаул).
E-mail: e.blgrv@mail.ru

- ВОРОТЫНЦЕВА,
Ксения
Александровна** – аспирант Института филологии СО РАН
(Новосибирск).
E-mail: vorotyntseva@gmail.com
- германов,
Сергей
Николаевич** – кандидат филологических наук, доцент
Финансового университета при правительстве
Российской Федерации (Барнаул).
E-mail: sergyleo@mail.ru
- ГОЛОВЕНКОВА,
Екатерина
Викторовна** – преподаватель Саратовского государственного
технического университета им. Ю.А. Гагарина.
E-mail: eka-golovenkova@yandex.ru
- ДЕМЧЕНКО,
Лариса
Николаевна** – кандидат филологических наук, зав. кафедрой
Восточно-Казахстанского государственного
университета им. С. Аманжолова
(Усть-Каменогорск).
E-mail: dln1968@bk.ru
- ДУДАРЕВА,
Яна
Александровна** – кандидат филологических наук, ассистент
Кемеровского государственного университета.
E-mail: dudareva-yana@yandex.ru
- КЛИНК,
Евгения
Игоревна** – аспирант Алтайского государственного
университета (Барнаул).
E-mail: eklink@yandex.ru
- КОЖАНОВ,
Дмитрий
Алексеевич** – кандидат филологических наук, докторант
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: dsf4k@mail.ru
- КОЗЛОВА,
Любовь
Александровна** – доктор филологических наук, профессор
Алтайской государственной педагогической
академии (Барнаул).
E-mail: lyubovkozlova@list.ru

МАТЯШЕВСКАЯ,
Ангелина
Игоревна

– аспирант Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: angelinacaribe@gmail.com

ОРЕХОВА,
Татьяна
Ивановна

– кандидат филологических наук, доцент
Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: princessa90@bk.ru

ПАВЛЮК,
Надежда
Леонидовна

– аспирант Южноукраинского национального
педагогического университета
им. К.Д. Ушинского (Одесса).
E-mail: nadyabadya@rambler.ru

ПШЕНКИНА,
Татьяна
Геннадьевна

– доктор филологических наук, профессор
Алтайской государственной педагогической
академии (Барнаул).
E-mail: t_pshenkina@hotmail.com

СИЛАНТЬЕВ,
Игорь
Витальевич

– доктор филологических наук, профессор,
директор Института филологии СО РАН
(Новосибирск).
E-mail: silantev@philology.nsc.ru

СЫСОЕВА,
Ольга
Алексеевна

– кандидат филологических наук, доцент
Дальневосточного государственного
гуманитарного университета (Хабаровск).
E-mail: helgats@yandex.ru

ТРУБНИКОВА,
Юлия
Витольдовна

– доктор филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: yuvtrubnikova@yandex.ru

ХОМИЧ,
Эмилия
Петровна

– кандидат филологических наук, профессор
Алтайской государственной педагогической
академии (Барнаул).
E-mail: brinevk@yandex.ru

**ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна
Владимировна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: labrlexis@mail.ru

**ШЕЛЕПОВА,
Людмила
Ивановна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: lshelepova@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 20.01.2014. Подписано в печать 22.01.2014. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 60.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

© Издательство Алтайского государственного университета, 2014

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987а]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 405-а, отв. секретарию журнала Василенко Татьяне Николаевне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: sovet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одиночный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384.
2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**
3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.